

ОТСЮДА НЕ ВЫХОДЯТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

“Отсюда не выходят” – этими словами и холодным, злобным взглядом встретил меня подполковник КГБ Трофимов. Он был заместителем начальника следственного отдела Куйбышевского Управления МГБ (а позднее КГБ).

Я стоял на пороге большого кабинета, в котором находились офицеры, ожидавшие моего прихода. Трофимов не был уверен, достаточно ли серьезно я воспринял его слова, и повторял их несколько раз. “Отсюда не выходят и в лучшем случае получают 25 лет. Здесь узнают что такое Советская Власть.”

Он так убедительно произносил эти слова, что можно было в это поверить. Эти слова повторялись в моём мозгу, и я искал на них ответа.

После первых тяжелых дней изоляции, морального и физического давления, когда обычно все впадают в депрессию или даже пытаются покончить собой, я сказал себе: “Ну дорогой, знай, здесь ты погибнешь. Твоя судьба предрешена, здесь тебе крышка.” Я пытался представить

себе, что будет со мной, и как это было с моими родителями и родными, когда они покорно шли в газовые камеры.

Я невольно вскрикнул – “Нет! Не бывать этому.” Насколько хватит сил, я решил бороться, не вставать на колени, никакие пытки не должны сломить меня, не буду просить милости, не буду восхвалять Советскую власть за великодушие и гуманность. Я хотел остаться человеком хотя бы для самого себя.

Спасибо всевышнему, что дал мне силу устоять перед тяжелыми испытаниями. Бог сохранил меня и дал возможность написать о пережитом.

АЛЬТЕР ГРИНВАЛЬД

Я описываю эти события с чувством долга перед друзьями и товарищами. Среди них были юные и пожилые. Я был связан с ними общей борьбой с распространенным в то время антисемитизмом. Позднее я был связан с организацией, названной “Группа Революционных Марксистов (ГРМ)”, целью которой было изменение формы правления в СССР. Я описываю события, которые захватили большой отрезок моей жизни.

В своей практике по уничтожению самостоятельно мыслящих людей, органы безопасности СССР вряд ли встречали много хорошо организованных групп, которые ставили бы своей целью свержение существующего режима в стране. Организованное движение функционировало в ряде районов нашей страны и действовало так, чтобы его не могли уничтожить в зародыше, так как такие примеры уже были ранее. Думаю, что когда в руки органов попадали программы, уставы и политические декларации этих организаций, они очень удивлялись этому.

В ГРМ состояли люди разных национальностей и из разных социальных групп. Доценко Ростислав – украинец, студент. Суходольский Аркадий – русский, офицер из Красноярска. Писарев Дмитрий – русский, офицер. Мазур Давыд – еврей, сержант авиации из Дербента. Абдул Барыс – татарин, курсант танкового училища из Свердловска, Янушкявичус Пранас – литовец, студент из Каунаса. Николаев Сергей – русский, рабочий из Ленинграда. Эти люди, обладающие высокими моральными

качествами, безусловно знали, какие последствия их ожидают, но стремление освободить свою страну от кровавого режима придавало им сверхчеловеческую стойкость и решимость в борьбе.

1947 год. Тяжелые последствия оставила закончившаяся недавно разрушительная война. Советские граждане, усталые и измученные многолетним голодом, тяжелым трудом и потерями своих близких и родных на войне, ожидали хотя бы небольшого облегчения в их жизни. Ведь во время войны люди безропотно переносили все тяжкие лишения и невзгоды. Война была своего рода алтарём, на который приносили всё, что имели. Продолжавшийся голод и изнурительный труд, хорошо запомнившиеся прошлые репрессии и всякого рода чистки, способствовали тому, что люди не задавали себе вопрос- сколько времени это будет продолжаться? В такой обстановке легко было работать тем, в чьи обязанности входило сохранение и укрепление режима.

Произвол органов угнетения нарастал с каждым днём и стал известным всем. Долголетнее подавление элементарных свобод, систематическое уничтожение людей, способных мыслить, дали властям желаемые результаты. Напуганные и морально подавленные граждане потеряли способность к защите. Они были безоружны и охвачены страхом перед террором. В результате тяжелого экономического положения, в стране возросло число преступлений. Увеличились случаи кражи продуктов питания и предметов потребления. Такие преступления карались длительными сроками заключения в исправительно-трудовых лагерях.

По стране расползлись лагерные вышки. Днём и ночью на улицах городов появлялись колонны арестованных мужчин и женщин, охраняемых автоматчиками с собаками. Их вели на работы в каменные карьеры, на стройки и заводы. Прохожие старались не смотреть на несчастных и только сочувственно вздыхали. Но органы подавления, управляемые властью, продолжали свою грязную работу. В их кабинетах, обставленных массивной канцелярской мебелью старинного типа, проводились совещания о методах изоляции потенциально опасных, неугодных режиму людей. Этих господ гораздо меньше интересовали настоящие уголовные преступления. Это они решали

судьбы ни в чем неповинных людей, не подозревавших о надвигающейся беде.

Органы дознания принимали доносы своих платных и невольных агентов, сетями которых была опутана вся страна. Органы старались в корне подавить мысль о свободе. Это называлось "Операцией по ликвидации потенциально опасных элементов". Они перенимали опыт всех известных в истории кровавых режимов и успешно воплощали его в жизни. Громадный аппарат принуждения и насилия содержался за счет нищеты населения. Народный контроль над этими органами отсутствовал и все материальные блага принадлежали им. В одном лишь нельзя было обвинять органы – во взяточничестве- они в этом не нуждались; им и так принадлежало всё. Работники аппарата органов дознания питали лютую ненависть к простым людям, а высшие чиновники, в свою очередь, презирали своих подчиненных.

Высшие чиновники вели себя, как господа, получившие навечно власть над всем народом. Однако нет сомнения, что люди, сидящие за Кремлевскими стенами, более реально оценивали положение. Они пользовались результатами террора, дезинформации и обмана, но конечно знали, что эти методы не безопасны. Они искусно маневрировали, чтобы не выпустить власть из своих рук. С этой целью широко применялись очередные "вскрытия" саботажа и диверсий в промышленности, сельском хозяйстве и снабжении. Очередная ликвидация высокопоставленных хозяйственных деятелей, обвиненных в непоставке тех или иных продуктов для населения, стало обыкновением. Но это не помогало. Ситуация не менялась и появилось недоверие к этим сообщениям. Властям не пришлось долго искать новые способы. Из архивов они извлекли старое, но многократно испытанное средство - государственный и партийный антисемитизм.

Это было надежное средство, чтобы отвести от себя недовольство и гнев народа. Антисемитизм был резко осужден во времена революции 1917г. Теперь он должен был сослужить полезную службу той самой власти, которую завоевали с участием еврейского населения страны. По-видимому в Кремле забыли уроки истории, когда применявшие этот метод правители, позорно проваливались. Трудно себе представить, что при таком произволе властей и подавлении всякой свободолюбивой

мысли, пртиворечащей официальному курсу, находились люди, готовые бороться против существующего порядка. Однако, в разные времена появлялись одиночки и группы в разных районах СССР, которые ценой своей жизни сопротивлялись кровавому режиму. Действие таких групп и одиночек было кратковременным. В большинстве случаев они быстро погибали. Отсутствие политической платформы и неопытность в конспирации были основной причиной провалов. Все эти группы объединяла общая цель – вернуться к Ленинским нормам. Они ещё не понимали, что необходимо сменить всю структуру государственной власти.

В 1955г. в лагере 15/15 мне встретились несколько, случайно оставшихся в живых подпольщиков из группы «Молодые Ленинцы». Эта группа действовала в районах Воронежа, Тамбова и Краснодара. К этому времени они больше не верили в Ленинские нормы и знали, что Сталинские методы отличаются от Ленинских лишь большей жестокостью. Усиление антисемитизма в политике партии заставило не только евреев серьезно задуматься. Многие, в том числе и я, искали связи с единомышленниками – с людьми, готовыми к каким-либо серьёзным действиям. При встрече многие молодые евреи высказывали озабоченность тем, что ожидает народ в будущем. Мы решили регулярно встречаться для обсуждения ситуации. На одной из таких встреч было решено довести до сознания еврейского населения сведения о надвигающейся опасности.

Это способствовало подъему национальных чувств и национальной гордости евреев нашего района. Мы решили не скрывать, что мы евреи и не стесняясь, разговаривали на еврейском языке, не обращая внимания на присутствующих. Когда я читал в трамвае книжку на еврейском языке, мне задавали вопрос: “На каком это языке Вы читаете?” Я громко отвечал, что это биография нашего вождя товарища Сталина на еврейском языке. Больше вопросов не последовало. Только некоторые пассажиры переглядывались друг с другом.

Я чувствовал, что необходимы серьезные действия. Я ненавидел тех, в ком я ошибся и жестоко разочаровался. Поскольку антисемитизм и антиеврейские действия стали модной темой, при встрече с евреями

можно было “прощупать” насколько собеседник был готов к решительным, организованным действиям в создавшихся условиях.

Для понимания ситуации, немного вернусь в прошлое. Активное участие русского еврейства в Октябрьском перевороте, отсутствие доверия новых властей к русскому народу, и в особенности к интеллигенции, привело к назначению на ключевые административные посты людей из национальных меньшинств, а также евреев. Будучи в прошлом униженными, они с удовлетворением приняли эти назначения. Еврейская молодежь с энтузиазмом включилась в руководящую работу, проявляя при этом добросовестность, честность и самоотверженность.

Никто не подозревал, что их использовали только на период, необходимый для укрепления новой власти. Позже, против них были организованы грязные провокации. В 1947 г. евреи СССР, как могли, тайным образом праздновали возрождение еврейского государства Израиль. На это явление органы безопасности реагировали, как на чрезвычайно опасное. По указанию партии и правительства, органы безопасности начали вторично решать еврейский вопрос, но по-другому. Сначала обезглавили еврейский народ и физически уничтожили всех деятелей культуры, а еврейский язык был запрещён.

Исключалась возможность духовной жизни для еврейского населения. Результат был достигнут. Страх охватил еврейскую общественность за своё духовное и физическое существование. Узкий круг людей из одного из районов города на своей встрече пришел к единодушному решению войти в контакт с людьми из другого района и создать активную группу в г. Куйбышеве. Находясь уже под следствием, я подвергался допросам, в частности, “О сионистском центре” в СССР, хотя такой центр был только в воображении органов дознания. В действительности существовали только отдельные группы и одиночки.

Появились даже всякого рода рукописи националистического содержания с довольно резкими призывами к протесту против антисемитского произвола. Требовали также узаконения права евреев на иммиграцию в Израиль. Бумаги были либо анонимными либо исходили от якобы известных авторов. Этот материал приходилось размножать

разными способами и осторожно распространять. Были использованы все средства для размножения поступавших к нам материалов, но этого было недостаточно. Необходимо было срочно решить вопрос об увеличении возможности размножения материалов. В результате небольшая группа людей была объединена общей идеей.

Далее я расскажу, как развивались дальнейшие события и кто из нас оказался "Иудой". В одном доме со мной жил еврей Борис Шпербер. Он был родом из города Коломея (Западная Украина). Он был высокого роста, неуклюжий, со смуглым лицом, покрытым оспинами и характерным еврейским носом. Он сильно картавил на своём смешанном украинско-русском языке, одевался по моде того времени – в военной гимнастерке, галифе и высоких хромовых сапогах. В выходные дни он надевал портупею. Ещё в 1939г., с приходом Советских "освободителей" в те районы, он носил красную ленту на рукаве и водил офицеров Госбезопасности по домам зажиточных граждан, бывших руководителей еврейской общины и польской администрации.

В 1942 году он оказался в Куйбышеве. За известные услуги, его в скором времени приняли в партию, а в 1947 году он уже работал начальником снабжения завода строительных материалов и был членом партбюро завода. Учитывая занимаемую им должность и его положение, мы решили использовать его для разных целей. Он всегда с интересом вел с нами разговоры на волновавшие нас темы, резко высказывался против дискриминации, сожалел, что нет организованной самозащиты, аналогичной имеющейся в Одессе организации Жаботинского. Его дом был открыт для евреев, желающих поговорить с ним откровенно. Он не был посвящен в наши секреты, но очевидно понимал что происходит вокруг. Органы, по-видимому, располагали нужными им сведениями, но не торопились действовать в надежде получить более полные данные.

В мае 1951 года, я пригласил Шпербера к себе домой и вел с ним откровенный разговор, в котором ввел его в курс одного дела. Мы были одни в доме и для конспирации на столе были расставлены шахматы. То, что Шпербер был членом партбюро меня не волновало, так как я знал многих членов партии, которые были честными, добрыми людьми. Я надеялся, что он тоже является порядочным человеком. Все знали, что

партбилет служит для продвижения по службе и получения различных льгот.

Почти без предварительных условий я открыто перечислил мои требования к нему, а именно, найти подходящее помещение, пишущую машинку и надежного человека, умеющего печатать. Я не считал необходимым объяснять ему, что это дело опасное. Он не удивился моему предложению и сразу согласился. Это заставило меня усомниться в правильности моего поступка. Я не ограничивал его во времени для выполнения моей просьбы. Я сказал ему, что нежелательно, чтобы он дольше оставался у меня и он ушел.

Я остался с тяжелым чувством на душе, подозревая неладное. Как оказалось, хитрый и коварный Шпербер был проинструктирован в КГБ и втёрся ко мне в доверие из-за моей неопытности. Спустя короткое время возникли основания подозревать этого человека. Он стал интересоваться слишком многими вопросами, в особенности людьми, занятыми приобретением и размножением материалов. Мой юношеский опыт не мог соперничать с опытом органов МГБ. Моя наивность заключалась ещё и в том, что я не представлял себе различия между Советским судом и судом Польши. Советский суд не принимал во внимание вещественные доказательства, показания свидетелей и другие документы.

Фактически, все решения принимали органы дознания и именно они руководили вынесением приговора. Я начал беспокоиться за последствия моего разговора со Шпербером, подозревая что органы используют его. Я принял некоторые меры предосторожности, чтобы отвлечь внимание МГБ от других членов нашей группы. В это время Шпербер активизировал свои действия. Он назойливо предлагал свои услуги. Во время одной из встреч в моём доме с некоторыми людьми, он неожиданно явился ко мне с "другом" и в строго "секретной" форме сообщил мне, что из Израиля прибыл человек для поднятия духа еврейского населения нашего района и хочет встретиться со мной.

Я засмеялся и повторил вслух это сообщение всем присутствовавшим. Затем, не выдержав, я сказал, что эти двое пришли в мой дом с провокационной целью и без стыда смотрят нам в глаза. Я указал им на

дверь и они быстро ушли. Все присутствовавшие сразу молча разошлись, очень встревоженные. Между тем антисемитский разгул принял огромные масштабы и этим были испуганы не только евреи; были очень удивлены все честные русские люди. Агенты КГБ распространяли разного рода провокационные слухи, в которых обвиняли евреев в совершении чудовищных преступлений.

Сообщалось, что евреи отравляют источники воды, заражают людей раком, убивают при родах новорожденных. Даже в дефиците продовольствия обвиняли евреев. Эти слухи громко обсуждались на работе, в трамваях, поликлиниках и в пивнушках. И всё это входило в программу укрепления власти. Наряду с ликвидацией "потенциально опасных элементов" для властей не менее важным была идеологическая дезориентация общества. На осуществление этой цели тратились огромные средства. В результате этой деятельности объективного общественного мнения в СССР уже не существовало.

Власти прибегали к самым подлым методам оглушения и морального разложения общества. Один из методов-это распространение алкоголизма. При постоянном дефиците продовольствия и товаров народного потребления, алкоголь был хорошим громоотводом, особенно для русского человека. В непосредственной близости от крупных предприятий находились всякого рода пивнушки, привлекавшие рабочий люд. Здесь они пропивали свою мизерную зарплату. В дни её выдачи жены рабочих приходили к проходным заводов, чтобы насильно увести своих мужей домой. Те из них, кто не успевал это сделать, вынуждены были искать своих мужей около пивных ларьков и в пивнушках и вытаскивать сопротивлявшихся, пьяных мужей, зачастую испачканных с головы до ног, из этих злчных мест. В таких "заведениях" о политике, как правило, не говорили.

Все знали, что это небезопасно. Но именно там было излюбленное место встреч людей другого толка. Они распространяли клеветнические рассказы о совершенных евреями в разные времена гнусных преступлениях. В планы этой кампании входило также смещение евреев с руководящих административных постов и увольнение под разными предлогами. Беспрецедентная клевета на известных, заслуженных врачей-

евреев была вершиной этой клеветы. Стало невыносимым работать у станка даже мне, простому рабочему.

Ещё в 1951 году меня уволили с самолетостроительного завода за связи с родственниками, живущими за границей. Одновременно был также уволен мой друг Винер Авраам. Как позднее стало известно, на нас обоих в это время было заведено дело под №1714 с резолюцией начальника Управления КГБ Куйбышевской области генерал-лейтенанта Гвишиани – “Передать в делопроизводство.” После увольнения с авиазавода, я работал ремонтником оборудования на строительном предприятии.

У меня были хорошие отношения с другими работниками, мы общались домами и я хорошо чувствовал себя у них в гостях. Бывало, я пел им песни на еврейском языке. Меня одобряли и просили спеть ещё, хотя слов они не понимали. Это были русские люди. Они любили весёлых людей и веселились несмотря ни на что. Среди них я чувствовал себя равным среди равных. Так это было принято. Но к сожалению, антисемитские настроения проникли и к этим простым, добродушным людям.

В одно памятное утро, после сообщений по радио и в печати о “злодеяниях врачей”, я пришел на работу как обычно, но с неважным настроением. Мой товарищ по работе и сосед по дому Виктор Андреев, человек богатырского телосложения, высокий красавец, подошел ко мне вплотную и на виду у всех рабочих цеха громко, злобно произнес: “Ну что же, теперь уже не грех громко сказать – бей жидов, спасай Россию! Это наш старый русский клич и теперь за это не посадят.” Я не ожидал такого и мне стало не по себе.

Он был прав и спорить с ним не было смысла. Однако не среагировать на это означало бы оказаться трусом перед лицом всех собравшихся работников цеха. Они с интересом ожидали мою реакцию. Я не захотел уйти молча, посрамленным и решил защищаться. Я сделал один шаг навстречу, помня, что рядом с ним выгляжу Моськой, и сказал: “Бей! Попробуй, черносотенец! Я знаю твои намерения. Разве ты не знаешь, что после Освенцима и Майданека нет больше евреев, которые не станут

защищаться. И кроме того, их защищает закон, который не даст разгуляться погромщикам. Бей, попробуй!" – кричал я.

Он всё же замахнулся, чтобы ударить, но вдруг опустил руку и матерясь ушел. Я не оставил его без ответа в присутствии работников цеха; жгучая обида наполняла меня. Я хотел выкрикнуть: "Эй, Витька, это ты, с которым я вместе работаю, живу и гуляю? Тебя такого сделали? Ведь ты родился после Октябрьской Революции, воспитан в Комсомоле и теперь уже кандидат в члены партии." Немного позднее к моему рабочему месту начали подходить рабочие – русские люди. Они говорили, что не одобряют то, что произошло. Они говорили, что чувствуют себя виноватыми и старались меня подбодрить.

Одного из них я не забуду до конца моей жизни. Это был старик лет семидесяти, слесарь-сантехник Иванов Иван Иванович. Он подошел ко мне, взял мою руку в свои руки, оглянулся и сказал: "Альтер Абрамыч, Лёшенька, не переживай! Послухай ты меня, старика. Это не в первый раз и не первый навет на ваш народ. Пройдет и он, как все прежние. Все эти сволочи будут ещё стоять на коленях перед вашим народом, будут извиняться перед вашим вечным народом и просить прощения, но кара божья их не минет."

Он тихо продолжал. "Я знаю, как тебе тяжело, но плюнь ты на негодяев, ведь в течение многих веков были и более тяжелые времена, а это всё пустяки. Плюнь на них на всех и оставайся тем, кто ты есть, а они останутся негодяями, пока Господь их не покарает. Правильно ты поступил. Не бойся никого из них, лишь Бога одного, а он ваш и наш – один." Хотел он ещё что-то сказать, но из его глаз потекли слёзы. Он вдруг взял мои руки, ласково прижал их к своей груди и с трудом выговорил слова: "Держись, держись Абрамыч! Ваш народ богом избран и останется вечным!"

Несколько минут я стоял задумавшись над тем, что произошло, а в ушах всё звучали слова русского старика – "Держись, держись Абрамыч!" В этот день я пошел с работы не домой, а в райком партии. Моё появление там в рабочей одежде удивило ожидавших приема людей. Нелегко было попасть на приём к секретарю райкома рабочему человеку. Я подошел к

секретарше и настойчиво сказал: "Доложите секретарю райкома, что с завода пришел рабочий и просит срочно принять его по делу, не терпящему отлагательства. Секретарша с удивлением осмотрела меня с головы до ног и быстрым шагом пошла в кабинет к секретарю райкома. Спустя минуту она вернулась и сказала: "Заходите."

В кабинете секретаря райкома проходило совещание и за длинным столом с обеих сторон сидели более 20 человек. Они смотрели на меня с любопытством, удивляясь, что рабочему человеку в такой одежде удалось попасть на прием к секретарю райкома, да ещё во время совещания. Среди сидевших за столом был знакомый мне доктор Цимерман – заведующий районным отделом здравоохранения. Я с волнением сказал, как бы обращаясь к присутствующим: "Я хочу получить ответ только на один вопрос – имею ли я право, еврей по национальности, жить и работать?"

Все упорно смотрели на меня, Цимерман опустил голову, покраснев, а секретарь спросил: "В чем дело? Кто Вам жить и работать не даёт?" Я рассказал ему всё подробно о происшедшем сегодня на моём рабочем месте. Все ждали ответа секретаря, но он вместо ответа задал вопрос: "Что Вы думаете о преступном злодеянии группы еврейских врачей?" Я ответил: "Я гражданин Советского Союза, живу в этой стране и моё мнение не отличается от мнения всех честных граждан. Но я пришел к Вам, чтобы получить от Вас подтверждение моего права жить и работать согласно Сталинской Конституции". Секретарь что-то записал в своем блокноте и сказал: "Я поговорю с секретарем вашей парторганизации по этому вопросу, а сейчас идите домой." Цимерман сидел, опустив голову, а остальные начали шептаться между собой. Я шел домой в подавленном настроении и не догадывался, что эта аудиенция ускорила мой арест.

В тот же самый день в одном из общежитий нашего треста №11 произошло следующее. На стройке штукатурицей работала девушка – еврейка лет двадцати. Она была сиротой, выросшей в детском доме. Её семья бежала из Польши в СССР, после чего они были сосланы в Коми АССР. Там они работали на лесосплаве и от непосильного труда и голода все, кроме неё, умерли. Эта молодая еврейка не понимала, чем она отличается от своих подруг по работе и тех, с кем она жила. Её звали Дворой, а на стройке иногда называли жидовкой. На это она никогда не

обижалась. Но в день позорного сообщения о “злодеяниях врачей” она, придя с работы с удивлением увидела, что её кровать стоит посередине комнаты, а её вещи изорваны в клочья.

Соседки по комнате сильно избили её и выгнали вместе с изодранными вещами на улицу. Этот случай получил громкую огласку и его нельзя было замолчать. Евреи боялись об этом громко говорить. Этот антисемитский выпад был вызван сообщением о врачах. Русским людям было стыдно впоследствии вспоминать об этом. Весь жилой район был возбужден этим случаем, но некоторые люди откровенно радовались. Позже я узнал, что одна русская женщина приютила Двору и заботилась о ней.

Евреи также помогали ей, хотя это было небезопасно. Спустя несколько дней, видимо по указанию свыше, по этому вопросу было созвано открытое партсоборание с участием актива треста. Соборание должно было осудить этот хулиганский поступок. Секретарь парторганизации треста начал своё выступление словами, которые напомнили мне предпасхальные рассказы польских священников в местечках. Они говорили об евреях – христопродавцах и убийцах, подбивая своих слушателей тотчас выбежать из костела и мстить евреям, совершая грабежи и убийства. Правда ксёндз всё же напоминал, что это были не теперешние евреи, а их предки, жившие в Иудее.

Это объяснение не всегда останавливало погромщиков и еврейское население подвергалось погромам и грабежам. Наш партийный секретарь также начал своё выступление с того, что евреи действительно хотели совершить разные преступления, но тут же добавил, что есть порядочные, которых нельзя обвинять в этом. Соборание по предложению секретаря осудило хулиганский поступок по отношению к работнице.

Во времена произвола центральные власти были заинтересованы в том, чтобы доказать общественному мнению свободного мира, что эти репрессии направлены только против евреев, совершивших преступления и не являются программным курсом партии и правительства. Они, по мнению многих людей, знавших суть существовавшего режима, приказали известному партийному и

государственному деятелю Мехлису "умереть", чтобы похоронить этого еврея с соответствующими почестями.

Начиная с 1948 года проводилось массовое увольнение евреев с работы на оборонных заводах, а также с руководящих постов предприятий. Уволенные люди оказались в очень тяжелом положении. Многие из них не были привычны к физическому труду и не могли пойти на любую работу. Беда зачастую усугублялась ещё и тем, что от уволенных требовали, согласно закону, вернуть их жилплощадь предприятию. Люди оказались на улице. Некоторые ютились в сараях. Необходимо было организовать помощь нуждающимся семьям.

В Кировском районе г. Куйбышева, на его окраине находилась маленькая еврейская молельня. Она была полулегальной, так как власти отказались дать официальное разрешение. Однако никто не препятствовал её существованию. Возглавлял эту молельню её организатор, семидесятилетний Нахум Лемберг. Сам он ютился в бараке в одной комнатухе со своей старушкой и семьей дочери. Он был инвалидом без одной ноги, с деревянным протезом. Жил за счёт того, что ездил очень далеко и скупал кусочки кожи, а затем продавал их сапожникам.

Человек с неисчерпаемой энергией и прекрасной душой, он много знал и мало говорил, о многом спрашивал, а сам мало отвечал. Он хорошо понимал, что органы КГБ знают, о чём говорят в молельне и постоянно призывал всех "поменьше болтать". Он был внешне спокоен и его лицо излучало доброту. Этот человек помогал неимущим семьям, он организовал базу для оказания помощи пострадавшим и нуждающимся. Его помощь была для многих семей спасением и надеждой.

Со свойственным ему спокойствием, он в разговоре со мной спросил как звали скончавшегося первого президента Израиля, чтобы прочесть молитву за упокой его души. Когда скончался Нахум Лемберг все евреи этого района почувствовали, кого они потеряли. Это был один из благороднейших людей, которого не сломили страх, опасность и репрессии. Не дожил он до дня возвращения репрессированного мужа его любимой дочери. Это также была одна из причин его смерти.

Первой жертвой Шпербера был известный инженер стройтреста №11 – Калер. Люди боялись говорить об этом и тревога охватила остальных евреев города. Никто не был уверен, что он не станет следующей жертвой и все жили в постоянном страхе. Я случайно познакомился с человеком, который длительное время занимал руководящие посты в партийном и хозяйственном аппаратах. Он был человеком “областного значения” – Персиянов Анатолий Николаевич был начальником отдела планирования города.

Познакомились мы с ним в доме отдыха на живописном обрывистом берегу Волги. К моему удивлению, он хорошо разбирался в еврейском вопросе и был знаком с еврейской литературой. Он знал имена прошлых и современных еврейских писателей и их произведения, но избегал разговоров о советских писателях-евреях. Он считал, что они связаны с буржуазным национализмом. Это было мнение официальных органов. Мы быстро подружились, симпатизировали друг другу и вели дружеские, довольно откровенные разговоры на литературные и политические темы.

Он вспоминал имена известных инженеров треста, которые были националистически настроены. Эти люди жертвовали средства для помощи семье арестованного инженера Калера. Мне было особенно важно знать мнение Персиянова о некоторых известных людях, которых я хотел срочно предупредить. Проводимую кампанию по снятию евреев с руководящих постов он объяснял стремлением партии воспитывать национальные кадры в каждом районе в соответствии с процентным составом населения. Такие объяснения наш народ слышал не раз в разные периоды своей истории, однако эти объяснения не являлись, как теперь, директивой ЦК Коммунистической партии. С Персияновым у меня продолжились приятельские отношения.

Он старался подчеркнуть своё расположение ко мне и при посещении нашего предприятия приходил ко мне, чтобы повидаться и поговорить со мной. Дружба простого рабочего с таким человеком многих удивляла, а он продолжал навещать меня вплоть до моего ареста. В дальнейшем он был допрошен следователем по моему делу и, как оказалось, оставался

порядочным человеком и настоящим другом, каким может быть русский человек.

“ Советская власть сильна и места здесь хватит всем” – сказал начальник следственного отдела КГБ Трофимов, а затем добавил: “У нас времени много”. Всё это относилось ко мне и являлось объяснением почему так долго терпели мою антисоветскую деятельность. Я удивлялся, что меня ещё не арестовали, но чувствовал, что это приближается.

Усилилась слезка за мной на работе, дома и в пивнушках, куда я заходил чаще всего по делу. Сосед мой по кухне имел особое задание – записывать имена наших гостей и подслушивать наши разговоры. Мой сосед Аксёнов Петр Прокофьевич делал это неумело, неохотно, под давлением. Его брата арестовали ещё в 1937 году и он домой не вернулся. Его религиозная жена Мария Матвеевна тяжело переживала это и винила мужа в том, что за его грехи расплатилась жизнью её единственная дочь, умершая от дизентерии. Я его не винил.

Он не имел права рассказывать жене, кто его заставлял это делать против его воли. Неожиданно меня вызвали к секретарю парторганизации предприятия. Там меня ждал человек, которого представили как инструктора Райкома. Он вежливо поздоровался со мной и объяснил, что цель его беседы со мной – порекомендовать мне вступить в партию. Я объяснил ему, что я родом из Польши и ещё недостаточно подготовлен и политически неграмотен для этого и, что я очень благодарен за оказанные мне честь и доверие.

Тогда “инструктор” попросил меня назвать имена двух старых коммунистов, которые меня хорошо знают и смогут дать рекомендации. Не задумываясь я назвал две фамилии – Сальникова и Черепанова, двух работников нашего цеха, лодырей и пьяниц, готовых за бутылку водки порекомендовать любого. Переглядываясь, “инструктор” и секретарь, улыбнулись и предложили мне подумать о других кандидатурах. На этом был закончен первый предварительный допрос.

Сразу после войны, еврейская молодёжь начала с недоверием относиться к разным лживым лозунгам о достигнутом в СССР равенстве и

братстве народов. Вопрос «кто мы такие» начал волновать и занимать молодых людей. Они не могли понять, чем виноват их народ перед другими народами СССР? Почему топчут достоинство этого народа? И это в стране, где так громко славят равенство и братство всех национальностей. Еврейская молодёжь воспитывалась родителями без националистических убеждений, без знаний истории и даже недавнего прошлого своего народа. Теперь они искали ответ на эти вопросы.

Многие родители считали, что еврейского вопроса более не существует в СССР, а разочаровавшись, они не хотели признаться и исправить свою ошибку в воспитании своих детей. А дети не имели информации об их исторических корнях и были неспособны защитить себя от организованной клеветы на их народ. Тогда сами молодые люди начали искать источники, освещавшие эти вопросы. Находились люди, помогавшие им своими знаниями. Они рассказывали о прошлом нашего народа, из потайных мест извлекали бережно сохраненные книги, посвященные еврейской истории – Ш. Дубнова и Греца, изданные на русском языке. Эти книги распространялись с большой осторожностью. По существу, это была нелегальная передвижная библиотечка.

Люди просвещались в национальном вопросе. Это придавало им уверенность. Участвовавшие в этой работе люди понимали, что рано или поздно им придется отвечать за это, но энергично продолжали свою деятельность. Многие евреи давно жили жизнью маранов (мараны – испанское *marraños*, в средние века в Испании и Португалии евреи, официально принявшие христианство. Примечание редакторов) и окружавшие их люди не отличали их от остального населения. Удивительно, что именно эти люди с огромным риском и любовью сохранили литературу, которая отвечала на вопрос “Кто мы такие?” Никто не надеялся на благополучный исход. Об этом не говорили. Это чувствовал каждый участник общего дела.

5 марта 1953 года окончил своё существование обер – палач Сталин. То, что он оказался не бессмертным, многих обрадовало. Наивные люди искренне оплакивали его, но были и такие, кто только делал вид глубокого траура. По всей стране находились также люди, искренне радовавшиеся смерти Сталина. За это они быстро оказывались в тюрьмах. В Кремле ещё не успели поделить власть, а органы поспешно

приступили к массовым арестам людей, отмеченных, как потенциально опасные.

Эта волна арестов получила в лагерях название «мартовский набор». В этот день я пришел домой крайне огорченным, так как меня заставили выступить на траурном митинге от имени рабочих цеха и оплакивать смерть вождя. Моя семья рано улеглась спать. Я уснуть не мог, а в 22.30. в двери коридора постучали. Я вышел и спросил: "Кто?" Это сосед, живущий напротив, просился к моему соседу Пете Аксёнову. Я не открыл, а позвал Петю. Он, видимо, был предупреждён и быстро открыл дверь.

Работники органов в штатском и в форме, с пистолетами в руках ворвались в коридор с криком: «руки вверх!» Я благодарен Богу за то обладание, которое он мне дал в тот страшный момент. С поднятыми над головой руками я встал в дверях нашей комнаты и попросил, чтобы они не разбудили и не напугали спящих детей. Они обещали не кричать и приставив к моей голове пистолеты ввели меня в комнату. Там мне предъявили бумажку и приказали читать её. Это был ордер прокурора области на проведение обыска и мой арест. В нём было написано примерно так: "Разрешаю провести обыск в квартире Гринвальда А.А. и для пресечения возможности побега , арестовать его в связи с обвинениями в преступлениях по статьям 58-10 ч.2, 58-11 и 58-2.

Моя жена была страшно напугана. Она непрерывно говорила: «За что? За что? О боже мой!» Тихие стоны матери – старушки, глядевшей на меня с материнской жалостью, причинили мне глубокую боль. Я подумал о том, что скоро моя семья попрощается со мной в последний раз и больше они меня не увидят. Я держал руки на голове, а в доме шел тщательный обыск. Изорвали подушки и матрацы с детских кроваток, стучали по стенам, выбросили всю картошку из подвала, собирали каждую исписанную и чистую бумажки. Однако не догадались, что в моей правой руке, которую я держал на голове, находились три тонких листа с напечатанным на машинке текстом.

Меня спрашивали, где я храню взрывчатку и оружие и в каком месте находятся тайники. Эти вопросы показались мне настолько смешными,

что я стал улыбаться. В душе я молился только о том, чтобы у меня хватило сил не терять человеческое достоинство перед этими извергами. Они сделали опись имущества, в которой числились: старый диван, радиоприемник «Балтика» и мои туфли. Более пяти часов длился обыск. Наконец они приказали мне одеть пальто, предварительно обыскав его, и выходить. В этот момент мой сын громко закричал: «Папа! Куда ты! Папа! » Я поцеловал его и сказал: «Когда вырастешь, всё поймёшь.» Мне разрешили взять с собой кусок хлеба и сахар. Я попрощался с женой, детьми, матерью и домом, меня взяли под руки и вывели из дома. Вслед за мной несли мой радиоприемник.

Тяжелое чувство наполняет человека, когда его забирают от родных, от дома и нет надежды на возвращение. Недалеко от дома стояли «Виллис» (джип) и легковая машина. Меня посадили в «Виллис» и командир громко крикнул охранявшим меня: «Смотреть в оба». Охранники и я думали, видимо, об одном и том же, что я не вернусь больше домой. В эти минуты я представил себе жизнь людей в свободном мире и сравнивал её с тем, что происходит со мной и миллионами таких, как я в стране «счастья». Мы подъехали к зданию управления милиции района и мои охранники поочередно заходили туда и выходили, одетые в форму офицеров МГБ.

Затем меня повезли в областное управление МГБ, находившееся в красивом комплексе зданий по улицам Разина и Дзержинского. Меня с двумя охранниками подвезли к воротам. Мы долго ждали, пока они открылись. Было темно и я незаметно бросил скомканные в кулаке тонкие листки и втоптал их в снежный завал у ворот. Наконец ворота открылись и меня повели по разным закоулкам к небольшому домику. Там сидел дежурный офицер, который зарегистрировал меня и указал час прибытия. Затем меня повели длинными коридорами, расходящимися в разных направлениях. Там стояла мертвая тишина. Открылись двери кабинета 81. Это был длинный зал, обставленный тяжелыми столами и стульями.

Слева от двери стоял высокий круглый табурет, привинченный к полу. Я собрался сесть, но мне сказали, что здесь нельзя садиться без разрешения начальника. Сюда приходили разные офицеры и каждый внимательно меня рассматривал. Вероятно, некоторые из них ожидали

увидеть большого, бандитского вида человека, а перед ними оказался худой, среднего роста, тридцатилетний еврей с огненно-рыжими волосами и в одежде рабочего. Очевидно я не оправдал их ожидания. Ко мне подошел полковник Трофимов. Он был маленького роста, коренастый. Подойдя ко мне вплотную, он сказал вполголоса: "Знаете, где Вы находитесь? Отсюда не выходят. В лучшем случае получают 25 лет и уезжают в лагерь строить коммунизм." "Я это представляю себе и не удивлён" – сказал я. "После Вашего объяснения, мне совсем стало ясно, что мне нет надобности больше беспокоиться о своём будущем, теперь это входит в Ваши функции."

Скрипя зубами, он приказал увести меня и "привести в человеческий вид". Меня официально передали тюремным властям и они начали приводить меня, в так называемый, человеческий вид. Меня раздели догола и двое начали тщательно проверять каждый кусочек моей одежды. Срезали все пуговицы и шнурки, забрали пояс, постригли голову и все волосатые места тела. Моя одежда осталась у них, а стригший меня солдат, повёл меня в баню. Я шепотом спросил его, долго ли здесь держат. Он также тихо ответил мне, что держат иногда шесть месяцев, а иногда годами. После маленькой паузы он добавил, что бывает ещё хуже.

После бани меня завели в большую камеру с температурой около нуля. На дверях висели правила, в которых говорилось только о наказаниях, лишениях и т.п. С шести утра до десяти вечера нельзя было прилечь или закрыть глаза. Сидеть следовало лицом к дверям. У дверей новичков около волчка стоял постоянный дежурный, который ежеминутно заглядывал в камеру. Мои руки устали от новой обязанности- поддерживать спадающие штаны. Я присел и закрыл глаза, но сразу же меня позвали к дверям и предупредили, что за это строго наказывают. Затем открылась дверная форточка, как её здесь называли – "кормушка", и чей-то голос спросил: "Кто здесь на Г?" Здесь было принято правило задавать такой вопрос даже если в камере был один человек. Мне приказали собираться и два надзирателя взяли меня под руки. Впереди шел офицер.

Мы шли по тюремным коридорам, устланным красной ковровой дорожкой, чтобы не было слышно шагов. В помещении №81, где велось

следствие, нас ожидали около десятка офицеров разного звания. Главным встречающим был Трофимов, который язвительно заметил: "Ну вот, теперь ты стал похож на человека – стриженный и чистый. Из тебя получится человек; тебе ведь всего тридцать лет!" Я ответил: "Я пока не думал о том, что будет по Вашим планам через 25 лет, а вот сейчас важно то, что мы с Вами ещё не на "ты" и успели познакомиться только сегодня. Ещё более важно теперь то, что я нуждаюсь, чтобы Вы назначили мне помощника, который будет поддерживать мои спадающие штаны, иначе Вы увидите по моей нижней части тела, что моего отца звали Авраам."

Присутствовавшие не знали, как им реагировать на сказанное мной – смехом или злобой – но так как Трофимов сказал, что я не лишен чувства юмора, то все рассмеялись, как по команде. Официальное ведение следствия было поручено майору Феоктистову. Он, представляясь мне, спросил, не возражаю ли я. Я не ожидал встретить такую вежливость, но в ответ сказал, что мне безразлично кто и о чем будет меня спрашивать, но я не собираюсь отвечать ни на какие вопросы, пока не выплусь.

К моему удивлению, по указанию Трофимова меня отправили в камеру, но не в ту, где я был вначале, а в другую, маленькую, размером два на полтора метра. Там уже лежала моя верхняя одежда. Сначала показалось, что в камере тепло. Однако спустя полчаса стало настолько жарко, что постепенно пришлось раздеться почти догола. Это тоже не помогло и тогда я встал около маленькой щели окошка подышать воздухом. Мне, наконец, разрешили лечь, но уснуть я не смог. Я был почти без сознания, ощупывал своё тело, чтобы убедиться, что это действительно я. Мне казалось, что всё это мне снится и когда я проснусь, то всё кончится и будет по-прежнему. Но, увы, это был не сон, я находился во внутренней тюрьме МГБ. Дома, тем временем, положение было трагическим.

Органы распространяли слухи, которые при нормальном общественном строе вызвали бы просто смех, но в это время во всё верили. Рассказывали, что еврей был пойман с радиопередатчиком, что у него нашли планы военных объектов и, что он был арестован во время передачи сигналов американским самолётам. Город кипел от этих

слухов. Люди, хорошо знавшие меня, выражали сомнение и за это были обруганы. “Жид, шпион!” – кричали вдогонку моему пятилетнему сыну и камнем рассекли ему голову.

Люди боялись сочувствовать моей семье и оказать ей какую-либо помощь, боялись даже пообщаться с женой шпиона. В ночь моего ареста также были проведены обыски у других евреев района. Только в одном месте они нашли один том Ш. Дубнова “История евреев”. Владелец этой книги не был связан с нами и дал согласие помогать органам, в обмен на обещанную ему свободу. Это был учитель иностранных языков Фогель П. С., живущий ныне в США. Обыски служили методом устрашения населения, для прекращения всякой деятельности по распространению правды. Эти меры вызывали противоположное действие. Многие люди, не имевшие никогда ничего общего с национализмом, вдруг поняли, что все эти провокации направлены против них. Они искали возможности, чтобы хотя бы деньгами помочь своим собратям. Пресечь эту солидарность оказалось трудно и в те тяжелые дни моей семье всё же была оказана материальная помощь.

Издавна Куйбышевское управление являлось центром жестокости и немало известных людей оказались замученными именно там. Во главе, как я уже упоминал, стоял верный ученик и близкий родственник Берии – генерал Гвишиани и его заместители-полковники Кремлёв и Тимофеев. У Тимофеева было типично еврейское лицо. Гвишиани, по своему положению одновременно являлся членом бюро областного комитета партии. Правосудие, вернее полномочия по расправам в области были в руках областного прокурора по специальным делам, старшего советника юстиции Белова и председателя областного суда, председателя специальной коллегии Пузанова.

Он во время незабываемых в СССР событий тридцатых годов, являлся председателем пресловутой “тройки” города Свердловска. Куйбышевское управление не было исключением. Там тоже были свои “тройки”, состоявшие из офицеров и разного рода сотрудников различных национальностей, в том числе и евреев. Но к 1953 году евреев почти не осталось. Были такие, как непризнавшиеся евреями, полковник Трофимов и, говоривший по-еврейски, начальник отдела по религиозным и сектантским делам, полковник Тартаковский.

В Куйбышеве были ещё два управления, параллельные по функциям МГБ. Это- армейский особый отдел и железнодорожное МВД. Они имели свои тюрьмы. Ими всеми командовал генерал Гвишиани. Здание внутренней тюрьмы находилось внутри большого комплекса корпусов, которые образовывали букву "П". Оно состояло из одного подземного этажа и двух низких надземных этажей. Всего было около трёхсот камер разного размера и служебные помещения. В коридорах было чисто. Пол везде был выстлан мягкой ковровой дорожкой красного цвета. Во всём здании царил абсолютная тишина. Жизнь узников протекала по чётко соблюдавшемуся расписанию. пытка лишением сна применялась к тем, с которыми решили заниматься деликатно.

Это была жестокая пытка и необходимо было иметь сверхчеловеческие силы, чтобы не впасть в полное безразличие. Именно этого добивались органы дознания. В большинстве случаев это им удавалось. Прошла первая ночь и утром, после обычных приготовлений, меня повели на допрос. Феоктистов задавал формальные вопросы, спрашивал о моём социальном происхождении. Он хотел, чтобы я сказал, что происхожу из богатой буржуазной среды. По его мнению, человек пролетарского происхождения не мог стать антисоветчиком.

Мне вспомнились мои юные годы, когда я осенью и зимой бегал по фабричным районам г. Лодзь и расклеивал коммунистические листовки. Теперь, с горечью и стыдом я вспоминал себя, как бывшего члена секты идолопоклонников, связанных с выполнением замыслов преступных элементов. Мне было стыдно за это моё прошлое именно теперь, когда меня спрашивали, чем занимался мой дедушка. Я отдавал себе отчёт в том, что ждёт меня впереди и понимал, что у меня мало шансов выжить. Была мысль покончить собой. Но начальник тюрьмы майор Кирпонов и два полковника были достаточно опытными и знали, что многие «новички» пытаются покончить собой. Они внимательно следили за этим и говорили: «Будете жить до тех пор, пока мы захотим.»

Я пытался голодать, но не смог выдержать, так как силы покидали меня; я слабел с каждым днем. Сначала они водили меня на допросы под руки, но затем я уже не был в состоянии передвигаться. На пятый день я

подумал, что может быть я неправ; нужно попытаться выстоять и высказать им всё, что я думаю о них. Может быть я даже переживу их, как пережил Гитлера и Сталина. Это был переломный момент, после которого я кое-как начал есть малопригодную для человека пищу. При каждой возможности я обливался холодной водой, делал физические упражнения и постепенно стал приходить в себя. Ко мне стала возвращаться духовная сила, которая возвращала меня к жизни.

А пока следствие не продвигалось. Феоктистов нервничал, пугал, что применит средства “убеждения”, которые заставят меня говорить и подписать протоколы. Однако к прямому физическому воздействию он не прибегал. Он был небольшого роста, средних лет, на вид слабый, с маленькими женскими ручками, как-то по женски красивый. Его седеющие кудри и очки придавали ему вид выходца из высшего общества. Трудно было себе представить, что эти слабые ручки, как мне стало известно позже, били тупым железным предметом по голове связанных узников, чтобы заставить их подписать протоколы. Феоктистов был малограмотен; он задавал глупые вопросы, его почерк вызывал насмешки даже у его коллег.

Он был официальным ответственным лицом по ведению дела 1714. На допросах всегда присутствовали, кроме Феоктистова, полковник Трофимов, начальник оперативной группы Кировского района Тимофеев и другие. Для них еврейский вопрос ещё не был решен, как это официально рекламировалось. Они только собирались его решать и, для этой цели вооружились необходимыми знаниями. Нужно отдать им должное, что их знания были на хорошем уровне. Они знали историю и современные проблемы еврейского народа, знали о раби Шломо-Ицхак – “Раши” и “Маймонидус – “Рамбам”, о Герцеле, Жаботинском, о хасидизме, о кабалистах и о движении “аскалы”. Было ясно, что изучение такой специфической темы диктовалось разработкой широко запланированного заговора против еврейского народа.

Я не принимал их комплименты, что для них я, якобы, индивидуум, у которого они могут чему-нибудь научиться. Тем не менее я был обречён, как и все те, кто в огромном количестве были до меня. Немногие из следователей были компетентны в еврейском вопросе. С некоторыми из них даже интересно было поговорить. Но, большинство следователей

были безграмотными болванами и работали по заранее составленной шпаргалке. Присутствие важных лиц при допросах имело, вероятно, своей целью определить, что я собой представляю и в какой мере опасен для общества.

Проходили мучительные дни и ночи, а следствие было всё ещё безрезультатным; не было ни одного подписанного мной протокола. Допросы велись по восемнадцать часов и дольше. Я падал с этой проклятой табуретки в изнеможении. Наконец это бесплодное проведение времени им надоело и они применили жестокий приём. Хотя я был готов ко всяким хитростям и жестокостям, но приём, который они избрали, я не предвидел. Моя жена была вызвана для присутствия на допросе. Она, по наивности считала, что ей удастся хоть немного облегчить моё положение. Она заявила, что некоторые материалы, изъятые в нашей квартире, принадлежат ей. На допросе она плакала и причитала: "Ой мама родная, о боже мой!" Её положение было сложнее моего. Не понимая, что делает ошибки, она сама лезла в волчью пасть.

Она думала, что ей удастся помочь мне. Но органы вовсе не интересовались моей женой; им была нужна запись её рыданий на пленке. Они воспроизвели эту запись ночью у дверей моей камеры. Дежуривший надзиратель, якобы громко требовал от "плачущей" успокоиться, а я хорошо слышал знакомый мне голос. Это была длинная, мучительная ночь. Я представил себе беспомощную маму с двумя маленькими детьми на краю пропасти, а я не могу им ничем помочь. Утром меня повели на допрос и там меня встретили уже знакомые офицеры. Они спросили, хорошо ли я выспался, на что я ответил утвердительно.

Я увидел сбоку столик, накрытый разными кушаньями и рядом с ним два стула. Тимофеев рукой указал мне место за столиком. Я отказался, сказав, что есть не буду, так как еда не кошерная. Они улыбнулись, так как хорошо знали, что я в то время не соблюдал кошерность. Они знали многое о моей личной жизни – даже то, чего не знала моя жена. Когда мы сели за столик, Тимофеев начал припоминать мне, как меня в трехлетнем возрасте повели в хедер и я приобщался к националистическому мировоззрению.

Развивая свою мысль, он сделал вывод о том, что теперь я имею возможность искупить свою вину признанием во всём и выдавая всех, кто толкал меня на преступление. Он угрожал мне тем, что моё сопротивление будет означать, что я остаюсь на антисоветских позициях и мою жену также посадят, а детей определят в интернат, чтобы они не воспитывались в семье врагов народа. Я спросил, на свободе ли моя жена сейчас. Он ответил уклончиво и это меня встревожило. По требованию Тимофеева, ему подали протокол допроса моей жены. Я прочитал ее показания о том, что изъятые у нас пасквильные записи принадлежат ей, а не мне. Я видел знакомую мне подпись и представил себе, как отчаянно она старалась мне помочь, даже разделив со мной мою участь.

Я сказал: "Женщина теряет рассудок, когда она старается защитить своих близких. Разве можно поверить тому, под чем она поставила свою подпись? Я хочу предложить Вам сделку. Я подписываю все протоколы, какие Вы потребуете, при условии, что они будут касаться только меня, а за это Вы оставите в покое мою семью. Моё предложение привело в ярость спокойного с виду Тимофеева и между нами начался примерно такой разговор. Он сказал: "У нас достаточно средств, чтобы заставить Вас говорить." Я ответил: "В этом случае я буду молчать, как покойник." Он продолжил: "Нет, Вы будете жить до тех пор, пока нам это будет нужно и будете говорить без всяких условий."

Далее мы говорили по очереди. Я: "А я расскажу только о себе, а о других ничего не знаю и ничего о других людях не подпишу ни при каких пытках."

Он: "Не изображайте из себя героя. На том диване сидел профессор Функ, известный врач ухо-горло-носа, не Вам чета. Он признался, что является сионистом, всё рассказал и отправился в лагерь на двадцать пять лет. Будете и Вы говорить. И не думайте, что мы будем Вас пытаться, мы не гестапо, поняли?" Я: "Не совсем понял. Я не мастер различать кто есть кто?"

В ответ раздался крик: "Что-о-о!". Затем я услышал быстрый топот сапог за моей спиной. Это был Феоктистов. Он поднес свои руки почти вплотную к моему лицу, будто хотел выколоть мне глаза.

Тимофеев отвел его руки и спросил, не бьют ли меня здесь. Я ответил: "Нет, не бьют. Ведь не для того Вы меня сюда привели чтобы мои жалобы выслушивать. Физическое воздействие, применяемое ко мне Вам хорошо известно. Оно Вами разработано и внедрено." Мое откровение заставило следователей задуматься. Тимофеев первым понял, что обострение отношений со мной не даст им желаемых результатов. Он пригрозил мне наказанием за мою дерзость, не переставая смотреть на меня в упор. Я тихо сказал: "Не сомневаюсь, что Вы выполните свое обещание. Теперь я окончательно убедился в том, что я должен делать. Для меня будет примером то, как люди боролись в течение двух тысяч лет."

С этого дня допросы стали более конкретными, однако они не все протоколировались. Иногда присутствовавшие на допросах офицеры вели со мной свободные дискуссии. Временами мне казалось, что я нахожусь на свободе и могу высказать все, о чем молчал четырнадцать лет в СССР. Я был так наивен, что не думал, что эта откровенность привела многих к аресту и помещению в психбольницы для "принудления". Подполковник Тартаковский был вовлечен в следствие по моему делу для оказания технической помощи. Я опротестовал правильность перевода с еврейского языка на русский записей, изъятых в моем доме. При переводе тексты были искажены и не соответствовали истинному содержанию оригиналов.

Однажды, когда меня допрашивали, вдруг в кабинет вошли Назаров и Тартаковский. Они сели напротив меня. Тартаковский протянул мне еврейский молитвенник, открытый на странице с известной молитвой под названием "Аха бахартану". Он попросил меня перевести это на русский язык вслух. Я прочитал перевод и попросил их ответить на один мой вопрос: "Я буду осужден, как еврейский националист?" Затем я решил объяснить им почему еврейские националисты приписывают своему народу особые качества.

Я сказал: "Самое важное –это жизнеспособность еврейского народа. Со дня потери своей независимости, в течение двух тысяч лет расеяния по всему свету, еврейский народ был гоним и подвергался преследованиям. Клевета, погромы, инквизиция, Хмельницкий, Петлюра и ещё трагедия Второй Мировой Войны! Однако этот народ выжил и в упорной борьбе

вновь отвоевал свою независимость. Он опять полон жизни и отстаивает своё возрожденное государство. За этот же период истории были и другие народы в стране, где мы с вами живём. Они не были гонимы, как евреи. Однако они исчезли.

Объясните мне, почему еврейский народ оказался таким стойким и жизнеспособным? Я надеюсь получить убедительный ответ. Может быть Вы опровергнете утверждения еврейских националистов? Может быть Вы знаете истинные причины этого явления и сможете объяснить это с идеологической точки зрения?" Никто из присутствовавших не смог что-либо сказать, боясь сделать политическую ошибку. Назаров разрядил атмосферу, сказав, что у него сейчас нет определённого ответа, но мы ещё вернемся к этому вопросу. Тогда я решил сам ответить и протянул Назарову, принесённый Тартаковским, старый молитвенник со словами: "Вот Вам ответ, держите" "Вы так думаете?" – произнёс Назаров и продолжил- «Вы ведь не религиозный, а прикрываетесь религией».

Я ответил: "Да, я нерелигиозный в полном смысле слова, но как все, признаю, что у евреев эта религия во все времена была укрепляющей и объединяющей силой народа. Как Вам известно, я ходил в синагогу, где каждый еврей произносит слова молитвы"-«собери нас господи всех вместе со всех концов света». «До сих пор никому не удалось вырвать эту веру у народа. Вот почему он продолжал существовать.» Всё, что я им говорил, принесло мне большое удовлетворение и в конце этого разговора один из офицеров сказал: "Да, он мог бы оказаться очень опасным, больше, чем мы думали." В камеру я возвращался не надолго. Допросы длились по пятнадцать-восемнадцать часов в сутки. На прогулку меня выводили не каждый день.

Однажды я вернулся после допроса и застал в моей камере человека, представившегося как Михаил Матвеевич Федоров. Меня обрадовало, что я уже не один буду в камере. Тем более, что он оказался симпатичным интеллигентным человеком и легко понимал меня. Однако вскоре пришлось прекратить общение с ним. Я узнал, что он во время немецкой оккупации Смоленска служил в администрации города. Я заподозрил, что он подсажен ко мне и решил это выяснить. В досье органов находилась записка, написанная рукой моей жены, что она и подтвердила.

Но были еще втоптаные в снег три экземпляра того же содержания, что и в записке, но напечатанные на машинке. Я по "секрету" рассказал Федорову, что собираюсь передать следствию якобы имеющиеся у меня эти три экземпляра, чтобы взять всю вину на себя. Через некоторое время его вызвали на "допрос". Когда он вернулся, он получил свой "серебряник" – ему принесли обильную продуктовую передачу. В ту ночь меня мало допрашивали, а на завтра в кабинете №81 меня ждали заместитель прокурора области по спец-делам Белов и его помощник.

Мне предъявили обвинительный акт. На фирменном бланке четко перечислялись пункты обвинения. Ведение антисоветской националистической пропаганды среди лиц еврейского происхождения; сохранение, размножение и распространение антисоветской националистической литературы; клевета на КПСС и Советское Правительство; клевета на братские компартии стран Народной Демократии; восхваление лидеров-сионистов и международной буржуазии; связь с международной буржуазией (переписка с родственниками, проживающими в США).

Все пункты обвинения подпадали под статьи 58-10/ч.2.; 58-11 и 58-2 Уголовного Кодекса РСФСР. Белов задавал формальный вопрос-признаюсь ли я в предъявленных мне обвинениях? Я заявил: "Нет, обвинение не соответствует действительности. Я не вёл никакой деятельности против Советской власти и то, что Вы называете деятельностью, в действительности было исключительно разъяснением еврейским гражданам об их положении в стране и о том, что ведется злостная, организованная, антисемитская кампания против моего народа.

В этом не было никакого намерения к свержению власти. Я думаю, что это и Вам самим кажется смешным." Феоктистов прервал мои объяснения криком, что не позволит мне использовать следствие для антисоветских выступлений. Белов жестом разрешил мне продолжать и я сказал: "Да, признаюсь, что материалы изъятые в моём доме принадлежат мне. Радио "Голос Израиля" я слушал только когда разрешалось. Белов встал и взяв со стола тонкие листки бумаги, обращаясь ко мне, спросил: "Это Ваше?"

Я ответил: "Да, это моё. Это то самое, что я передал Вам через вашего поверенного, бывшего работника ГЕСТАПО."

Белов встал и громко спросил: "Вы признаётесь или нет?" Я ответил: "Нет, не признаюсь." Феоктистов забежал по кабинету и, заглядывая в бумажку кричал: "На одном из Ваших сборищ Вы заявили, что Гитлер уничтожал евреев выстрелами в упор, а в СССР их уничтожают духовно и не исключена опасность репрессий в массовом масштабе. Вы говорили также, что книгу Б. Марка о восстании в Варшавском гетто следует изучать вместо Истории КПСС и, что надо делать соответствующие выводы, чтобы не остаться беззащитными и быть подготовленными морально и материально к таким событиям."

Эти слова были переданы с точным указанием времени и присутствовавших при этом лиц. Я был охвачен тревогой за судьбу друзей и представил их в моём положении. Белов продолжал настаивать на получении от меня положительного ответа, а я вновь заявил, что был встревожен антисемитской кампанией, проводившейся в стране и моя деятельность против этого не имела никакого антигосударственного направления. После ещё нескольких вопросов и ответов, мне все это надоело и я сказал: "Давайте, я подпишу, что я признаюсь частично в предъявленных мне обвинениях". Под этими словами я расписался. Во избежание конфликта между мной и Федоровым, его убрали из камеры ещё до моего возвращения с допроса.

Опять я остался один, наедине с моими страхами. Допросы велись ускоренным темпом-днем и ночью, формальные и неформальные, иногда на них присутствовали незнакомые мне люди. Они интересовались еврейской проблемой неформально. Видимо, это их интересовало с точки зрения выработки дальнейшей тактики по отношению к еврейскому вопросу.

Мой друг Винер Авраам подвергался в это время грубому нажиму со стороны следствия. Хорошо зная об его привязанности к семье и его неосведомленности обо всем происходящем, они старались представить ему дело так, будто я являюсь виновником его несчастья, а он может быть и не причём. Приманка была простая и не каждый может устоять

перед таким соблазном – выбраться из тюрьмы на волю. Однако Винер во-время разгадал эту хитрость. На все вопросы он отвечал не по делу, будто не понимал их смысла.

К счастью, его попытка покончить собой окончилась неудачей. У органов сложилось о нём впечатление, что он антисоветчик-националист. Я жалел Винера больше, чем самого себя. Я говорил: “Судите меня и делайте со мной, что хотите, а Винер не виноват; он даже не понимает в чём его обвиняют”. Арест Винера имел своей целью сломить его старого тестя Нахума, который активно помогал людям. Это им удалось. Вскоре после ареста Авраама, Нахум скончался. Светлая ему память. Органы знали кое-что о деятельности Винера, но чтобы доказать это, им нужны были факты.

Они избрали в качестве обвинения обнаруженное письмо его дяди из США. В этом письме дядя наивно спрашивал, правда ли, что в СССР нельзя говорить что-либо против партии и правительства, а тех, кто это сделает, сажают в тюрьму. Это письмо было изъято у Винера при обыске. Винер кричал, что виноват не он, а его дядя, который не знает наших законов и клеветит на органы МГБ. Он говорил: “Сажайте его, а не меня. Мой дядя заслуживает это. Он не знает правду о нашей счастливой жизни.” Но дядю невозможно было достать. Он без боязни жил в Нью-Йорке. Тюремщики отвечали Винеру: “До твоего дяди тоже доберемся со временем.” Они говорили это всерьез, считая, что весь мир уже в их руках. Они совсем не думали, что сами будут уничтожены такими же, как они преступниками, которые придут им на смену. Так и произошло. Винер и я, к счастью, дожили до этого.

На очередном допросе мне предъявили тексты, переведенные с еврейского на русский язык. Это была поэма И. Л. Переца – “Монош”, популярная старая песня “Лейбке уехал в Америку” и другие тексты. Перевод был безграмотным и тенденциозным. Я был не согласен с ним и поэтому к повторному анализу переводов был привлечён Тартаковский и я. Феоктистов представил мне уже знакомого человека со словами: “Вот Петр Моисеевич, тоже еврей и не простой. Он знает еврейский и древнееврейский языки, учился в ишивот и работает вместе с нами с 1919 года, несмотря на то, что происходит из состоятельной среды, не то, что Вы.”

Я ответил: "Да, действительно, редко увидишь такого человека в нынешнее время, но разве это имеет значение? Ведь нам всем известны люди, которые не только шагали вместе с Вами, а учили Вас шагать и не с 1919 года, а с 1898 года. Они были признаны врагами народа и были безжалостно уничтожены, а таким, как Тартаковский не приходится завидовать. Им предстоит судьба намного хуже, чем моя. Меня сошлют в лагерь, а такие, как он, туда не попадают.

Позже я узнал, что Тартаковский умер в психиатрической больнице. Я высказал всё это в спокойном тоне и не вызвал особой реакции, однако Тартаковский подошел ко мне и по еврейски сказал: "Вы, молодой человек, играете с огнём. Попридержите свой язык, а то можете пожалеть, но будет поздно, так как худому нет границ." Затем официальным тоном он сказал по-русски, что его назначили ответственным за проверку правильности переводов моих записей с моим участием.

С этого дня мы фактически работали вместе, но нам не доверяли и не оставляли нас наедине в кабинете. В ходе этой работы мы разговаривали по-русски и по-еврейски, но не всегда по делу. Во время этих разговоров я, к моему удивлению, получил ответы на некоторые важные вопросы. Ободряющим для меня было сообщение, что из тюрьмы освободили известных евреев и пока больше не будет арестов. Что касается меня, то мне обеспечены, как минимум, десять лет. Я не догадывался, кого имел в виду Тартаковский, когда говорил об "известных евреях", и только когда нас вели из "воронка" в суд, я услышал крик моей сестры: "Держись, врачей уже освободили!"

Через некоторое время я узнал, что Тартаковский был страшным садистом и наркоманом, что он изощрённо издевался над своими подследственными. Постоянные мучительные допросы и лишение сна настолько ослабили меня, что я падал с привинченной к полу табуретки. Она была такой высокой, что ноги не доставали до пола и своё тело не удавалось удержать в равновесии. Здесь всё было продумано "специалистами".

Следователи оказались ко мне "великодушными" и разрешили днем прилечь отдохнуть на один час. Неизвестно по каким соображениям ко мне в камеру поселили второго еврея по фамилии Иоселевич. Это был бывший главный инженер нефтеперегонного завода приволжского городка Ново-Куйбышевск. Ему предъявили обвинение во вредительстве в связи с произошедшим взрывом резервуара с жидким газом. Родом Иоселевич был из Ростова – на-Дону. Там поселился его прадед, получивший право на жительство после того, как отслужил в царской армии 25 лет.

Иоселевич совершенно не знал еврейского языка и обычаев своих предков. Он был высокий, грузный, дышал с одышкой. Он с трудом выполнял свои обязанности по камере, но, когда я хотел что-нибудь сделать за него, он возражал, объясняя это тем, что должен сам испытать всё, чтобы знать, как это достаётся другим. Мы недоверчиво и сдержанно относились друг к другу. Однажды ночью, когда я вернулся с допроса, он увидел, что я не могу стоять на ногах и держусь за голову. Он помог мне раздеться и лечь на нары, а потом прикладывал к моей голове намоченные тряпки и шептал – "О боже, что они делают с людьми."

Не помню какое это по счету было воскресенье, когда впервые меня не вызвали на допрос и мы с Иоселевичем неторопливо беседовали. Он рассказал, как одна московская комиссия искала причину взрыва на заводе и он подписал протокол, в котором говорилось, что единственным виновником взрыва был дежурный слесарь, куривший в запрещенном месте. После отъезда комиссии, ночью к нему постучали, вошли в квартиру, сделали обыск, забрали его и отвезли в райком партии, где их специально ждал секретарь райкома.

Он "на время" отобрал у Иоселевича партийный билет, а затем его отвезли в Управление МГБ. Там, как и всех, его привели "в человеческий вид" и предъявили обвинение в диверсии. Прошло восемь месяцев. Его продолжали допрашивать и конца не было видно. Он был очень наивен и думал, что ему мстит какой-то личный враг. Он надеялся, что парторганизация, которой он глубоко доверял, придет к нему на помощь. Он не подозревал, что находится в руках грозной, безжалостной силы, которой подчинено всё в стране. Как и многие другие люди, он не

способен был увидеть истинную причину происходящего. Внезапно открылась "кормушка" и подозвали меня.

Надзиратель начал выкладывать продукты, а я так расчувствовался, что не в силах был подойти и взять их. Подошел Иоселевич, чтобы помочь мне, но посмотрев на меня, он тоже заплакал. Я подумал, сколько мучений испытала моя жена и сколько трудов ей стоило, чтобы принять для меня эту передачу. Мы стояли с Иоселевичем, обнявшись, пока немного успокоились. Ему тоже принесли передачу, и хотя это было не впервые, но мы переживали это также, как в первый раз. Мы присели поесть.

Под нами находилась, так называемая "смертная камера" №1. В ней содержались два человека, приговорённые за политический террор. Оттуда доносилась монотонная песня:

"В воскресенье мать родная
К воротам тюрьмы подошла,
Своему родному сыну
Передачу принесла.
Принимайте передачу, а то люди говорят,
Что в тюрьме там заключенных
Сильным голодом морят."

К Иоселевичу пришла мать-старушка. Его жена не выдержала позора и лишений и уехала с детьми в далёкую Сибирскую деревню. Иоселевичу грозили присудить двадцать пять лет заключения и необходимо было поддержать его морально. Я решил рассказать ему о нашем с ним еврейском народе, от которого он был так далёк и оторван. Я же постоянно общался с еврейской интеллигенцией. Это были люди, обладавшие высоким национальным сознанием; они быстро реагировали на всё происходящее вокруг нас. Иоселевич не знал всего этого и ему казалось бессмысленным продолжать двухтысячелетнюю борьбу за сохранение национального единства еврейского народа.

Даже теперь, когда образовалось независимое государство Израиль, он остался равнодушным к этому историческому событию. Как чуткий человек, он продолжал верить в коммунистическую мораль, не хотел и боялся думать о том, что она поколебала веру в честность и человечность носителей этих идей. Он не мог признаться, что всю свою жизнь ошибался и был участником дьявольской пляски под управлением палача. Позднее мне не раз приходилось встречать таких людей – наивных, страдающих в лагерях. Они не были в состоянии понять причины их страданий. Иоселевич слушал мой рассказ о борьбе нашего народа за самосохранение в разных условиях рассеяния и о чуде воссоздания своего государства, о котором мы никогда не забывали.

Мне удалось продемонстрировать ему маленький пример нашей солидарности. Обычно около моей камеры дежурили кадровые солдаты. Один из них оказался моим земляком. Я постучал ему и попросил иголку, хотя знал, что это запрещено. Он вежливо сказал мне, что не может этого сделать. Я напомнил ему, что ведь мы земляки и прошу его о небольшом одолжении. Каждый может оказаться в беде, от этого никто не гарантирован. Он закрыл окошко и немного погодя принес иголку и кувшин холодной воды, что нам было также запрещено. Он сказал, что больше ничем помочь не может.

Иоселевич покачал головой и сказал: “Эх вы, вас никто не исправит!”, подразумевая тюремные власти и установленные в тюрьме правила. Затем он добавил. “Ведь я сам теперь не лишен чувств сострадания, а не только этот молодой солдат войск МВД.” В добавление к этому, я подчеркнул, что если бы нас смогли лишить этих чувств, то лишили бы возможности человеческого существования. И только я успел рассеять возникшие мысли и грусть, как в камеру постучали и приказали Иоселевичу собираться с вещами.

Я опять остался один. Это делалось специально, чтобы показать заключённому, что такое одиночество. Последнее время я удивлялся тому, что прекратились неформальные допросы, связанные с темой “врачей вредителей”. Раньше такие допросы велись для выяснения связи Куйбышевских евреев с позорным “Московским делом”. При этом упоминали фамилию Рыскина – Белова, бывшего управляющего трестом

№1. Он был осужден за семейственность на работе, то есть за привлечение на свою работу близких родственников.

В программе следствия была задача объединить в одно "дело" целую группу снятых с постов крупных административных и технических руководителей промышленности города, чтобы открыть филиал антисемитского процесса. В числе этих лиц были директора и главные инженеры крупнейших предприятий города и области. О них упоминали на моих допросах, но я не был с ними знаком или связан, поскольку они были высокопоставленными людьми, а я – простым рабочим. Меня продолжали держать в строгой изоляции.

Связь между камерами осуществлялась примитивным способом и позволяла узнать только о количестве людей в соседней камере, сроки, статьи, и реже-фамилии. Как оказалось, заключённым по всей тюрьме было известно, что есть такой заключённый Лёшка Гринвальд и по каким статьям его обвиняют. Хотя кое-кто уже знал об освобождении врачей и чувствовалось какое-то оживление в камерах, до меня это ещё не дошло. Было странно, что начали разрешать отдыхать иногда ночью. Однажды в такую ночь вдруг раздался громкий мужской голос, который разбудил всех узников.

Слышны были крики: "Я улечу, дайте самолёт, заводите, хочу улететь, всё равно улечу!" Эти крики сопровождались стуком в дверь, но всё это длилось недолго. Забегали надзиратели и крики замолкли. Кричал лётчик гражданской авиации, обвиненный по политической статье. Он не выдержал гнусных унижений и сошел с ума. Через несколько дней, утром, в туалете обнаружили нацарапанное ногтём на стене: «Лётчик покончил собой в камере №7.»

Было понятно, что без участия органов ему это сделать не удалось бы. Гибель лётчика произвела на меня ужасное впечатление я не мог никак этот случай забыть. Я боялся, что таким может быть и мой конец. Однако, стремление выжить подсказало мне- держаться как можно дольше, чтобы выжить и рассказать обо всех зверствах и обо всём, что происходило здесь, в этих застенках. Но надежда выжить была очень слабой, кругом была лишь беспросветная тьма, и временами казалось,

что горящая в глубокой нише маленькая лампочка оплакивает своего покойника.

Охранники внутренней тюрьмы были, в основном, из старых кадровых чекистов, причем старых также и по возрасту. Они в течение многолетней преданной службы доработались до небольших чинов и остались почти рядовыми. Зато они, как дрессированные овчарки, чуяли, что происходит с каждым узником. Они не были способны зарабатывать себе на жизнь в других местах; у них были садистские привычки – желание при каждой возможности сделать больно своим жертвам.

Они узнали мой непокорный характер и не реагировали на моё дерзкое поведение. Феоктистов сказал, что тюремные власти в состоянии меня успокоить. Для беседы об этом меня вызвали к начальнику тюрьмы Кузнецову. Он вел себя со мной корректно и говорил о том, что тюремные власти не виноваты в том, что я нахожусь здесь-они только выполняют свои обязанности. Впрочем, добавил он, времена могут измениться и меня могут освободить. Я его не понял и подумал, что какое-то изменение уже есть, иначе не стали бы со мной так церемониться.

В середине 1953 года во внутренней тюрьме МГБ города Куйбышева томилось более тысячи человек. Первыми по количеству были такие, которые проговорились или сидели по доносу злостного соседа . Были и такие заключённые, которые попались за то, что говорили о возможности слушать без помех западные радиопередачи, если к наружной антенне прикрепить пустую консервную банку. Агентам МГБ оставалось только посмотреть чья это антенна и таким способом они узнавали, кто жаждет знать то, что ему не положено.

Этим слушателям давали "десятки". В лагерях над ними смеялись и говорили, что слушать нужно было только "отца и учителя". Вторыми, по количеству были бывшие военнопленные, оставшиеся в живых в фашистских лагерях. Они предпочли Бухенвальд и Освенцим сотрудничеству с врагом и вступлению в созданные немцами бригады из бывших Советских военнослужащих. Их освободили из немецких лагерей

в разных частях Европы и даже Африки. Они, почти все, хотели попасть обратно к себе домой.

Будучи ни в чем не виноватыми перед Родиной, они были уверены, что с ними ничего плохого не случится. Однако они были жестоко обмануты. Их подвергли "проверке" в условиях, ничем не отличающихся от обычных лагерей, но без определённого срока. После двух-трёх лет "проверки", часть счастливицков отпустили домой, а остальных перевели в лагерь, со сроком заключения -двадцать пять лет.

Третьими, были те, которые сотрудничали с немцами, служили у Бандеры, Власова, в частях СС, в карательных отрядах и гражданской администрации врага. Были также те, которые не скорбили по поводу смерти Сталина, а наоборот, радовались. Их также называли "мартовский набор". Они на допросах старались доказать следователям свою преданность партии и правительству, перечисляя свои заслуги. Полученные ими многолетние сроки поколебали их преданность.

Мартовская акция была, как бы, последним преступлением бывшего грозного владыки. Хотя претендовавшие на место Сталина вожди, не собирались что-либо менять, всё же чувствовалось, что перемены будут. Чувствовалась какая-то неуверенность и в аппарате угнетения. Ожидание изменений казалось узникам длительным и тяжелым.

Моё следствие ускорилося. Организовали первую очную ставку со Шпербером. Когда меня ввели в кабинет, там уже сидел Шпербер на достаточно большом расстоянии от моей табуретки. Присутствовали: прокурор, начальник следственного отдела и группа офицеров. Мне объяснили правила очной ставки. Шпербер, не дождавшись вопроса, обратился ко мне со словами: "Гринвальд, ты видишь, что попался, ведь не скроешь, что ты сионист и вёл агитацию за выезд евреев из СССР в Израиль. Ты собирался для этой цели создать тайную типографию и библиотеку. Признайся и делу конец!"

Я улыбнулся, не глядя в его сторону. На вопрос одного из офицеров, почему я улыбаюсь, я ответил: "Жаль, что такие типы не знают

древнюю, мудрую пословицу – “потопил, утонешь.” Присутствовавший Тартаковский произнёс это изречение на языке оригинала и объяснил остальным, откуда это изречение. Шпербер много говорил и много врал. По неформальной договорённости со следствием, я подписал те пункты, которые касались только меня. Этот принцип мной строго соблюдался и никто не пытался изменить это.

Меня беспокоило то, что Шпербер мог продолжать действовать на воле среди близких мне людей. Однако ему больше не доверяли евреи, а русские стали тоже опасаться и презирать. Мне тяжело было возвращаться в камеру – одиночку и вспоминать то, что приходилось выслушивать от этого гнусного человека. Я жалел, что раньше не разгадал его предательство, за которое я и другие люди расплатились так дорого. Только смерть Сталина спасла многих из нас от физического уничтожения. Я остался жив и, вспоминая пережитое, решил описать всё на близком мне, русском языке, который к сожалению, мне не пришлось изучать. Я старался сделать это без прикрас, в меру моих скромных способностей.

На следующий день мне предстояла вторая очная ставка с главным энергетиком предприятия Е. М. Кушпелем. Он был украинец, из западных районов. Ещё в 1929 г., служа в Польской армии, вблизи границы, он перешел на территорию Восточной Украины, намереваясь остаться в этой свободной стране. Сначала он два года отсидел в тюрьме, а потом его сослали в Тамбовскую область. Ему повезло и он смог учиться, и стал инженером. Он вступил в партию, но в 1937 году его снова посадили на десять лет, заподозрив, что он специально заслан поляками.

С Кушелевым мы подружились. Он знал польский язык, был начитан и остроумен. Я часто заходил к нему в кабинет и мы беседовали на разные темы. В разговоре Кушель не называл ни одного имени, чем следствие было недоволено. Он, однако, в моих высказываниях почувствовал националистические настроения, но не придавал им значения. Я был очень благодарен Кушелю за это.

Приход весны чувствовался даже в моей камере, особенно около окна, через которое можно было увидеть кусочек голубого неба. Я наблюдал, как распускались на ветках почки. Феоктистов, зная это, специально распахнул большое окно, чтобы я увидел, как прекрасна весна и что народ готовится отмечать Первомайский праздник. Я сделал вид, что не обращаю внимания на его слова. После этого разговора мне было грустно и тяжело возвращаться в камеру, где царили одиночество и мрак.

Итак наступил праздник. Невозможно было представить себе, что в стране, где рабочий класс завоевал власть, где всё, якобы, принадлежит ему, именно там в тюрьмах и лагерях томятся миллионы рабочих и их безжалостно эксплуатируют в качестве рабов. Тюремные власти также готовились к празднику. На три дня нам отменили прогулки и в эти дни не проветривали камеры. Была усилена охрана, зато лучше покормили. Мне впервые разрешили получить книгу американского писателя Синклера Льюиса "Королевская кровь".

Я читал, шагая по камере по диагонали, почти четыре шага. В этой книге описаны ужасы расовых гонений в США, однако напрашивался вывод, что там борьба за права человека не является противозаконной и за выражение недовольства не судят. Я читал книгу и радовался, что есть в мире люди, живущие без страха; они могут открыто бороться за свои права и убеждения. Книга спасла меня от уныния в дни праздника. Я вспомнил, что в день Первого мая 1937 года, меня, совсем ещё мальчишку, польские полицейские, вытащили из рядов демонстрантов и увезли в полицию.

Оттуда через два дня меня освободили, за неимением доказательств. Просоветские лозунги не являлись там достаточным основанием для осуждения и прокурор приказал меня освободить. Это было в довоенной Польше. Во времена правления власти пролетариев, органы жестоко расправлялись со своими жертвами. После трёхдневной "праздничной" изоляции меня вывели на прогулку и я жадно глотал свежий воздух и смотрел на голубое небо.

Спустя два дня ко мне подселили некоего Агафонова Сергея Ивановича. Его товарищ по делу, Пушкарев находился в соседней камере. Это были простые деревенские мужики и, как многие, они попали в немецкий плен под городом Брянском. Потом они оказались в Италии на фортфикационных работах. Их освободили из плена американцы, но они хотели продолжать воевать с немцами. За проявленный героизм, Пушкарёв был награждён высокой наградой американской армии. После окончания войны, они оказались во Франции и стремились на Родину, несмотря на уговоры и объяснения, что их ждёт по возвращении домой.

По возвращении, они были осуждены за измену Родине и службу в иностранной армии, и приговорены к двадцати пяти годам заключения. Агафонов был простым человеком, но успел познакомиться с жизнью на западе. Он горько жалел о своём возвращении. Тогда он ещё не мог поверить, что с ним так расправятся. Позже он рвал на себе волосы, упоминал имя полюбившей его француженки, взывая о помощи. Теперь он мотался по маленькой камере и непрерывно курил "козьи ножки" из крепкого самосада.

Я не знал, как ему помочь и предложил прочитать вслух книгу Э. Войнич-"Овод". Агафонов всякий раз с нетерпением ждал моего возвращения с допросов и мягко спрашивал, в состоянии ли я продолжать читать вслух. Возможно, что эта книга была для него первой в жизни и он часто вытирал слезы, приговаривая, что зря поверил, что Родина его ждёт. Мы подружались, но вскоре его забрали от меня. В тюрьме меня многие знали под именем Лёшка. Почти никто не видел меня, когда меня водили по коридору и я слышал, как заключённые в камерах говорили: "Лёшку ведут".

Они узнавали меня по скрипу моей обуви, специально сделанному мной. Однажды я пытался найти Винера и, для этого, выстукивал по нагревательным трубам национальный гимн Польши. К моему удивлению Винер отозвался. Он оказался в соседней камере-одиночке. Мы успели немного поговорить, но его перевели, в наказание, на нижний этаж в камеру к двум приговорённым к смертной казни бандитам. Они сразу напали на него и пытались отнять у него еду. Но надзиратели просчитались. Винер в прошлом был боксёром и быстро усмирил обоих. Надзиратели не спешили вмешаться, надеясь на другой исход.

Бандитам пришлось извиняться перед ним – дескать не знали, что он свой парень. После двухдневного перерыва, меня привели в кабинет №81, где уже ждали Белов и офицеры следствия. Мне было заявлено, что следствие закончено и дали прочитать толстый том протоколов и документы с разными показаниями. Официальный донос, написанный собственноручно Шпербером гласил, что в связи с призывом партии к бдительности, он сообщает властям о том, что Гринвальд Альтер проводит антисоветскую, националистическую пропаганду.

Дальше было подробное описание: « Гринвальда А.А. я знаю с 1948 года. В период усиления всенародной борьбы с космополитизмом, он утверждал, что это направлено против евреев. Он пытался привлечь меня и других людей к созданию группы для антисоветской националистической деятельности. Он распространял запрещенную литературу и антисоветские пасквилы, написанные неизвестными лицами. Он организовывал сборища у себя дома и у других людей, разделяющих его взгляды. На сборищах говорили о существующей, якобы, в СССР дискриминации евреев, восхваляли сионизм, его лидеров и государство Израиль.

Он говорил о единственном способе решения еврейского вопроса путём эмиграции евреев из СССР в Израиль. На сборищах он также читал вслух антисоветские сочинения и цитировал клеветнические измышления западных радиостанций. Он клеветал на страны народной демократии; суд над Сланским охарактеризовал, как продиктованный органами СССР и явно антисемитский. Он высказывался о том, что разоблачение врачей-вредителей является предлогом для антиеврейских погромов” Были точно указаны места и время встреч с описанием мельчайших подробностей.

Он написал, что его отношения со мной были нормальными, что не было никаких трений и в конце текста стояла его подпись. Как оказалось, он записывал всё это в течение нескольких лет. Некоторые люди, указанные им, как состоящие в связи со мной, занимали ответственные посты на предприятиях города и их судьба волновала меня. Из показаний некоторых из них, которые мне довелось читать, было видно,

что на допросах они держались достойно. Из этого я сделал вывод, что происходят какие-то изменения. Я читал показания, которые дали около двадцати человек допрошенных неевреев.

Некоторые из них были несогласны со мной. Однако, в основном, все показания, неожиданно оказались положительными. Это порадовало меня и доказало, что органам не удалось лишить людей совести. Мой начальник цеха Кожохин не знал, что он числится в списке близких мне, по убеждениям, людей, хотя это было далеко не так. По паспорту он считался евреем. Однако, на самом деле, его предками были русские люди, принявшие иудаизм, как вероисповедание. Он родился в Воронежской области, где было несколько деревень, принявших иудаизм.

Несмотря на все репрессии властей, люди продолжали упорно исповедовать эту религию. Кожохин был исключением. В эвакуации он женился на мордовке и его дом был сугубо христианским. Русские считали его евреем, а евреи не принимали его за своего. Он был членом партии, но остался совестливым человеком. В органах он числился, как "ОО", что означало общественно опасный. На угрозы органов он отвечал, что против совести не пойдёт и клеветать ни на кого не будет. Просмотр интересовавших меня документов "дела" длился довольно долго, но никто не пытался ограничить меня временем. Белов обещал, что суд даст мне возможность защищаться.

Я подписал бланк 206 и мне осталось ждать судебного разбирательства. Я хотел подготовиться, но иметь карандаш и бумагу было строго запрещено. Я не собирался защищаться, чтобы ослабить наказание. Я знал, что суд не решает этот вопрос и, что это всё уже предрешено. Я хотел на суде оправдать свои действия, ставшие, якобы, незаконными только по законам Советского права. В результате из обвинения исключили статью 58-2 о связи с зарубежными буржуазными элементами.

Одна маенькая бумажка вызвала моё резкое возмущение. Из неё я узнал, что все изъятые фотографии, письма и открытки- сожжены. Это были бумаги, которые я берег и пронёс через немецкую границу во

время войны. Были открытки из гетто в Лодзи моих родителей и сестры, погибших в том же гетто. Это была моя боль. Позже я высказал им своё возмущение этим гнусным поступком. Теперь меня больше ночью не тревожили, но дни и ночи тянулись бесконечно долго.

Согласно тюремным правилам всех заключённых стригли каждые две недели с головы до ног, а если стригли раньше, то это было особым прогнозом. Двадцать девятого мая 1953 года рано утром меня постригли и разрешили после этого умыться. Обычно это не разрешалось. Затем меня привели в помещение, где меня уже ожидал вооруженный конвой. Меня передали этому конвою под расписку.

Не обошлось без инцидента. После того, как меня тщательно обыскали, ко мне подошел начальник конвоя, молодой парень небольшого чина, осмотрел меня сверху донизу и сказал: "Ты политический, я вас знаю, из таких я выпускаю кишки наружу." Я перестал одеваться и потребовал, чтобы вызвали дежурного офицера. Я заявил ему, что с этим конвоем я не поеду на суд, а если повезут насильно, то на суде не буду отвечать на вопросы. В результате последовавшего между ними разговора в другой комнате, начальник конвоя извинился и обещал вести себя корректно.

Он сказал, что думал, что я участвовал в убийстве надзирателя. Я увидел Винера, когда нас вели в "воронку", но не понял, куда он неожиданно исчез. Но когда открыли дверь «воронка» и я начал влезать внутрь, я увидел, что он здесь. Как внутри умещается человек может понять лишь тот, кто там побывал. Машина остановилась на центральной площади города, около областного суда. Среди людей, ожидавших сенсационного судебного процесса, якобы над шпионами, совершившими различные чудовищные преступления, о которых сообщали органы, мы увидели наших близких родственников. Они махали нам руками, а моя сестра громко кричала: "держитесь, врачей освободили и вас освободят!"

Все видели, какой строгий конвой нас охраняет, а начальник конвоя бежал с пистолетом в руках. Каждого в отдельности проводили в камеру для ожидания. У меня началось предсудебное волнение. Я верил тому, что "отсюда не выходят просто так". Я руководствовался этим

наставлением и не надеялся на хороший исход процесса. Видимо, сначала органы задумали провести серьезный процесс, как подобает такому городу, как Куйбышев. Освобождение врачей в Москве заставило Куйбышевские органы представить наш процесс, как местный и законный. Благодаря этим событиям, наше следствие было срочно свернуто и нас перестали допрашивать.

Следствие больше не интересовалось когда и где я был в Москве, чем я там занимался. Другие вопросы также перестали интересовать следствие. Нас привели в большой зал заседаний, где уже сидели прокурор и защитники. Секретарь объявила: "Суд идёт!" Все встали. В зал вошли женщина и двое мужчин. Высокая стройная женщина по фамилии Тютина, была судьёй, а мужчины-народные заседатели. На лице этой женщины можно было прочесть скорее интерес к любовным интригам, чем к политическому процессу. Никого из родственников и посторонних лиц в зал не пустили.

Пока выполнялись всякие формальности, мы в ожидании сильно волновались и часто просились в туалет, а по дороге лишний раз старались увидеть своих близких. Конвою это надоело и нам пытались отказать в этом. Винер среагировал на это по-своему. Повернувшись к стенке, он стал расстегивать брюки. Тогда начальник конвоя распорядился нам больше в этом не препятствовать. Судья Тютина выступила, как по заученной роли. В течение всех трех дней процесса она каждому из нас зачитывала пункты обвинения и спрашивала каждого, признаём ли мы себя виновными.

В ответ звучало: "нет". В действительности суд вёл прокурор, а не судья. Он с самого начала предупредил свидетелей, чтобы они не отказывались от показаний, данных на следствии. Однако два свидетеля по делу Винера отказались от их прежних показаний и заявили, что подписали всё под угрозой. Белов вскочил с места и закричал на свидетелей: "Вас нужно посадить на скамью рядом с преступниками и судить за клевету на Советские органы безопасности!"

Два простых русских мужика, ошеломлённые надвигающейся опасностью и испугавшись, встали, и опустив головы заявили, что согласны

подтвердить всё, что от них требовали. Какой затравленный народ, подумал я, глядя на этих двоих запуганных людей. Судья Тютин не проявляла большого интереса к происходившему под её председательством процессу, много курила, переговаривалась с так называемыми народными заседателями и зевала. После ответа на заданный мне вопрос, я попросил разрешения суда, чтобы мне дали бумагу и карандаш, но мне отказали.

Тогда я заявил, что больше не буду отвечать на вопросы, напомнив, что я имею на это право. Белов бросил реплику о том, что я имею право молчать. Не попросив разрешения, я встал и сказал, что начинаю пользоваться этим правом. Тютин крикнула "Садитесь!", но посоветовавшись со своими партнерами, сказала, что завтра мне дадут бумагу и карандаш. От меня хотели получить показания о деятельности Винера, а я заявил, что Винер политикой не интересовался. Я сказал, что он был занят своей семьей, развлечениями и любил вкусно поесть. При всём его желании, он не мог высказывать то, что ему приписывают.

Белов прервал меня криком, сказав, что суду не нужна моя защита Винера. Я должен рассказать о его преступной деятельности. Я ещё надеялся как-то облегчить судьбу Винера, но всё было уже заранее предрешено, как и о моей судьбе. Видимо, я был ещё достаточно наивен в оценке действительности. К ответам свидетелей мы оба были безразличны, а грубые измышления Шпербера вызывали одновременно смех и злобу. Он выступал, как опытный провокатор с хорошо выученной ложью. Мой защитник выступал, словно обвинитель.

Я заметил ему, что моя жена продала своё единственное пальто, чтобы заплатить ему за защиту, а он действует мне во вред. Он недовольно улыбнулся, но перестал выступать в роли прокурора. Все свидетели и охранники не могли понять, как это два жалких еврея решили противостоять могучей власти, из-за какой-то непонятной им дискриминации и антисемитизма. После вскрытия конверта с так называемыми вещественными доказательствами с печатными и рукописными записями на русском и еврейском языках, были зачитаны некоторые из них. В 17 часов закончился первый день спектакля, называемого судом.

Когда нас выводили к "воронку", поблизости стояли наши близкие и толпа любопытных. Конвой хотел быстрее посадить нас в машину и один из них подтолкнул Винера. Размахнувшись, Винер хотел ответить охраннику, но вовремя остановился, увидев направленные на него автоматы и штыки. Начался второй день спектакля, называемого судом. С самого начала почувствовалось более спокойное отношение конвоя. Охранявший меня часовой, улыбаясь сказал, что теперь он уже знает, кто мы такие.

Им рассказали о нашем деле и о том, что мы "бундовцы". В перерыве ко мне подошел начальник конвоя и сказал: "Я вижу, что вы обыкновенные люди и будь моя воля, я отвез бы вас по домам, а не в тюрьму." Началось выступление Белова. Он охарактеризовал нашу "подрывную" деятельность, как самое тяжкое преступление против Советской власти. Он пытался доказать, что у нас не было оснований заниматься такой деятельностью. Белов был политически безграмотен и повторял заученные фразы о равноправии граждан и тому подобную чушь.

Он оправдывал закрытие еврейских культурных учреждений тем, что евреи больше не нуждаются в этом, а кто не может без этого обойтись, пусть едет в Биробиджан, где имеется всё, связанное с еврейской культурой. Он упирал на то, что Гринвальд и Винер не поехали туда, а здесь, в самом центре Социалистического государства занимаются националистической пропагандой и распространяют клевету на Советское государство. Он говорил также о моей преступной деятельности, заключающейся в том, что я купил мощный радиоприёмник, не имея приличных кальсон.

В этом, нужно признать, он был прав, так как кальсоны действительно трудно было достать. Указывая на меня рукой он говорил: "Не думайте, что перед вами здесь сидит простой рабочий; под этой личиной скрывается опасный преступник-антисоветчик. Его социальное происхождение нам не совсем ещё ясно." После этих слов Винер дотронулся до меня и шёпотом по-еврейски сказал: "Ты видишь, он тянет нас, не иначе, как на расстрел. Смотри, его лицо налилось кровью, как у бандита."

Я ответил: «Это верно. Но он свою карьеру так гладко не закончит. Его друзья прикажут повесить его без суда, а потом их повесят их друзья, и так будет продолжаться, пока им не надоест вся эта благодать и они покончат с завоёванным счастьем.» Далее Белов говорил о Винере. Он сказал, что Винер с пренебрежением отзывался о великом вожде, оскорбляя память, хранимую нашим народом и народами всего мира. После Белова выступил Керимов – защитник Винера. Он восхвалял Советскую власть, цитируя слова пресловутого Вышинского.

Когда он дошел до того пункта обвинения, в котором говорилось о восхвалении Винером иностранной техники, он сказал, что весь мир признаёт приоритет Советской техники и слова Винера не могут изменить это мнение. Керимов говорил очень долго, его речь, наверно, была одобрена органами, однако трудно было понять, желает ли он смягчить наказание своему подзащитному. Выступление моего защитника слушалось на третий день суда и длилось всего несколько минут. Он сказал, что я совершил тяжкие преступления, но просил учесть мою добросовестную работу в прошлом и хорошие характеристики с моей работы, в настоящем.

Он сказал, что смягчение наказания будет воспринято, как гуманный поступок Советского правосудия. На третий день судебной инсценировки, подсудимым было предоставлено последнее слово. Первым говорил Винер Авраам. До этого дня я не думал, что он способен на такую серьезную, юридически обоснованную речь. Он доказывал свою невиновность и, обратившись к судьям, призвал их быть гуманными, как подобает такому высокому органу, в такой свободной стране, как СССР. Тютина и ее “народные” заседатели с полным безразличием слушали это выступление.

Следующее слово предоставили мне и предупредили, чтобы я был краток и не отвлекался. Я сказал, что большая часть обвинений основана на ложных показаниях свидетеля, руководствовавшегося личной мстью и низменными чувствами. Я признался только в том, о чем имелись вещественные доказательства и объяснял свои поступки, как противодействие нарушению закона. Такая деятельность не должна

считаться преступлением, опасным для такого сильного, демократического государства, как СССР. Поэтому меня не следует содержать под стражей. После этого суд ушел на совещание.

Для церемонии зачитания приговора открыли двери большого зала областного суда. Здесь не было стульев или скамеек. Зал быстро заполнился жадной до зрелищ публикой. Там же были наши родные во главе со стариком Нахумом Лембергом. Старик пристально смотрел на нас. Он в последний раз видел своего зятя, а мы-этого славного старика. Нас больше всего волновала судьба наших близких. Они всё ещё надеялись на сколько-нибудь положительный исход дела, поскольку приговор о нашем долголетнем заключении означал, что мы разлучаемся навсегда.

Глядя на них, мы думали об ожидающих их несчастьях и жалком существовании. Мы чувствовали себя виновными перед ними, ни не перед судом и ни перед обществом. Публика в зале состояла преимущественно из русской интеллигенции, а евреев, кроме наших родственников, больше не было. Органы позаботились, чтобы этот процесс получил широкую огласку, дабы продемонстрировать, что органы МГБ Куйбышева не ошибаются и не скрывают своей деятельности. Вот почему двери суда были широко открыты, а зал был переполнен.

Наконец прозвучало: "Встать, суд идёт!" Тонким резким голосом, Тютина начала читать приговор по делу 1714 Гринвальда А.А и Винера А.Ш, обвиняемых по ст. 58-10. ч.2 уголовного кодекса РСФСР. В приговоре говорилось, что в ходе суда установлено, что подсудимые в течение долгого времени занимались антигосударственной националистической деятельностью, вели антисоветскую пропаганду, основанную на передачах радиостанций "Голос Америки" и "Голос Израиля", восхваляли враждебных Советскому Союзу сионистских лидеров Герцеля, Жаботинского, Вейцмана, Бен-Гуриона и других.

Перечисление стран и имён лидеров послужило одним из оснований для Верховного суда, чтобы вернуть дело для вторичного рассмотрения в областном суде, но в другом составе. В приговоре было сказано, что

изъятые вещественные доказательства подтвердили, что Гринвальд сохранял, размножал и распространял клеветническую литературу, извращал действительность, клеветал на страны народной демократии и критиковал суд над предателем Р.Сланским, призывал к выезду евреев из СССР в Израиль.

Приговор был на трёх печатных листах и в конце говорилось, что всё это нашло подтверждение в вещественных доказательствах и показаниях свидетелей. Для нас это обвинение не было неожиданным, но для всех присутствовавших в зале он прозвучал, как гром среди ясного неба. Многие люди были испуганы, смотрели на нас и слушали приговор с удивлением и жалостью к нам. Тютина резко крикнула; «Суд постановил признать Гринвальда А.А. и Винера А.Ш. виновными по всем пунктам обвинения и приговорить каждого к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества, последующим лишением прав и высылкой в отдалённые районы СССР на пять лет».

Тютина спросила у каждого из нас, понятен ли нам приговор. Получив от нас утвердительный ответ, она объявила, что судебное разбирательство по делу 1714 закончено и приговор может быть обжалован. Быстро удалили из зала, а тех, кто пытался задержаться и хотел лишний раз взглянуть на нас, солдаты грубо вытолкали.

Родные успели крикнуть нам: «Держитесь, будем хлопотать дальше, будем писать жалобы!» Еврейская шутка гласит: «На второй день в гробу, как дома» На второй день меня спросили, хочу ли я обжаловать приговор. Голова ещё не соображала, а цифры десять и пять всё кружились в мыслях. Я взял принесённые бумагу и ручку и с безразличием написал жалобу о том, что вынесенный приговор не соответствует обвинению, тем более, что часть обвинений несправедлива и недоказана. Много дней меня продолжали держать в одиночке.

Я знал, что самых тяжких преступников не держат после суда в такой строгой изоляции и разрешают свидание с близкими. Я протестовал, требовал свидания с близкими, требовал перевода в общую камеру.

Тогда ко мне подселили человека, тоже осуждённого. Его сразу можно было принять за интеллигента. Он был худой, измученный, видно ему тоже досталось немало. Он относился ко мне с предубеждением, был неразговорчив. Я рассказал ему о себе. Когда я назвал свой срок, он горестно улыбнулся.

Судьба свела меня с человеком, который произвёл на меня незабываемое впечатление. Звали его Иван Иванович Осин. Вскоре мы сблизились. Он был не только образованным, но обладал всеми лучшими качествами, какими может быть наделён человек. Такого сломить и покорить невозможно. Он не удивился, узнав о моем сроке. Он сам был осужден на 25 лет заключения в закрытой тюрьме без права на обжалование. Иван Иванович в свое время был комсомольцем и верил, что партия Сталина-это святыня, которой надо посвятить всю свою жизнь.

Он добровольно пошел в армию и работал как техник – строитель в Брестской крепости на военно-строительных работах. Раненый, с последними защитниками крепости, он попал в плен и был помещен в известный Бело-Полянский лагерь. Там под открытым небом, почти без пищи и воды, немцы содержали десятки Советских военнопленных. Во время массового побега, ему, как немногим, удалось спрятаться в лесах Белоруссии и попасть к партизанам. После освобождения этих районов, он опять воевал в рядах Советской армии в ранге младшего лейтенанта.

После демобилизации, он женился и работал геодезистом, а затем его направили работать на строительство Куйбышевской ГЭС. Не так он себе представлял первую "Стройку Коммунизма". На Родине он увидел новый мир-мир рабства и неволи, мир издевательств над беззащитным народом. Перед ним открылась картина громадного концлагеря, простирающегося на сотни километров, огороженного забором с колючей проволокой со сторожевыми вышками. В лагерях содержались в нечеловеческих условиях сотни тысяч людей, превращенных в рабов.

Среди заключённых происходили убийства из-за кусочка хлеба, за более удобное место на нарах. Всё это происходило не в плену, а на Родине. Этот человек не мог безразлично наблюдать, как беззащитные женщины

и мужчины безропотно сносили издевательства. Он решил проводить разъяснительную работу среди заключённых, вместе с которыми работал. Однажды, не выдержав, он совершил неблагоразумный поступок. В один из обеденных перерывов, он стал разъяснять заключённым, кто является истинным виновником тяжелого положения народа и призвал их свергнуть преступную партию и кровавый режим.

Он сказал, что русский народ проснётся и воздаст всем по заслугам. В железной клетке провезут по всей стране великого палача и его сообщников, чтобы показать народу чудовище. Услышав такую речь, заключённые попытались спрятать его, но тут же прибыл "воронок" с усиленным конвоем, его запихнули в машину и увезли. Об этом событии рассказывали люди, которые присутствовали при этом и от которых я это слышал. Его везли более ста километров в "кармане воронка." Тот, кто испытал на себе такую поездку, может понять, какая это пытка. Чтобы довести его живым в Куйбышев, его периодически вытаскивали из машины и обливали водой.

Первые его показания ошеломили следователей. Он ничего не отрицал и всё называл своими именами. Такое слушать им ещё не приходилось. Его послали на исследование в психиатрическую больницу "Тимашево", где после шести недель неслыханных исследований, его признали вменяемым. Он обладал сильным духом и не сошел с ума, как другие в подобных случаях. Он не просил пощады; у него была несгибаемая воля и сильный характер. Когда к нам в камеру заходил начальник тюрьмы Кузнецов, он продолжал сидеть.

Кузнецов спрашивал его, почему он не встаёт и не приветствует его. Осин ответил, что здоровья Кузнецову не желает и кривить душой не хочет. На это начальник сказал, что тюремные власти обладают достаточной силой, чтобы сломить его упорство. В ответ ему Осин сказал, что эта сила не вечная, а смутное время в России рано или поздно пройдет и насильники будут наказаны народом; тогда уже не удержать русскую душу и столбов в России для вас не хватит.

Я был встревожен и испугался последствий этого разговора, но Кузнецов предпочел не реагировать на это высказывание и только спросил на

сколько лет он осуждён и обжаловал ли приговор. Ответ был: "Четвертная и как еретик, я бесправен перед инквизицией." Кузнецов после этого разговора ушел и охрана закрыла нашу дверь. Назавтра я объявил голодовку, пока мне не предоставят свидание наравне с другими осуждёнными. Мне дали бумагу и ручку и я написал об этом. Начальник тюрьмы, к которому меня привели, пытался убедить меня в бессмысленности голодовки, которая не даст мне желаемых результатов и считается антисоветской демонстрацией.

Он советовал мне не делать этого и не брать пример с потерянного, как он выразился, Осина. Его уговоры на меня не подействовали. Тогда меня поместили в так называемый "бокс", приказали раздеться и я остался в трусах и майке. Камера-бокс была маленькой с высоким потолком и очень ярким освещением. Это освещение заставило меня закрыть глаза. Затем, сняв майку, я загородил глаза от света. Тогда у меня забрали майку, а затем и трусы. Я остался совсем голым и закрыться было нечем. Ко времени отбоя в камеру принесли деревянный щит и вместо того, чтобы лечь на него, я пытался им укрыться. Тогда забрали щит и я, голый, лежал на голом цементном полу лицом вниз.

Однако, не было предела гуманности Советских органов. В камеру регулярно приносили еду и уносили прежнюю, нетронутую. На четвёртый день у меня сильно поднялась температура; временами я терял сознание; я лежал весь в поту и страдал от жажды и страшной жары. Я просил дать мне пить, но мне сказали, что голодающему нельзя пить. Забота о человеке проявлялась на каждом шагу. Пришла врач, проверила пульс и уговаривала меня прекратить голодовку, подчеркивая, что она даёт такой совет, как врач.

Я напомнил ей, что она не столько врач, сколько работник МГБ. Продолжая разговор со мной, она предупредила, что если я буду отказываться от пищи, то меня будут кормить насильно. На шестой день голодовки, ночью, я часто просыпался, приходил в сознание и просил вернуть мне одежду. А в это время за дверьми дежурный кому-то громко говорил, что наверно скоро придётся составлять акт о смерти, имея в виду меня.

Утром шестого дня мне принесли одежду, помогли одеться и повели к начальнику тюрьмы. Там уже находился Белов и они оба стали говорить мне о бессмысленности голодовки, которая лишней раз подтверждает, что я остаюсь верным своим антисоветским убеждениям. Они сообщили, что Верховный суд вернул дело на доследование и вторичное рассмотрение дела областным судом состоится в другом составе. Они сказали, что имеет место смягчение международного положения и это скажется на внутренней жизни страны.

Кузнецов перешел к угрозам и объяснил, что при худшем исходе голодовки будет составлен соответствующий акт и никто ничего не узнает о трагическом финале. На это я сказал, что понимаю, что я не в Турции, где из-за голодовки освободили коммуниста Назыма Хикмета. Однако Кузнецов продолжал настаивать на своём, сказав: "Подумайте о своей жене; завтра она придёт с передачей, а ей скажут "нету". Она станет искать Вас и никто ей ничего не ответит. Здесь он попал на больное место и я задумался о том, что важнее? Чувство жалости к беспомощной семье взяло верх и я прекратил голодовку.

Меня вернули в камеру, где находился Осин. Он очень тепло встретил меня, уложил и мокрой тряпкой протер всё тело, а затем кормил из ложечки, как ребёнка. Он говорил: "Это же сородичи Гитлера; вот что они способны сделать с человеком. Ни бог, ни народ им не простит, нет оправдания этим зверям. Этот робкий на вид человек, показался мне великаном. Два дня Иван Иванович ухаживал за мной, пока меня не позвали к кормушке и сказали, чтобы собирался с вещами. Человек не знает куда его повезут, на север или на восток и что его там ожидает.

Я тяжело переживал расставание с Осиним. Даже находясь уже в лагерях, я слышал рассказы об этом бесстрашном защитнике человеческого достоинства. Теперь опять надо было набирать силы и стойкость, чтобы выдержать всё, что мне предстояло-следствия, суды и разные испытания. Опять "воронки", пересылки, столыпинские вагоны, лагеря, каторжный труд на севере или востоке страны. Все это невозможно себе представить, имея даже очень богатую фантазию, настолько сложной была действительная жизнь.

То, что Верховный суд не утвердил приговор, а вернул дело на дознание и вторичное рассмотрение, являлось пощечиной органам МГБ Куйбышева. Мотивировка возвращения дела свидетельствовала о том, что приговор был составлен неграмотно. Это позволяло надеяться на то, что власти впервые стали вмешиваться и контролировать работу МГБ. Было указано, что изъятые рукописи и материалы должны были быть проверены специалистами-экспертами.

Это решение было принято, повидимому, под влиянием факта ареста Берии. В ночь ареста Берии, в Куйбышеве был арестован генерал Гвишиани. Исчезли Тимофеев, Тартаковский и другие, принимавшие участие в рассмотрении нашего дела. Стало известно, что этими делами занялся штаб Приволжского военного округа. Все эти события мне не были точно известны, но я всё-таки догадывался, что что-то происходит. Вдруг изменилось отношение к нам надзор – состава, а также качество пищи, участился вывод на прогулки.

Чувствовалась нервозность среди сотрудников аппарата. Начальника тюрьмы Кузнецова перевели на работу в качестве директора областного Госбанка. Его место занял майор артиллерии. Органы получили "нового" начальника, бывшего заместителя Гвишиани, полковника Кремлева. Его заместителем стал присланный из Москвы работник ЦК. Об аресте Берии я узнал от помещенного в мою камеру человека. Его привезли с Чукотки в Куйбышев для "добавки". Он свои пятнадцать лет отработал за то, что оказался в плену. Отпускать его на свободу видно было жалко, уж слишком крепким оказался.

По дороге в Куйбышев он узнал, что Берию посадили. Не верилось, что этого полача постигла участь его жертв. Его волокли по тем самым подвальным коридорам, по которым он раньше гордо прохаживался. Берия сгинул и многие человеческие жизни были спасены, в том числе и моя. Несмотря на все перемены, наше следствие велось по-старому. Без нашего участия дело подготавливалось к повторному слушанию в суде. Тюремные условия не изменились. Я потерял счёт дням, которые казались бесконечными. Как обычно в эту пору, в Среднем Поволжье стояла жаркая погода с суховеями.

В один из таких жарких дней июля, с явно издевательской целью, в одну камеру на верхнем этаже под крышей согнали по пять-семь и более человек. Я вдруг оказался в большом "обществе", чему был очень рад. Однако вскоре жара и духота в камере стала невыносимой, дышать было нечем. Первый обморок случился с Иваном Владимировичем Костиным-бывшим узником Освенцима. Он был осуждён за недоверие к Советской печати на десять лет. Он ходил по камере, прикрывая рот и нос мокрым платком. Он сказал, что не может переносить запах сероводорода.

Этого человека-корреспондента местной газеты – было очень жаль, но никто не мог ему помочь; все мы дышали этим воздухом. Ночью из других камер были слышны крики из-за того, что люди задохались. Я узнал громкий голос Авраама. Он кричал: "Гестапо, фашисты, гитлеровцы." Его посадили на три дня в карцер. Пот лился ручьем; мы все были раздеты догола. Мы потребовали врача и когда она пришла, через "кормушку" мы показали ей, что даже спичка не горит – так мало было в камере кислорода. Она на это не среагировала и сказала, что ожидается изменение погоды и скоро наступит похолодание.

В моей камере находились также бывшие солдаты, пережившие ужасы гитлеровских лагерей. Здесь же находились и те, которые издевались над людьми в этих же лагерях и участвовали в массовых расстрелах еврейского населения на Украине. Когда я на очередном допросе рассказал об этом, меня в качестве наказания, посадили в камеру, где содержались три бандита, осужденных за грабёж и убийство. Один из них потребовал, чтобы я поменялся с ним сапогами, но я отказался. Тогда они, посоветовавшись, предложили мне "сделку", совершенно неожиданную. "Расскажи нам роман, но чтобы было интересно".

Задача была не из легких. Я вспомнил свою религиозную маму, которой очень хотелось, чтобы ее сын изучал Тору. Она говорила: "Сын мой, учи Тору, она пригодится тебе в жизни. Даже сам, если не станешь верующим, это знание тебе пригодится". Я понял, что я должен делать. Я сказал: "Вы уже знаете от меня, что я – еврей. Вы знаете также, что это слово означает – жид. Я хочу рассказать вам историю этого, то есть моего, народа." Про себя я подумал: неужели мне удастся спастись от этих зверей, к которым меня посадили с ясной целью.

Я начал от Адама и Евы. Я рассказал им о потопе, Аврааме, Исааке, Иакове и об Иосифе Прекрасном. Они лежали вокруг меня и требовали, чтобы я не останавливался. Они сидели, притихнув, как дети, прислушиваясь к каждому моему слову. В течение нескольких дней я продолжал рассказывать им прекрасные библейские легенды о Моисее, Давиде, Соломоне Премудром и о победе восставших Макавеев. Рассказал им также о покорении римлянами страны Иудеи и о появлении новой религии – христианства. Наконец я дошел до рассказа о возрождении еврейского государства – Израиль.

Всё время, пока я рассказывал, меня угощали всякими деликатесами, которые эти преступные сынки своих обеспеченных родителей получали в передачах. Я был очень удивлен тем, с каким интересом они слушали меня и готовы были отдать все, что у них было, только бы я продолжал рассказ. Вот так я остался жив в этой, казалось бы, безнадежной обстановке. Это не отвечало планам авторов этой акции. Прощаясь со мной, эти уголовники дали мне много еды, сказав, что жалеют, что я ухожу.

После этого меня три недели продержали в камере-одиночке, а потом подсаляли к кому – нибудь. Несколько дней я сидел с освобожденными из Бухенвальда бывшим офицером – украинцем по фамилии Нор и белоруссом, тоже офицером. Потом к нам поместили ещё офицера гестапо Бриля. Мы знали друг о друге понаслышке. Как только за мной закрылись двери камеры, я спросил: "Здесь случайно приветствуют не словом Хайль?". Нор сразу воскликнул: "Это Лешка!" Бриль молчал, т. к. это было его привычное слово, когда он орудовал в местечках Белоруссии. Он начал хвастливо рассказывать о своем участии в антиеврейских акциях.

В отличие от высокого, красивого Нора, Бриль был небольшого роста, некрасивым, невзрачным. Услышав его гнусное бахвальство, я заявил, что предпочитаю решать споры на эту тему физическим способом. Он сразу замолчал, зная, что у него нет шансов и он рискует опозориться. Нор улыбнулся, так как ему нравилось всякое проявление смелости. Органы МГБ в своей обычной практике не отделяли убийц от своих

жертв, а специально содержали всех вместе для морального давления на заключённых. Для узника-еврея это имело особое значение и вызывало у него глубокое отвращение к таким сокамерникам.

Органы МГБ предпочитали иметь дело с карателями и гестаповцами, служившими у гитлеровцев, нежели с простыми мужиками, недовольными Советской властью-на них нажим был намного сильнее. Можно себе представить, какое чувство было у Нора. Он, офицер Советской Армии, предпочёл Бухенвальд, но не нарушил присягу и не стал служить врагу. Теперь ему пришлось сидеть в одной камере с гестаповцем. У Советской власти был свой подход к этому вопросу. Ей были нужны рабы и органы МГБ были поставщиками этого товара – дармовой рабочей силы, притом в большом количестве.

В последнее время, около десяти дней, мне пришлось сидеть вместе с полковником Советской Армии Мельник-Глазовицким, который был ярким представителем Советской действительности. Он был родом из Винницкой области, поляк по национальности. Его родители активно участвовали в захвате власти во время большевистского переворота. Сам он в семнадцатилетнем возрасте добровольно пошел в армию. Война застала его на Румынской границе у реки Прут. Тогда он был в чине лейтенанта. Его часть принадлежала арьергарду и прикрывала отступление армии. Отступая последними, они уничтожали всё на своём пути, чтобы ничего не досталось врагу.

Он лично раздавал скот и урожай крестьянам. Так, боями он отступал до Сталинграда, а оттуда начал свой путь до Берлина. Он был несколько раз ранен. После одного из серьезных ранений в легкие он убежал из госпиталя обратно в часть. Завершил он свой поход в Берлине в чине подполковника. При аресте у него были изъяты пистолет, восемь орденов и много медалей. Мне довелось читать документ с перечнем изъятых у него вещей. Его арестовали в конце 1952 года, когда он работал в Приволжском военном округе в чине полковника. Его обвинили в клевете на Советскую власть и колхозную действительность.

Это был высокий, широкоплечий человек с военной выправкой. Его мундир без пуговиц и знаков отличия уже разлезался от частых

прожарок, но всё же он старался не терять вид бравого офицера. Его преступление состояло в следующем. Когда он приехал в отпуск на Украину, там он застал семью своей сестры в очень тяжелом, плачевном состоянии. Её муж погиб на фронте, а она осталась с двумя детьми и всё же, будучи инвалидом, почти слепой, работала в колхозе чтобы как-то просуществовать. За три года работы колхоз не заплатил колхозникам ни грамма хлеба и семья погибшего фронтовика погибала от голода. Находясь там, он старался помочь им всем, чем только мог. Он отремонтировал им хату и купил всё необходимое для хозяйства.

Когда он приехал домой, то поделился своими впечатлениями с другом, после чего его разбирали на партийном бюро. Тогда он поехал в Москву и был принят одним из секретарей ЦК. Тот посоветовал ему возвращаться домой. Придя на работу в штаб, он не успел раздеться, как его пригласили в кабинет командующего. Там его ждали офицеры особого отдела и под дулами пистолетов приказали следовать за ними. Суд принял во внимание его заслуги перед Родиной и сделал снисхождение, приговорив к лишению свободы "всего лишь" на семь лет. В приговоре, который я читал, было сказано, что Мельник-Глазовицкий использовал временные затруднения в работе колхоза для клеветы на колхозную действительность.

Мне пришлось видеть, как этот сильный человек, который участвовал в тяжелых боях и много выдержал, плакал горькими слезами, когда перед уходом на этап ему разрешили написать письмо своей жене. Я был поражен тем, что такие люди, как он, закалённые в тяжелых боях на фронте, способны плакать, как дети. Мне было обидно за то, что ему и многим таким людям пришлось испить горькую чашу. Но она отрезвила его ум и открыла глаза. Этот мужественный человек сначала боялся слушать меня о том, что не отдельные люди виноваты в том, что происходило, а виновата государственная структура, которая избрала методом управления неслыханные способы угнетения своего народа с целью укрепления власти над ним.

Но несмотря на некоторую недоверчивость к моим словам, наши беседы сделали определённый сдвиг во взглядах этого человека. Перед расставанием он прижал меня к себе и сказал, что теперь яснее видит и понимает ситуацию, созданную в стране. Если раньше он со злобой

смотрел на колонны заключённых, которых вели по улицам города, как преступников, то теперь он видит их такими же, как он сам, то есть невинно пострадавшими людьми. Тем, кто после тяжелых испытаний был способен правильно оценить ситуацию, было очень тяжело.

Таким людям приходилось переносить не только физические лишения, но и испытать глубокое душевное потрясение, поскольку рушилась вера в то, что считалось незыблемым, во что верили, на чём были воспитаны и к чему были приучены с самого детства. Было очень обидно оказаться у "разбитого корыта", увидеть изуродованную человеческую мораль и жизни людей и понять, что сами были идолопоклонниками. У Мельник-Глазовицкого появился новый взгляд на то, что происходит на его любимой Родине. Перед уходом он сказал: "Спасибо Абрамович, Вы помогли мне во многом разобраться и всё увидеть по-другому – в этом Ваша большая заслуга.

При вторичном подписании бланка 206, я особенно не углублялся в чтение дополненного дела, а только остановился на некоторых новых документах. Один такой документ, на который я обратил внимание, была справка областного литературного отдела Куйбышева, в которой было сказано, что Перец-Маркиш признан буржуазным националистом и все его издания изъяты и сожжены. Я удивился, что официальная справка может быть так написана. По-видимому, тот, кто её писал, был уверен, что она предназначена только для органов и никто больше её не увидит. Феоктистов, конечно, не отличал И. Л. Переца от Переца-Маркиша и на моё замечание о том, что Вы опять здесь напутали, он недовольно заглянул в эту справку и сказал, что здесь всё ясно написано, что все издания Переца – Маркиша изъяты и сожжены.

(Примечание редакторов: Перец Ицхок Лейбуш – 1851-1915 – еврейский писатель. Жил в Польше. Маркиш Перец Давидович – 1895-1952 – еврейский писатель. Член КПСС с 1942г.) Спорить с ним было бесполезно, но это был подходящий момент, чтобы отомстить ему за сожжение фотографий и открыток моих близких. Я громко сказал, что для меня это новость, что в СССР на кострах сжигают книги. До сих пор я знал, что в СССР сжигают только фотокарточки родственников осуждённых, их письма и открытки из гитлеровского плена-гетто Лодзь, однако если Феоктистов утверждает, что сжигают книги, то я сказал, что

должен ему верить. После доследования и добавления документов к делу № 1714, оно стало ещё объёмистее.

28 сентября 1953 года нас без предупреждения снова повезли в областной суд и привели прямо в кабинет председателя суда Пузанова. Он сам взялся за это дело. Сам Пузанов и новый обвинитель, обвешанные орденами на сверкающих мундирах, уже находились в кабинете. Они не обратили ни малейшего внимания на привезенный новый "товар" под названием "подсудимые". Начался новый судебный спектакль. Старый волк Пузанов знал как вести суд по всем правилам Советской "демократии". Нас спросили, имеем ли мы ходатайства, замечания или возражения по поводу состава суда. Я встал и заявил, что ходатайствую о том, чтобы не допускать в качестве свидетеля человека с темным прошлым. Я считаю, что его присутствие на суде оскорбляет нас подсудимых и, я думаю, и всех, участвующих в этом процессе.

Прокурор резко возразил и, естественно, суд согласился с его мнением. Сразу было видно, что Пузанов – это не Тютин; он не даст нам высказаться и задавать необходимые вопросы. Он постоянно произносил: "Снимаю вопрос, садитесь! Суд отклоняет". На следующий день суду был с соответствующей церемонией представлен эксперт. Именно он должен был определить что и в какой степени является антисоветским документом в изъятых у меня бумагах. Эксперт представился суду как Калабин Яков Федорович. Были перечислены его звания: кандидат философских наук, заведующий кафедрой Марксизма-Ленинизма при Высшем партийном училище и член Общества по распространению научных и политических знаний.

По просьбе Пузанова, он зачитал длинный список своих научных трудов. Затем он перешел к делу. Он сказал, что в моих документах имеются тексты антисоветского содержания и зачитал отдельные выдержки, выдернутые из контекста. Мне не дали возразить, а Калабин с пафосом приводил официальные данные о количестве евреев, получивших звание Героя Советского Союза и занимаемом ими месте в процентном отношении по сравнению с другими национальностями. Он заявил, что здесь не Америка, где господствует расизм и абсолютная нищета; в СССР нет дискриминации народов и создана счастливая жизнь для всех трудящихся.

Когда разрешили задавать вопросы эксперту, я спросил его, считает ли он, что материалы, с которыми он ознакомился, свидетельствуют о преступлениях и знает ли он, что такое заключение будет означать, что мои дети останутся сиротами? Я спросил также, знает ли эксперт, что сведения о евреях-Героях Советского Союза знают немногие и в разных местах можно было слышать, что все эти награды евреи купили на рынке. Пузанов крикнул: "Садитесь, это не вопрос, а выступление". Эксперт всё же ответил, что не он решает вопрос о преступности, а суд.

Моим новым защитником был симпатичный старичок с благородным лицом по фамилии Прокофьев. Для меня была большой неожиданностью его смелая защитительная речь. Это могло свидетельствовать о том, что за окружавшими нас стенами что-то изменилось к лучшему. В частности он сказал: "Гринвальд заявляет, что любит свой народ и было бы странно, если это было бы иначе. Это не противоречит Конституции СССР и законом не запрещено. Возможно, что Гринвальд допустил ошибки в своих взглядах на некоторые вопросы, но товарищи судьи, мы с Вами являемся свидетелями важных перемен, которые мы не могли предвидеть и не в состоянии были объяснить, а мой подзащитный понял эти перемены по-своему в связи с известными нам всем причинами.

Однако, совершенно ясно, что это не было связано с преступными замыслами, а лишь являлось результатом определённых событий." Пузанов резко прервал его речь, сказав: "Подумайте, что Вы говорите, товарищ адвокат?" Старик смело ответил: "Товарищ председатель, как видите, я не мальчик, и прежде, чем произносить речь, я её обдумываю, и на сей раз я не лелал исключения." Громким голосом он закончил речь, сказав, что нет никакого оправдания, чтобы содержать под стражей человека, убеждения которого сложились на основе событий, которые теперь официально и публично осуждаются.

Далее он сказал, что просит суд аннулировать все обвинения против Гринвальда и освободить его из под стражи. Когда Прокофьев закончил свою речь, я заметил, что у него тряслись руки и он с трудом собирает свои бумаги. Я был очень рад тому, что есть ещё люди, для которых совесть значит больше, чем их собственное благополучие. Старик

Прокофьев был одним из таких людей. Я боялся за него и не протянул старику руку, чтобы поблагодарить его за произнесенную речь, только низко ему поклонился. Он ответил мне тем же.

Мне хотелось тогда крикнуть: "Слава смелому человеку!". Защитником Винера был тот же Киримов, не совсем убеждённый коммунист. Когда спустя пять лет, он встретил своего бывшего клиента на улице и узнал, что он уезжает в Польшу, он огляделся вокруг и тихо сказал: "Скорее уезжайте, как можно скорее. До свидания!".

К концу третьего дня был зачитан приговор, на этот раз хорошо отредактированный, но вывод остался прежним. При зачитании приговора разрешили присутствовать близким родственникам. Их надежды на облегчение приговоров не оправдались. В самом конце заседания произошел небольшой инцидент. Я хотел подойти к Винеру, чтобы что-то сказать ему. Один из конвойных остановил меня, направив на меня винтовку. Я задрал майку и коснулся грудью острия штыка, закричав: "Давай проткни! Это ваша работа, вам не привыкать! Чего ждете?" Солдат отпрянул, а Пузанов, как ни в чем ни бывало, вышел из помещения.

Нас быстро, через боковые двери, где никого не было, вывели к "воронку". В ноябре пришло подтверждение приговора Верховным Судом. Конфискация имущества была исключена. Видимо им не хотелось возиться с нашим скудным имуществом. Тюремные власти разрешили нам свидание с родными. За два дня до отправки из внутренней тюрьмы, каждого из нас завели в кабинет 81, где меня ожидала жена. Предварительно нас предупредили, что говорить мы должны только на русском языке.

Тяжело было видеть жену, обреченную на горе и лишения по моей вине. Ведь это я принес ей столько страданий. Почти два часа мы побыли вместе, молчали и только пытались успокаивать друг друга, хотя знали, что это бесполезно. Я успел предупредить ее о том, с кем ей можно, а с кем нельзя общаться. Прощаясь, я сказал, что со мной всё может случиться, но пока я жив, будет жить и надежда. Перед отъездом нас с Винером отвели в баню и после коротких сборов перевезли в

пересыльную тюрьму У. Р. 65./12. Она располагалась ближе к центру и занимала огромную территорию.

Это были длинные одноэтажные каменные здания с большими камерами внутри. В каждую камеру помещали по двести и более заключённых. Двухъярусные нары были сколочены из толстых брусьев; две большие бочки служили парашами. Никакой режим не соблюдался. День и ночь стоял шум и крик; играли в карты и курили гашиш. От едкого дыма и зловония нередко люди падали в обморок и я тоже. На это никто не обращал внимания. Пересыльная тюрьма-это нулевой класс в общеобразовательной системе ГУЛАГ'а. В ней человек получает начальные навыки и знакомство с лагерной жизнью.

С этим знанием человек отсюда выходит голый, босой и без куска хлеба. Первое, что здесь внушают прибывшему, что вор является почетным званием, и он ему обязан подчиняться. Обыкновенный мужик-это ничтожество, его зовут фраэр. Его можно грабить, бить и заставлять ухаживать за ворами в законе ("законниками"), которые являлись высшей кастой. Либеральные воры не отбирали у других всю передачу, а брали только ее большую часть и называли это "положенным".

Это слово было известно по всем местам заключения в России. Из-за "положенного" происходили подчас кровопролитные схватки между мужиками и уголовниками; случались и убийства. Борьба за отмену права на "положенное" была безнадежной. Доход от этого грабежа шел в карманы лагерного начальства и надзор-состава. Они заботились о том, чтобы у законников не было недостатка в наркотиках и водке. Надзиратели скупали всё награбленное и снабжали воров. Примерно в 1948 году изменилось положение в лагерях. Огромный наплыв послевоенных заключенных повлиял на обстановку в системе ГУЛАГ'а.

Прибывали сотни тысяч бывших солдат и офицеров, прошедших войну и немецкие концлагеря, власовцы, украинские националисты и другие категории. Большинство заключённых не захотели соглашаться с установившимся в лагерях "порядком" и этому произволу был дан отпор ценою многих жизней и благодаря действиям смелых, энергичных людей. Они добились, что с политзеков перестали требовать какие-либо

налоги и если это правило кто-либо пытался нарушить, то сразу получал должный отпор. Политзеки чувствовали себя почти защищёнными во всех тюрьмах и лагерях. Значение этого достижения мог оценить только тот, кто оказался в этих условиях.

Нас с Винером поместили в камеру, где находилось более двухсот человек. При первом удобном случае мы громко объявили, в чём состояло наше преступление. Это дало желаемый эффект. Нас сразу окрестили кличкой "фашисты". Таких, как мы, в камере больше не было. "Законников" в камере было всего шестеро, но они терроризировали более двухсот старых и молодых мужиков. "Законники" сидели на верхних нарах и отдавали распоряжения своим слугам-"шестеркам", кого раздеть, у кого что отобрать и сколько.

Слуги выполняли все их жестокие приказы и были объектами для гомосексуальных связей. Все приказы "законников" выполнялись открыто, без всякого стеснения. Слугами были, в основном, молодые парни, попавшие в заключение за мелкие нарушения. Они не могли вытерпеть голода и чувство незащитности привело их к такому падению. Всё это мы увидели в первый день пересылки и с горестью думали о том, что будет дальше, если это только начало.

По ночам эти типы обыскивали карманы спящих и если кто-либо сопротивлялся, то могли втихую удушить свою жертву. Остальные зеки в это время делали вид, что спят. Я предложил Винеру проявить осторожность и уничтожить копии наших приговоров, чтобы наши карманы были пустыми и не привлекали внимания бандитов, которые могли подумать, что у нас есть деньги. Винер не так чувствительно реагировал на эту обстановку. У него "чесались руки", глядя на этих мерзавцев. Он был физически сильным человеком и на него обратил внимание один коренастый мужик, который спросил его, поможет ли он ему, если нужно будет защищаться от этих бандитов. Винер сразу ответил согласием.

Так случилось, что Винера не было в камере, когда этот мужик сам постоял за себя и изуродовал одного из "шестёрок" до неузнаваемости когда тот попытался отнять у него сахар. При этом мужик приговаривал:

“Я тоже вор. В колхозе пшеницу воровал для своих детей.” Бандиты больше не подходили к этому мужику.

На пятый день Винера отправили на этап. Я тяжело переживал это, так как чувствовал себя беззащитным среди этих зверей. Когда мы были вдвоём, нас не трогали благодаря внушительному виду Винера, а теперь я заволновался, не зная что меня ждёт. Это заметил один старик, которого я заметил ещё раньше, когда я только объявился в камере. Его нельзя было не заметить. Он был высокий, стройный, с длинными бородой и волосами, причёсанными по старинному образцу.

Он был одет в чистые, белые кальсоны, без брюк; носил хромовые сапоги и жилетку от какого-то костюма. Он занимал место в углу на верхних нарах, откуда была видна вся камера. Около него было довольно много свободного места, несмотря на ужасную тесноту на других нарах. Он решал все спорные вопросы и никто не смел ему перечить. “Шестёрка” у него не было и он их ненавидел. Приказания он давал кратко и строгим тоном. Каждый считал для себя честью выполнять его приказы.

Он не подпускал к себе подхалимов и если таковые появлялись, он кричал: “Прочь шакалы!” Его называли “пахан”. Все уступали ему дорогу, когда он прохаживался по камере. Когда я остался один без Винера, он обратил на меня внимание и оказав мне большую честь, подошел ко мне и спросил: “Желаю ли я поужинать вместе с ним и попить чайку с сахаром?” В тех условиях пересылки это было, как если бы князь пригласил к своему столу нищего. От такого приглашения и такой чести невозможно было отказаться.

Под вечер я увидел, как он расстелил чистое белое полотенце и выложил на нем печенье и сухарики. Когда начали раздавать ужин, он приказал поставить мою порцию около него. Словно юноша, он соскочил с нар, подошел ко мне и сказал: “Пора браток, милости прошу” и указал мне на ужин. Он залез вслед за мной на нары, уселся по-турецки и его вышитая, длинная рубаха прикрыла верхнюю часть хромовых сапог. Старик внимательно смотрел на меня и я чувствовал, что он пронзает

меня своим взглядом. Он отодвинул мою тарелку с баландой и на её место положил сухарики и печенье.

Сначала нашего разговора он спросил: "Что же дорогой, политику узнать захотел? Болтал лишнего, аль по пьянке? Тепереча у нас не те времена, когда болтать можно. Знать надо, что и где говорить, а теперь вот такую баланду хлебать приходится." Вздохнув, он по привычке оглянулся вокруг и продолжал: "Да, помню ещё царские времена, когда к политическим сами власти относились с уважением, лучше, чем к нам. А уж мы то их очень обожали. Они за нас заступались и учили нас. Теперь всё изменилось.

Власти на стороне вот этих шакалов; наш человек желает быть подальше от вашего брата политических; нет единства между нами. Ваши не умеют отличать честного вора от этих мерзавцев, да и верно, что отличать стало трудно" Сказанные всерьёз слова "честный вор" я услышал впервые и не понял, что это значит. У меня не было необходимости скрывать за что меня посадили. Я всё рассказал старику об этом. Выслушав мою исповедь, старик глубоко вздохнул и сказал: "Поиздевались браток над тобой порядком, сукины дети, но тебя хвалю" – сказал он и протянул мне руку- " молодец, что выдержал и не дал себя испоганить.

Но знай, что и времечко тебе помогло, в другое время другая участь бы тебя постигла. Ведь мы много видели, как уничтожали вашего брата. Ваша 58-я, а всё равно, что соль им в глаза, сволоте. Не журись дружок, даст бог и этому царству придёт конец, один только Бог вечный!" До поздней ночи мы пили чай и курили крепкий самосад. Старик продолжал рассказывать, как остался мальчиком-сиротой и был втянут в воровской мир и бродяжничал по белому свету без пристанища. Рассказал он и о своей Нинушке, которая его полюбила и всегда ждала его возвращения. Она всегда принимала его после отбытия очередного срока заключения.

Теперь, по его словам, она его ждёт и надеется, что пройдут три года, он вернется и завяжет, и они заживут, как два голубя, и проживут вместе сколько им осталось жить. Про Нинушку он говорил, как влюблённый молодой парень, описывал её внешность и характер и убедительно

говорил, что любил и любит только её. Он с гордостью говорил, что никогда не участвовал в "мокром деле", всегда был человеком добрым и зачастую отдавал свои "трофеи" бездомным людям. В какой-то момент он вытер глаза большим белым платком.

Я чувствовал, что старику нужно было перед кем-нибудь излить свою душу. Возможно, что он хотел бы, чтобы вместо меня был священник, который выслушал бы его и подготовил к спокойному окончанию его бурной жизни. Так мы просидели до рассвета и я всё слушал рассказ-исповедь старика. Под конец он взял мою руку, притянул меня к себе и поцеловал в лоб. "Люблю я таких" – сказал он – "Добрые вы люди и ваша правда возьмёт, вспомнишь старика." Он ещё просил не осуждать его и сказал, что Бог милостив и простит ему грехи в прожитой жизни.

Да, бурную жизнь прожил он и теперь, заканчивая седьмой десяток, ему захотелось оценить её. Старик заверил, что здесь и в дороге меня никто не тронет. Мы разошлись по своим нарам, чувствуя уважение друг к другу. На этом закончилась встреча со стариком "честным вором". Его имя я не посмел спросить.

Через пару дней назвали фамилии шестидесяти человек, включая мою, и приказали приготовиться для отправки на этап. Один из назначенных на отправку громко объявил, что желающие побриться могут подойти к параше. Там сразу образовалась очередь и люди сами намыливали свои лица. Во время бритья многие были в крови. Было побрито около ста человек, но никто не жаловался. Перед самой отправкой ко мне подошел офицер, который ещё раньше знал меня как соседа по дому. Тогда я не знал, что он работает в этой системе.

Он спросил, хочу ли я сообщить что-либо домой. По моей просьбе он сообщил моей жене, куда меня отправили. Оказалось, что это было всего в сорока километрах от дома, почти на самом берегу Волги в лагерном отделении П/Я. 65/6. Лагерь был расположен недалеко от живописной местности под названием "Управленческий городок". Здесь же размещалось Управление лагерей. Там недалеко был построен завод реактивных двигателей. Строили этот завод только немцы, привезенные из разных гордов Восточной Германии вместе с заводским

оборудованием. На высокой горе над Волгой у обрыва стоял большой дворец-Дом отдыха.

Не доезжая до этого красивого дворца была автобусная остановка под названием "Школа-Гулаг", а в полукилометре в сторону от дворца была надпись: "Запретная зона". Кто не знал, тот думал, что запретная зона- это военный объект. В действительности невдалеке находились ворота в концлагерь. Невольно подумалось, как такое живописное место сочетается со страшным заведением. В течение трёх лет до ареста я работал с заключёнными женщинами, прикреплёнными к нашему предприятию. Я немного знал об условиях жизни у них в лагере и на работе, но когда этих женщин уводили с работы обратно в лагерь, а я уходил домой, то в этот момент я чувствовал себя свободным и счастливым.

Теперь я стоял перед такими же воротами, которые, как говорили эти женщины, широко открываются только при входе. Меня волновало, что теперь я должен туда войти и превратиться в жалкое, ничтожное, лагерное существо. То, что пришлось пережить на пересылке, добавило немало волнений. После коротких формальностей нас пустили внутрь. В воротах нас встретила группа подозрительных типов. Они предложили нам зайти погреться в барак, но никто не согласился, хотя все замёрзли. Нас повели в баню и остригли.

Тут опять появились эти странные типы и начали задавать всем по очереди вопросы на непонятном мне жаргоне. Они остановились около молодого парня и я слышал его ответ: "Вор" В этот момент на него посыпались безжалостные удары. Он не пытался защищаться, лежал на полу, истекая кровью, а его продолжали бить. Страшнее всего было то, что все присутствовавшие стояли и равнодушно смотрели на это. Я был в ужасе и подумал, что такое крещение должны пройти мы все. Глядя на безразличие людей я понял, что защиты здесь не найдешь. Такая дикая расправа никого не тронула. Тогда я ещё не знал законов лагерной жизни. Ко мне подошли и спросили какой я "масти". Я не знал, что ответить и стоявший рядом со мной зек ответил за меня: "Мужик-фраер".

Позднее я узнал, что того парня били за то, что он назвал себя вором, хотя был отшельником. Временно меня определили в инвалидный барак политических заключённых № 10. Там меня встретили доброжелательно и окружили заботой, так как все знали, как себя чувствует человек после длительного пребывания в тюрьме. Лагерь после этого показался раем на земле со всей его сказочной красотой. Здесь было видно небо, солнце, можно было взять снег в руки и не дышать камерным зловонием. Однако вокруг этого "счастья свободы" царствовала тьма.

Здесь я стал невольным наблюдателем жизни несчастных, обречённых людей, забывая, что разделяю вместе с ними ту же участь. В бараке №10 было около трёхсот человек. Там были двухъярусные койки, которые для большей устойчивости были связаны попарно. Большинство заключённых в этом бараке были старше шестидесяти лет и вместе с ними жили инвалиды, хронические больные, слепые и даже глухонемой, осуждённый за то, что показывал жестами, что колхозы нужно распустить-иначе хлеба не будет никогда.

Слабые старики спали на нижнем этаже коек, а те, что покрепче, взбирались наверх. При этом нижние страдали от холода, а верхние-от испорченного воздуха. Различным был характер их преступлений. Барак напоминал муравейник. Люди постоянно двигались, как бы доказывая, что ещё живы. Ночью двери непрерывно открывались и в бараке было холодно. Из-за этого старики часто выходили по нужде на улицу и возмущались. Они мечтали о тепле и надеялись хотя бы умереть в своей постели. Многие подбирали бродячих кошек, чтобы приласкать их и проявляли трогательную заботу-спали вместе с ними, кормили их, отказывая себе в еде.

Озлобление по разным причинам толкало стариков на споры, а иногда из-за кошек возникал скандал и даже драки. Среди стариков были люди, занимавшие в прошлом ответственные посты на партийной и хозяйственной работах. Некоторые из них ещё продолжали изучать вопросы Ленинизма, неясно для какой цели. Может быть это происходило по той причине – как определил один из стариков – что хронический сифилис неизлечим. Однако надзиратели относились ко всем одинаково. Там было от чего ужаснуться.

Профессор математики Киевского Университета рассказывал мне о некоторых из заключённых, называя их прежние звания. Это были люди, занимавшиеся в прошлом делами государственного значения, заведующие кафедрами и тому подобные. А теперь они ссорились из-за места подальше от параши. Они были разрушены морально и калеками физически. В бараке жили бывшие борцы за Советскую власть и те, кто боролись против неё. Здесь были мусульманские, православные, католические и другие духовные лица, бургомистры и полицейские, служившие оккупантам, а также бывшие командиры Красной Армии и партизанских отрядов.

Между ними не было вражды, мало кто вспоминал о прошлом, все мысли были заняты заботой о еде и как бы согреться. Каждое утро и вечер проводились проверки. Все выстраивались около барака. Надзиратели требовали от стариков стойки ровно с поднятой головой и проверка зачастую длилась больше часа. Мы стояли и мёрзли, пока не услышали удар гонга, означавший, что проверка закончена. По сравнению с другими бараками наш был люкс. Мне удалось с помощью знакомого посетить барак №13 под названием "индокот". Трудно себе представить, что существует нечто подобное.

В этом бараке жил, в основном, нерабочий люд. По причине "классовой принадлежности" им нельзя было работать. Это были разного рода преступники и их главари. Они потребляли наркотики, разрабатывали планы внутрилагерных грабежей и убийств. На того, кто проиграл в карты, возлагалось совершение этих преступлений. Строго почиталось звание "вор", "законник" и те, кто были удостоены этого высокого титула, чувствовали себя владыками. Они диктовали свою волю всему лагерю, кроме "фашистов". Они терроризировали и держали под страхом всех и могли убить за любое неподчинение их воле.

На железных койках этого барака не было никаких постельных принадлежностей. На сдвинутых вместе койках сидели совершенно голые мужчины разного возраста и играли в карты. На их телах были порнографические татуировки. Там совершались гомосексуальные и другие противоестественные акты; они служили монетой для выкупа

проигравшимся в карты. Я хотел поскорее убежать оттуда, но мой знакомый удержал меня, чтобы на нас не обратили внимание. Он рассказал мне, что оказался в заключении потому, что начальство района, включая прокурора и судей, присылали своих людей к нему на базу и брали всё, что хотели, а когда обнаружилась недостача, его осудили на восемь лет.

Теперь они продолжают брать у другого. Когда я оттуда незаметно ушел, у меня была полная уверенность в том, что всё это делается под покровительством властей, заинтересованных в моральном разложении людей. Действия тюремных подонков облегчают им властвование. Понемногу я освоился в своём бараке и обнаружил среди заключённых стариков интересных, образованных людей. Одним из них был седой старичок со старинным пенсне, в прошлом известный Московский юрист, член жюри Московского юридического училища.

Его жену и дочь заставили свидетельствовать против него и они рыдая, говорили на суде, что он агитировал против партии. Это было явное повторение гитлеровских методов, а может быть наоборот. В лагере он получил единственное письмо, в котором его дочери писали: "Папочка, не вини нас, теперь нас оставят в Москве; писать больше не будем, не осуждай нас". После ареста Берии к нему приехали люди и рассказали, какими способами его родных заставили оклеветать самого близкого человека. Он просил их не беспокоиться и никуда не обращаться с просьбами.

Гордый старик не хотел выпрашивать себе свободу. Его фамилия была Чёк. В лагере он работал на конвейере на швейной фабрике. Там же работал Ленинградец, бывший офицер интендантской службы. Его осудили на десять лет за то, что в ресторане к его столику подсел сотрудник итальянского консульства. В результате его, Когана Л.А., осудили за связи с иностранной разведкой. Ещё один случай удивил меня. Один мужик-крестьянин из Смоленщины получил срок двадцать пять лет. Он был свидетелем варварского уничтожения пленных польских офицеров в Катынском лесу. Он жил в одной из деревень, расположенных вблизи от этого места и был очевидцем расстрела поляков. Я не мог понять, почему его оставили в живых.

Как только я попал в лагерь, я ожил, побрился, стал много бывать на воздухе, постепенно улучшился цвет лица и я пришел в себя. Работа оказалась не тяжелой, хотя продолжительностью до четырнадцати часов в день. Я познакомился с людьми, которые помогали мне, в чем могли, в основном морально. Они старались утешить меня тем, что они находятся в лагерных условиях десять и более лет и остались живыми, тем более, что условия улучшились по сравнению с недавним прошлым.

В лагере находились также поляки, осуждённые в основном, за участие в А. К. в восточных районах Польши, принадлежавших в это время СССР. Особенно сблизился я с ещё крепким стариком из местечка Ошмяны вблизи Вильнюса. Его звали Казимир Мотыль. Человек он был очень религиозный и кнечно, как все поляки, патриот своей Родины. Вторым был Ян Товянски из района г. Лиды. Это был молодой человек крепкого телосложения, но уже больной после издевательств в застенках МГБ. Эти люди помогли мне также материально.

Пока я осваивался с окружающей меня обстановкой и людьми, я старался сам во всём разобраться. До моего появления в лагере был эпизод, связанный с арестом врачей в Москве. Чтобы осудить попытку еврейских врачей отравить руководителей партии и правительства, начальник культурно-воспитательной части лагеря созвал митинг всех заключённых. Дипломированному "воспитателю", старшему лейтенанту Скрипнику показалось, что этого недостаточно и он решил провести такой же митинг в сан-части для больных, которые не смогли присутствовать на общем митинге.

Заведующей стационаром и всей санитарной частью была женщина средних лет, которую звали Мария Исааковна. Она не пришла на этот митинг, но Скрипник послал за ней и таким образом заставил её присутствовать. Ей пришлось выслушать его выступление, в котором говорилось, что русские знают, что евреи предатели; они предали Христа, покушались на царей, убили Ленина, а теперь они хотели отравить наших вождей ; за ними нужно внимательно следить. Мария Исааковна упала в обморок; её вынесли из палаты, а он невозмутимо продолжал: "Ну вот видите, это лучшее доказательство того, что здесь

происходит то же самое и за евреями нужно следить.” Больные в душе возмущались, но никто не посмел возражать.

После освобождения врачей Скрипнику не давали спокойно пройти по территории лагеря и вслед ему кричали: “Эй, что там слышно с врачами?” Его вскоре перевели в другое лагерное отделение.

Жизнь начала понемногу принимать какую-то человеческую форму. Всё свободное время я проводил за чтением старых подшивок газет. Однажды, вернувшись в свой барак я застал лекцию, которую читал офицер-лектор. Он прочитал в газете об ужасах, творящихся в Греческих тюрьмах и о том, что под давлением общественного мнения там освободили из заключения часть больных политических заключённых.

В этот момент встал бородатый старик и на чистом русском языке взволнованно сказал: “Начальник, какого чёрта ты нам тут про Грецию читаешь, зачем нам нужна эта твоя Греция? Неужели ты здесь у себя под носом не видишь, как в этом бараке мучаются восьмидесятилетние старики, туберкулёзные, слепые, парализованные и никто не собирается их освободить? Сначала у себя разберитесь, а потом про какую-то Грецию рассказывайте!” Ответить было нечего и офицер только погрозил пальцем осмелевшему мужику.

Этот мужик был неопытным заключённым из Закарпатской Украины. Ян Товянски хотел мне доказать, что поляки отличаются от русских. Он познакомил меня с “упрямым поляком” родом из Полтавщины, который в любых условиях не сдавался и продолжал в одиночку бороться с режимом. Я понял, что он действительно был упрямым. В 1950 году он решил наставить на путь истинный ЦК партии. Он послал в адрес ЦК письмо антисталинского содержания, призывая избрать другого генерального секретаря. За это он был приговорён к десяти годам “исправления”.

На каменных карьерах, где он должен был набирать советское сознание, он в тюрьме вручную искусно изготавливал таблички, призывавшие к свержению кровавого сталинского режима и к установлению

демократии. Он прицеплял таблички к уходящим из зоны вагонам с каменным грузом. Так он успел разослать множество таких табличек в разные места, пока Харьковский институт криминологии не определил чьих рук это дело. Ему добавили ещё десять лет, из них два года – в закрытой тюрьме. Он все ещё не сдавался и, возвратясь в лагерь, продолжал свою работу.

Теперь он отправлял листовки в ящиках от маргарина и в ватных рукавицах, которые изготавливали на лагерных предприятиях. Во время нашего разговора, пришли надзиратели и велели ему собираться с вещами. Он был вполне спокоен и сказал мне по-польски, что игра еще не окончена. Трудно нарисовать портрет этого человека. Он твердо верил, что наступят новые времена, которые принесут коренные перемены. Этот убежденный борец за свободу был не способен поднять руки и сдаться. Таким был этот упрямец – Антон Чапицки.

Не все впечатления в первые дни моего пребывания в лагере были приятными. Запомнился и грустный эпизод в той лагерной жизни. В воскресный день, как обычно, все неработающие выходят к воротам, чтобы посмотреть кто пришел на свидание или просто так пообщаться. Я тоже вышел подышать и увидел, что около ворот собралось много народа. Мне сказали, что провожают кого-то в последний путь. Говорили, что родные получают извещение о смерти близкого человека, а где его могила – никогда не узнают.

Появилась повозка, с закрытым ящиком в сопровождении двух конвойных солдат, несших документы покойного. Когда повозка остановилась у ворот, туда подошел работник из лагерного надзора. Он держал в руках деревянный молоток на длинной ручке. Открыли крышку ящика и мы увидели две бритые головы лежавших там людей. Надзиратель с силой ударил молотком по этим головам и приказал открыть ворота, торопя возчика поскорее убраться с этим грузом. Для тюрьмы это было обычным делом, но я дал себе слово больше не участвовать в таких проводах. Люди расходились, проклиная тех, кто издевался над мертвыми.

Я вскоре подружился с некоторыми заключенными, евреями. Их процент в лагере превышал процент по всей стране. Они приходили ко мне, чтобы подбодрить, говоря, что мне повезло, т. к. здесь курорт по сравнению с другими лагерями, например по сравнению с инвалидным лагерем на противоположном берегу Волги п/я 65/4 "Гаврилова поляна", известным под названием "Поляна смерти". Там томились десять-двенадцать тысяч нетрудоспособных людей и одна бригада здоровых заключенных, занимавшихся похоронным делом.

Там находились около пятидесяти стариков-евреев, в основном, служителей культа. С ними я впоследствии связался, чтобы как-то им помочь. В лагере люди группировались, в основном, по национальным признакам. Особенно сплоченными были эстонцы. Они все были настроены против Советской власти и против русских. Многие из них, несмотря на наказания, категорически отказывались от работы, чтобы не приносить пользу врагам. Они открыто выражали свою ненависть ко всему русскому и советскому и были настроены очень воинственно.

Ещё до моего прибытия в лагерь, среди них был артист из Таллина. Он на Октябрьских торжествах перед публикой исполнил довоенный гимн Эстонии. За это его прямо с концерта отправили в тюрьму, а затем осудили на десять лет. Когда сообщили о смерти Сталина, он в бараке стал исполнять арии из опер. Начальник режима запретил ему петь по время такого печального события, но он продолжал петь и кричал: "Эй вы скоты! Радоваться надо, что ваш мучитель уже недвижим, а вы, жалкие рабы, боитесь!" Его посадили в карцер и, как будто, оттуда отправили в больницу с диагнозом – открытая форма туберкулеза. Там он и скончался.

Сплочённо и дружно держались западные украинцы, латыши, литовцы. Все они ругали евреев, которые, по их мнению, были виноваты во всех бедах. Они говорили, что Маркс, Ленин, Берия и другие – все были евреями. Без них бы не было этого режима. Однажды, отозвав меня в сторону, русский мужик сказал, что он не антисемит и знает, что евреи в такой же мере страдают от этого режима, как и другие. Но когда его в Ашхабаде арестовали по санкции прокурора-еврея, а потом мучили до потери сознания под руководством главного следователя-еврея, а потом его судил опять таки еврей – что он должен был подумать?

Однако он верил, что это не повлияло на ход дела. Но может ли простой русский человек отнестись к этому, как к случайному совпадению, учитывая, что власти поддерживают его антисемитские настроения. Он дал мне прочесть текст приговора, который подтвердил его рассказ. Мне было стыдно смотреть ему в глаза, а он добавил к своему рассказу, что ни евреи, ни турки к этому непричастны; сам русский народ виноват, что терпит этот режим. Люди превратились в трусов. Он сказал: "Не вам, Абрамыч надо стыдиться, а мне, русскому человеку, что на нашей земле все это происходит". Я удивился и обрадовался тому, что сказал этот простой человек, прошедший тяжкие испытания и оставшийся здравомыслящим. Известно, что межнациональная рознь никогда не приводила к добру.

Когда я начал работать, меня перевели в барак работающих заключённых. Здесь я почувствовал себя в большей безопасности. К этому бараку уголовники близко подходить боялись. Однажды наш человек ответил силой одному из "законников" и отношения сразу накалились. В наш барак явилась "почетная" делегация от преступников. Их главарь сказал, что у них мирные намерения. Он взобрался на стол и начал свою речь. "Мужики! Мы – воры, всегда на стороне работяг и не позволяем их обижать. Произошло недоразумение и я лично решил придти к вам. Нашего законного вора ударили, что, посудите сами, неслыханно.

В этот момент встал пожилой с длинными усами украинец Сахнюк и крикнул: "Правильно! Где же слыхано, щобы вору пощечину отвишали?" Все смотрели на Сахнюка, а он спокойно продолжал: "У нас на Украине, колы поймають вора, его не бьють, а тильки раздивають и голой задницей на вострый кол сажають, щоб не мучился долго." Пришелец что-то ещё хотел сказать, но его дружки быстро стянули со стола и подались к дверям, сопровождаемые криками: "Быстрей, а то убьём!" Последнему достался удар палкой. Здесь не стесняются бить.

Постепенно я познакомился со многими заключёнными и их делами. Я думал – неужели все они осуждены несправедливо и никто из них не является преступником, заранее знавшим о неизбежном серьезном

наказании. Пока что мне не пришлось встречать таких людей. Те люди, о которых было известно, что они участвовали в организованном сопротивлении властям, были из западных районов и из Прибалтики. Осуждённых ещё во времена довоенной России найти было трудно. Они, повидимому, учли причины их провала и в лагерях помалкивали.

Западные украинцы не скрывали свою ненависть к власти и надеялись на осуществление реванша. Они были так сплочены, что стоило обидеть кого-либо из них, как тут же обидчика находили и наказывали очень жестоко. Они имели здесь свои ячейки, называемые куренями. Предполагалось, что ими руководили люди извне. Властям удалось подавить массовое сопротивление на Западе Украины только путём массового выселения людей. Весной 1954 года, на правом берегу Волги в результате сильного взрыва был выведен из строя "Мало-бетонный завод". Организаторами этого взрыва считали западных украинцев.

После этого события весь правый берег был очищен от политических заключённых и на ответственных объектах теперь работали строительные батальоны, известные как "чернопогонники". На нашем "курорте" (п/я 65/6) находились, в основном, неспособные к тяжелому труду люди, однако работали все, кроме самых старых и тяжело больных. Некоторые одноногие люди работали даже стоя на костылях и сколачивали ящики для маргарина. Использовали даже однуруких. Многие работали на конвейере швейной фабрики и все трудились по одиннадцать часов в день, выполняя тяжелые нормы.

Невыполнение нормы означало потерю прав на свидание, получение одежды и прочее. Почти половина инвалидов были бывшие фронтовики, потерявшие здоровье, защищая свою Родину. Остальные заключенные, в основном прибыли с лесоразработок "УСУ-лага" (Уральско-Соликамское Управление лагерями). Там люди, случалось, отрубали себе конечности, чтобы освободиться от непосильной работы. Здоровые работники держались за свои рабочие места, чтобы попасть в число отправляемых. Уголовники пользовались другими методами.

Во время очередного набора на этап, я работал ночью, а днем пошел в барак сан-части, чтобы узнать новости. Там я увидел людей,

корчившихся от боли, причиняемой им проглоченными ими гвоздями и вилками. Одного привели с распоротым животом. Главарей уголовников никуда не отправляли; они были нужны администрации. От них она получала свои доходы. Когда, весной 1954 года полит-зеки хотели расправиться с бандитами, в лагерь были введены войска, под защитой которых зеки были выведены и отправлены в другие лагеря.

Администрация старалась постоянно перемещать заключенных с места на место. Людей переселяли из одного барака в другой, не давая им покоя. Это вызывало дополнительные ссоры и драки за более удобное место или за более широкий проход между койками. Особенно тяжело проходила проводимая ежегодно общая инвентаризация. Жаль, что ни один из великих русских писателей не описал эту экзекуцию. Я думаю, что тот, кто не находился среди узников и не участвовал в этом процессе, не сможет никогда представить себе это.

Мне пришлось присутствовать при таком мероприятии в другом лагере. Специфика этого лагеря придавала этому мероприятию трагический финал. В один из прохладных и дождливых апрельских дней была объявлена инвентаризация. Нас, как обычно, разбудили в пять утра, а к шести часам мы должны были покинуть жил-зону, унося с собой абсолютно все, включая матрасы. Всё, что по забывчивости или по слабости здоровья было оставлено, подлежало изъятию. Нужно было забрать все сразу; возвращаться в зону за оставленным запрещалось. Все тщательно собирали и связывали свои шмутки.

Собранные тюки были почти неподъемными даже для молодых и здоровых людей. Каждому зеку было жалко бросать даже тряпку или старые рваные ботинки. Из всех барачков к воротам шли люди, похожие на вьючных животных. Каждый старался быстрее пройти через ворота, чтобы захватить кусочек "лежбища" на мокром грунте. Полит-зеки помогали старикам и инвалидам переносить вещи и защищали от возможных нападений. Но не всё шло спокойно. Этим переполохом воспользовались всякие выродки, подбирая забытые и оброненные вещи. Одноногие инвалиды тащили свои тюки волоком, проклиная всё и всех на свете.

Я видел, как эти беспомощные люди изо всех сил пытались поднять свои ноши, но сил нехватало. Обессилев вконец, люди бросались на мокрую землю и безутешно рыдали. Вместе с ними рыдал и автор этих строк. Нужно отдать должное верующим мусульманам, которые невзирая ни на что, соблюдали все заповеди своего пророка. Они постелили всякие тряпки на землю, опустили на колени и молились. Им никто не посмел помешать, опасаясь мести или просто кинжала. Мне посчастливилось и я сравнительно быстро оказался по другую сторону ворот, где на кусочке земли расположился со своим "имуществом."

Целый день люди сидели на земле, укрывшись чем попало от моросившего мелкого дождя в ожидании проверки и обыска. Сидели группами, в основном по национальному признаку. Впервые я увидел обряд идолопоклонства, справляемый калмыками. До позднего вечера длились проверки, обыски и процедура регистрации вещей. У кого были по две пары портянок или ботинок, одну пару конфисковывали. Обыск был тщательный и невозможно было что-либо спрятать. Для проведения обыска были привлечены многочисленные работники лагерей и войска МВД.

В это время в жилищной зоне лагеря всё было перевернуто вверх дном. Отовсюду извлекали спрятанные заключёнными предметы и вывозили их на грузовиках. Вернувшись в зону, мы увидели вспаханную тракторами землю, разобранные печи, исчезли все наши предметы, использовавшиеся нами для защиты от уголовников. Для стариков было большим горем уничтожение их любимых кошек. Несмотря на несчастья, люди не теряли чувства юмора и способности шутить над своими страданиями.

Народ, который должен был изменить образ жизни на всей планете стал сам себе задавать вопросы – "куда мы пришли? куда нас завели? чего мы достигли и во что мы превратились? Ответ был очевидным. Страну довели до страшной нищеты, а народ находится в абсолютном бесправии. Построены громадные зоны, огороженные колючей проволокой и высокими вышками, с которых только и слышится: "Стой, стреляю!" Народ терпит это долгие годы, и кто знает, сколько ещё придётся терпеть, пока чаша терпения переполнится и народ стряхнёт с

себя эту мерзость. Маленькому человеку трудно предвидеть когда и как это произойдёт, но ясно, что этого не миновать.

“Годен к тяжелому физическому труду” – таково было заключение главного врача Марии Исааковны при медицинском осмотре. Это заключение послужило основанием для отправки меня из “курортного лагеря” в другой. Мария Исааковна руководствовалась желанием избавиться от меня после неприятного для неё случая, связанного со мной. Это произошло, когда я без разрешения пробрался к больному в палату с котелком манной каши, добытой с большим трудом. Она меня заметила и пригрозила. Я пытался напомнить ей о человеческом сочувствии, но она и слушать не хотела.

Тогда я напомнил ей, что все окружающие помнят, что она по отчеству Исааковна и нет гарантии, что рано или поздно не разделит мою участь. Через пару дней меня вызвали на медицинский осмотр и зачислили на очередной этап, как обычно, в неизвестном направлении. Нас собрали у ворот, недалеко от огороженного со всех сторон барака, похожего на все другие. В нём жили старики, оставленные по указанию органов для лечения “под надзором”. Органы были правы. По виду стариков можно было понять, каким мучениям они подвергались. Им уже не было суждено умереть в своей постели; ведь Советские гуманные органы МГБ позаботятся о них до конца их жизни.

Нас было десять человек политических заключённых в собранном этапе. Вместе со мной был мой приятель-сосед по койке Фёдор Петрович Архангельский-железнодорожник из Пензенской области; человек с честной, откровенной душой. Два года мы были тесно связаны и преданы друг другу. В чрезвычайных условиях мы оба помогали и выручали друг друга. Бывало, мощный кулак Феде решал спор, когда пытались обсуждать моё происхождение. На пересылках и в дороге он заботился о моей безопасности. Случалось, я был обязан Феде своей жизнью.

Он был старообрядцем и с евреями познакомился только в действующей армии. Он наивно спрашивал меня, какую цель преследуют власти, натравливая народ на евреев. Он говорил: “Не бойся Абрамыч, Господь

на нашей стороне, он поможет тебе, как помог Иакову и Иосифу.» Как обычно, к воротам пришли наши друзья, чтобы проводить нас. Аарон Гопман, прощаясь со мной, тихо, на нашем древнем языке сказал: «До свидания в нашем государстве Израиль». Это сбылось, так хотел Господь.

Нас по всем правилам передали в распоряжение конвоя, посадили на грузовик, повезли на уже знакомую мне пересылку №65./12 в Куйбышев, а оттуда через три дня - на железнодорожную станцию города. Столыпин не был уж таким большим мерзавцем по сравнению с нынешними главарями. Столыпинские вагоны были не хуже других спальных вагонов; внутри - они довольно удобные. Беда была в том, что купе были рассчитаны на шесть-восемь человек, а теперь туда запихнули столько, сколько могли там стоять вплотную. Посадка проходила с применением кулаков и ударов. Двери вагона закрылись с большим трудом.

К счастью после полудня мы прибыли на станцию Сызрань. Во время выгрузки шел проливной дождь. Нам приказали сразу садиться на землю, хотя кругом были сплошные лужи. Пришлось долго ожидать прибытия местного конвоя. Наконец нас повели в Сызраньскую пересыльную тюрьму, существовавшую в России с незапамятных времён. Через Сызрань дороги вели в Сибирь. В те далёкие времена через Сызраньский перевал гнали осуждённых на каторгу. Тогда городок был небольшой, этапы проходили редко и жители ходили встречать осуждённых с хлебом и вяленой рыбой. Теперь это выглядело иначе.

Этапы проходили каждый день, а то и по несколько раз в день. Арестованных были тысячи. Тюрьма работала, как комбинат, по заданной программе. Сначала гнали в баню, а вещи проходили прожарку. В это время в конторах уже просматривали дела и решали кого куда направить. Всегда имелись большие разнарядки. Стройки «Коммунизма» жаждали пополнения дармовой рабочей силой. Надо признать, что весь этот аппарат работал точно и интенсивно. Сызраньская тюрьма занимала большую площадь и была обнесена высокой каменной стеной с вышками. Старые корпуса были многоэтажными, построенными в виде буквы «п». Новые корпуса отличались внешним видом и были разбросаны по всей зоне. Были

корпуса для женщин и мужчин, для заключённых на 10 лет, более 10 лет и для политических.

В прежние времена в камерах содержались один или два человека; теперь в них помещали по четыре и по восемь человек. Здесь СССР опередил все западные страны. Старик-банщик работал здесь с 1906 года и хорошо изучил Советские методы. Он ходил по лагерю и спрашивал у заключённых у кого что есть чтобы сменить на водку. Когда эта водка попадала к заключённым, её часто забирали надзиратели и она опять попадала к банщику для следующей сделки. После санитарной обработки всех повели, как предсказали "бывалые", в так называемый "зверинец".

Это большой склеп, освещённый одной маленькой лампочкой, расположенной в нише. За целый день нервотрёпки нас кормили только один раз вечером после размещения по камерам. Дали по куску хлеба с горячей водой. Мы с Фёдором просили поместить нас вместе, но нашу просьбу не выполнили и меня поселили с литовцем Иозесом Казлаускасом в "фашистское" крыло тюрьмы. В тот же вечер мы были свидетелями события, которое я не могу объяснить до сих пор.

Дежурный надзиратель открыл кормушку, позвал нас и стал задавать странные вопросы. Он спрашивал о количестве прибывших заключённых и сколько среди нас политических, откуда мы прибыли и сколько там было таких, как мы. Он дал нам восьмушку махорки и спросил в чём мы нуждаемся. Мы просили его только узнать, куда нас повезут дальше. Назавтра он опять появился с махоркой и сказал, что нас повезут недалеко, где все такие, как мы. Этим он нас обрадовал. Назавтра собрали этап в несколько сот человек, посадили на грузовики с такой плотностью, что после трёх часов езды по ухабистой дороге, никто не был в состоянии встать на ноги без помощи.

Наконец я увидел настоящий пересыльный лагерь. На огромной прибрежной равнине, покрытой белым песком, стояли длинные здания из гранита и казалось, что их не счесть. Эти здания принадлежали Кунеевскому управлению лагерей и числились под номером п/я 15/14. Сюда днём и ночью прибывали осуждённые. Их привозили на машинах,

пароходами и в товарных вагонах и точно также отвозили в разных направлениях. Эдесь царствовал полный произвол. Насилие и убийства здесь были обычным явлением. Отсюда быстро распределяли рабочую силу, но были заключённые, которых оставляли надолго здесь на месте. Это были матери-преступницы, которые по заданию администрации терроризировали и грабили заключённых.

В переполненном бараке мы сидели отдельно от других и наш литовец Иозес играл нам литовские народные мелодии на скрипке, с которой не расставался. Окружающие поняли, что мы "фашисты" и относились к нам с почтением. Однажды ко мне подошел Султанов-башкир и попросил меня написать жалобу. При этом он сказал, что любит рыжих; поэтому он выбрал меня для этой цели. Позднее я понял, что он, как выяснилось, этим оказал мне большую честь. Султанов был известным рецидивистом и обладал большой властью в лагере. У него было около десятка различных фамилий. Когда я прочёл ему то, что написал, он принес мне кучу сигарет и сладостей и сказал, что к нашей группе никто не посмеет подойти.

Вскоре мы обрадовались прибытию этапа со стройки Волго-Донского канала. Их было около ста человек и они к нам сразу присоединились. Все они на вид были крепкие, с военной выправкой, в основном, бывшие фронтовики и даже среди них были украинские националисты. На другой день за нами приехал "покупатель" с двумя грузовиками и мы с радостью покинули эту проклятую зону, где томились десятки тысяч человек. Здесь "покупатели" с оформленными документами регулярно получали нужное количество рабов. Вдоль берегов Большой Волги протянулись сплошной линией лагерные бараки. Здесь сотни тысяч заключенных добывали строительный камень либо открытым способом, либо в шахтах.

Здесь люди работали на повале леса, на заводах по изготовлению металлоконструкций и бетона и на других предприятиях, снабжавших все гигантские стройки страны. Наиболее густая сеть лагерей была сосредоточена околостроек: здания электростанции, плотины и обводного канала с его шлюзами. Там, на левом берегу реки, находился п/я 15/15, куда нас и привезли. В первый же вечер меня нашли и проведали мои друзья и сородичи. Среди них был молодой человек,

бывший узник Освенцима, полковник из Ленинграда. Он добровольно вызвался ехать воевать в Палестину, чтобы участвовать в её освобождении от Британского империализма.

Друзья пришли поддержать меня и скрасить моё одиночество. На следующее утро я был зачислен в бригаду бетонщиков, работавших на строительстве шлюзов. Работа была хорошо организована и ею руководили сами заключенные. Более восьми тысяч человек жили в двухэтажных финских домиках. Правда жизнь там не была бесконфликтной, однако воровство полностью отсутствовало. Тяготило то, что приходилось спать почти вплотную с бывшими эсэсовцами, карателями или полицейскими. Заключенные группировались по религиозному признаку. Несмотря на запреты, они собирались вместе и молились.

Самыми непокорными были члены секты "Свидетели Иеговы". Они проводили активную миссионерскую агитацию в лагерях, всюду, где бы они ни находились. Иеговисты, как и другие религиозные группы, были запрещены в СССР. Именно иеговисты были особенно гонимы из-за отказа служить в армии. Они отличались исключительной преданностью друг другу. Не зная страха ни перед чем и гордясь своими идеями, они пытались привлечь к себе даже своих преследователей. Как ни удивительно, но у них в лагере имелась печатная литература, изданная за рубежом. Они хорошо знали Библию и читали всем интересующимся главы из нее. Я общался с этими честными и убежденными людьми и не раз помогал им прятать их литературу во время обысков.

Единственная группа в лагере, которую не называли "фашистами" – были чеченцы из-за их ненависти к преступникам. Так же сильно они ненавидели русских и при всяких случаях сразу хватались за кинжалы. В п/я 15/15 содержались люди, использовавшиеся на тяжелых работах. Здесь всех заставляли выходить на работу, кроме заболевших, а самовольно не вышедшие на работу, помещались в карцер на несколько дней. В пять утра был подъем, в шесть – все должны были быть за воротами. Каждая бригада знала своё место и время выхода. У ворот нас быстро пересчитывали. Мы должны были держаться по пять человек за руки.

В длинных колоннах, по тысяче и больше человек, нас вели по обочине дороги. Мы задыхались и слепли от пыли. По этой причине мы чередовались каждый день, чтобы последними в колонне не оказывались одни и те же люди. По другой стороне дороги в том же направлении часто вели воинские части "чернопогонников". Их мы громко приветствовали словами: "Здравия желаем, союзники!" Они работали на главных объектах, которые заключённым не доверяли. Условия там были ещё тяжелее, чем наши. В отличие от "бытовиков", нас сопровождал слабый конвой и отношение к нам было сносное.

Видимо аппарат был не очень уверен в себе. Внутри рабочей зоны охрана не следила за работой заключённых. Там было много десятков тысяч заключённых. Это был сплошной кошмар. Уголовники играли в карты и не раз ставили на кон жизнь человека. Они пили водку и принимали наркотики, купленные у надзирателей за огромные деньги, награбленные у мужиков-работяг. Уголовники сводили счёты за минимальные оскорбления или за принадлежность человека к другой шайке; иногда приговаривали к смерти и тут же убивали. Иногда люди просто пропадали без вести.

Случалось, их живыми или мертвыми топили в бетонной массе и они оказывались замурованными в толстые стены шлюзов и плотин. Нашей бригаде приходилось заделывать полости, образовавшиеся после освобождения их от человеческих останков. Горе было тому, кто по какой-то причине заимел там врага. Он должен был днём и ночью остерегаться; смерть ходила за ним по пятам. Но больше всего жертв было из-за отсутствия на работах элементарной техники безопасности. На каждом шагу человека подстерегала смерть. К нам это относилось в меньшей степени. Мы были осторожней, обучали и предупреждали своих людей. Задеть нашего человека было слишком большим риском. Этого не могли себе позволить даже самые отъявленные преступники.

Одновременно со строительством ГЭС велось большое жилищное строительство, где все работы велись вручную. Основная причина была в том, что все механизмы проржавели и превратились в металлолом. Количество строившихся домов не могло удовлетворить огромное

количество нуждавшихся поселенцев. Многие люди, отсидевшие свой срок в заключении, не хотели ехать обратно в колхозы, а те, кто имели право жить поблизости от областного центра, оставались на месте создавать новую жизнь. Они рыли землянки и сколачивали из чего попало кое-какое жильё. Некоторые сумели построить добротные дома из брусьев. Были такие, кто поставили рубленые дома на крепкие, окованные железом сани. Это позволяло им менять место жительства.

Здесь же поселялись приехавшие из колхозов многочисленные семьи. Они заводили животных: собак, кур, коз, а кто-то даже корову. В летнее время нехватало продовольствия, особенно хлеба. В лагерях снабжение не прекращалось, да ещё получали помощь из дома. Так что мы не ощущали голода. С работы нас водили в одно и то же время по постоянному маршруту. Когда нехватало хлеба и поселенцы голодали, страдали все – и люди, и животные. Тогда они стали просить хлеба у нас, когда мы шли на работу. Мы стали экономить хлеб и отдавать его детишкам.

Вскоре нашу колонну начали встречать и бежали вслед не только дети, но и козы, куры и собаки. Случались драки из-за куска хлеба. Нам запрещали бросать хлеб, но невозможно было отказать голодным детям и все старания конвоя не имели успеха. Довольно долго это продолжалось, и хотя это было грустно, в то же время было забавно видеть такое странное сопровождение. Однажды произошел крупный скандал с конвоем, грозивший превратиться в кровопролитие. Конвойные стали длинными бичами бить детишек, бежавших за нами. Кто-то закричал: "Стойте хлоцы! наших детей бьют!" Вся тысячная колонна остановилась. Конвой направил на нас автоматы, требуя продолжать движение. Мы ответили руганью и продолжали стоять. Раздались выстрелы. Конвойскомандовал: "Садись!" Детишки в испуге разбежались кто куда, а мы продолжали стоять, выстрелы никого не испугали. Редко, кто из этих людей не смотрел смерти в лицо.

На звук от стрельбы примчалось на мотоциклах целое отделение, созданное для таких случаев. Мотоциклистов было много и они были хорошо вооружены, подобно десантным войскам. Они окружили нас и направили на нас оружие. Высокий, опытный офицер понял, что силой здесь не справиться. Он бежал вдоль колонны и успокаивал людей,

обещая наказать конвоиров за жестокость. Мы подчинились, снова встали в строй и направились в лагерь. Шли молча. Некоторые говорили, что мол, против детей они герои, а нас решили пугать автоматами, как будто бы мы их никогда не видели.

Чекисты пользовались старым методом-не вступать в открытую схватку. Мы не успели поест, как узнали, что более десятка наших людей забрали для отправки в закрытую тюрьму. Это был первый случай массового сопротивления, которое я увидел в СССР. Другой, более острый случай, произошел поздней осенью. Мы шли с работы и девушка-татарка подошла к нашей колонне и хотела передать пакетик пряников своему знакомому, молодому парню-армянину из нашей бригады. Она была бывшая заключённая, отличалась смелостью и когда солдат схватил её, она сопротивлялась и расцарапала ему лицо до крови. На помощь солдату прибежали его товарищи. Они скрутили руки девушке и увели её с собой. Это означало, что ей предстоит опять длительное заключение.

Уже темнело и шедшие во главе колонны не знали, что задняя часть колонны задержалась, когда раздались выстрелы и крики. Все остановились. Колонна растянулась на большое расстояние и немногочисленный конвой был бессилён. Заключённые, молодые люди подходили к конвойным и упирались грудью в стволы автоматов, требуя чтобы девушку отпустили. Кто-то призывал разоружить конвой и требовал отпустить девушку. Мы вдруг увидели, что девушка убегает и никто её не преследует. В это время прибыли крупные силы войск МВД. Дальше сопротивляться не было смысла и мы покорно пошли в лагерь. Этот случай продемонстрировал солидарность заключённых, которые все, как один встали на защиту человека-молодого армянина.

Жизнь в лагере 15/15 не была однообразной. Люди из всех сил старались выжить. Несмотря на каторжный труд, они старались следить за чистотой и за своим внешним видом. Многие занимались чтением, рукоделием и рисованием. Юмор не покидал нас никогда. Ощущение лёгкого либерализма по отношению к нам вселяло надежду на лучшее будущее. Само лагерное население установило у себя свободу слова и внутрилагерную демократию. Лагерные власти даже не пытались

противодействовать этому. В дружеской форме донимали грузинов, намекая на их "великого" сородича.

На стенах в лагере и на рабочих участках появились карикатуры на Сталина с большими надписями: "великий корифей науки, вождь народов всего мира и всех чекистов-мучителей". Люди свободно высказывали антисоветские идеи и анекдоты, о чём раньше не могло быть и речи. Исчез страх наказания, произошел психологический переворот. Шутили, что в "большой зоне", т.е. на воле, завидуют нашей свободе. Завидовали во многом. Например, нам не надо было стоять ночами в очередях за хлебом. На эту тему ходил популярный анекдот. Иван написал домой об условиях в лагере, а в ответ его мать просила похлопотать о младшем брате, чтобы найти и ему подходящее место, а то он, бедный, пропадёт в колхозе.

В стране шла подготовка к "выборам" народных судей и к нам прибыл лектор из области. Его лекция называлась: "Советское право и его демократические основы." Большого издевательства невозможно было придумать. Лектор собирался объяснить заключённым, насильно собранным в большом зале, о преимуществе Советского права, по которому присутствовавшие в зале заключённые осуждены на бесправие. Большой зал столовой был полон. Лектор изо всех сил старался доказать, что жизнь людей в СССР – самая счастливая и преступность постоянно уменьшается.

Я попросил разрешения задать вопрос и спросил: "Поскольку преступность уменьшается, не может ли уважаемый лектор сообщить данные об уменьшении количества заключённых в СССР за последние тридцать лет. Весь зал зашевелился и после минутного затишья раздался громкий смех. Лектор ответил, что не взял с собой статистические данные. Второй мой вопрос был связан со статьёй в Советской газете "ПРАВДА", которую я держал в руках. Заголовок статьи гласил: "Усиление полицейского произвола в Германии." В статье говорилось, что пятнадцать коммунистов были осуждены за антигосударственную деятельность в сумме к девяти месяцам заключения. Я сказал, что это действительно произвол, но как назвать то, что я один осуждён на сто двадцать месяцев заключения? Это называется гуманностью или сверхпроизволом?"

Все насторожились, в зале воцарилась абсолютная тишина. Лектор стал злобно кричать, что нельзя сравнивать приговор народных судей с приговором буржуазного суда, который судит рабочих за их борьбу за свободу. Он просил присутствовавших не обращать внимания на провокационные вопросы, а мужики кричали ему, что если там хотят завоевать такую свободу, как у нас, то им здорово не повезло! В зале началась суматоха. Меня кто-то сзади тронул за плечо и сказал: "Вам, молодой человек не следует слишком откровенно выступать. Предстоит более серьёзная борьба, где Вы будете более полезным."

Я сразу понял этого человека и был ошеломлён сказанным на нечистом русском языке. Не успел я оглянуться, как этот человек исчез. Я подумал, что есть всё-таки надежда найти нить, которая свяжет меня с организованной группой, отвечающей моим взглядам. Но как найти её? Это меня волновало и не давало покоя. Я начал поиск. А пока в моей повседневной жизни был только тяжёлый непосильный труд. Изнурённый до последних сил, я приходил с работы и у меня не было сил даже поесть. Иногда мой верный друг Федя приносил мне ужин и заставлял меня поесть, а потом растирал мне больные ноги.

Стояли жаркие, сухие дни, обычные для среднего Поволжья, а на стройках нехватало питьевой воды. Знойные, жаркие дни стояли с утра до вечера. Воду привозили один раз в день и на всех её нехватало. Совсем рядом был временный обводной канал и в нём была прохладная вода. Были случаи, когда некоторые конвойные разрешали нам по одному искупаться. Но это было очень редко, так как благодетелей среди охранников было очень мало. По каналу шли грузовые и пассажирские пароходы.

Люди видели почти голых людей, работающих под знойным солнцем и, наверное думали, что эти люди вдохновлены идеями строек коммунизма и работают здесь сугубо добровольно. К нам доносились их приветствия и лозунги, обращенные к комсомольцам – строителям коммунизма. А бородатые "комсомольцы" отвечали: "Привет вам от отцов ваших из заключения!" Наши мусульманские бригадники оказались умнее нас.

Они работали очень медленно, говоря, что срок большой и успеют наработаться. На жаре они наматывали на головы всякие тряпки.

Наша бригада состояла из пятидесяти человек. Большинство из них были выходцами из Среднеазиатских республик. Бригадиром у них был горский еврей Захар Хизгияев. Известно, что наши мусульманские братья без большого старания воевали на фронтах; быстро сдавались в плен, а многие из них служили у немцев в карательных отрядах на Украине, в Белоруссии и даже в Югославии и Греции. Они, не колеблясь, убивали партизан и издевались над беззащитными людьми на оккупированных территориях.

Хизгияев попал в плен и, зная, что делают немцы с пленными евреями, выдал себя за азербайджанца, так как хорошо знал их язык, а внешне не отличался от них. Во Франции он бежал из плена и присоединился к французским партизанам. После окончания войны, когда он еще был во Франции, ему вернули звание старшего лейтенанта и назначили уполномоченным по репатриации бывших военнопленных в городе Лионе. Когда он, счастливый вернулся на Родину, его забрали и посадили для госпроверки, а потом посадили в лагерь на максимальный срок за службу в иностранной армии. Захар был физически крепким и мужественным человеком и вдобавок отличался острым умом. В бригаде ему все безропотно подчинялись. На его лице и на теле были шрамы от многих попыток его убить. Он бесстрашно появлялся в самых опасных местах, уверенный в своей силе, ловкости и умении пользоваться кинжалом.

Его обслуживали, как крымского хана. У него были личный повар и слуга, который полностью его обслуживал. Он был религиозен и не употреблял свинину, соблюдал праздники и на пасху ел только мацу, которую ему привозили родственники из далекого Закавказья. Наша бригада пользовалась уважением. Она зарабатывала больше других бригад зачетов и денег. Под покровительством Захара каждый чувствовал себя в безопасности. На стройке было много техники, но все эти сотни современных механизмов стояли и ржавели, а мы пользовались так называемыми ручными бульдозерами и подобно тягловым животным по восемь человек тянули эти смешные на вид агрегаты, сколоченные из досок и бревен.

Этим изобретением самих заключённых мы выравнивали грунт на склонах канала под укладку бетона. Невозможно представить себе, что в 1955 году можно было увидеть что – либо подобное на такой гигантской стройке, названной “стройкой коммунизма”. Не исключено, что когда-нибудь появятся фотоснимки, на которых будет запечатлено всё это. К нам часто приходил техник-строитель, который фотографировал нас на работе. Однако мы никогда не видели обещанных им снимков. Он говорил, что они не получились.

На объекте часто появлялись высшие офицеры и генералы, ответственные за использование рабочей силы. Они увидели на стройке заржавевшие механизмы и нас, надрывающихся от тяжести при переносе бетона на носилках, как на строительстве египетских пирамид. Оправдывались слова одного из начальников, сказавшего нам, что нужна не столько наша работа, сколько перевоспитание тяжелым трудом. Над воротами лагеря висел транспорант: “Доблестный труд ведёт к свободе” Такие же слова были на воротах фашистского лагеря Освенцим. Возникает вопрос, кто у кого учился.

Однажды вместо этого лозунга повесили другой: “Добро пожаловать на государственный мукомольный завод.” Все смеялись и не знали как это объяснить. Оказалось, что невдалеке, в деревне Яблонково ожидали прибытия американской сельско-хозяйственной делегации и органы решили замаскироваться. Спустя некоторое время в наш лагерь приехала на свидание с мужем женщина из этой деревни. Она рассказала, как подготовили деревню к приезду иностранцев. Задолго до их приезда, в деревне начали проводить капитальный ремонт домов. Покрывали крыши шифером и проложили шлаковые дорожки. Колхозники удивлялись, когда всем выдали новую рабочую одежду и каждому в чуланчик засыпали под расписку определённое количество зерна. Деревня очень похорошела и, когда приехали гости, они увидели счастливых Советских крестьян.

Когда гости уехали, колхозникам предъявили счёт за ремонт, а зерно нужно было вернуть. Тем не менее, колхозники были рады новым крышам из шифера, который раньше они нигде не могли достать. Все

смеялись, представляя себе, как американец приедет домой и расскажет о счастливой крестьянской жизни в СССР. Правда, некоторые говорили, что американцы не дураки и, что они поняли, что это была инсценировка. Визит американцев надолго стал поводом для споров и шуток. Удивительно, что после каторжного труда, люди были ещё способны на активную жизнь и ведение политических дискуссий.

Раньше они велись тайно, а теперь никто не боялся. Люди высказывали свои мысли открыто, не таясь. Правильно подметил один мужик, что больно долго Россия молчала, а теперь можно говорить, что угодно, пока ты здесь и можешь отвести душу. Свободой слова пользовались также бывшие ССманы, полицейские, каратели и им подобные. Они без стеснения вспоминали своё участие в массовых расстрелах и репрессиях. Один из них, по прзвищу "Мишка-Казачок", говорил, что не понимает, за что его здесь держат, поскольку он не политический и никогда не вёл антисоветскую пропаганду, а только участвовал в "чистке" города Ровно от евреев и коммунистов. Чтобы они не вернулись, их загоняли в ямы и убивали.

Многим это казалось смешным, даже интересным, но не мне. Другой мерзавец утверждал, что он вообще ничего особенного не делал-только гонял с собакой раздетых догола женщин и детей в районе города Проскурова. Он это делал, чтобы они по-быстрее оказались на узкой дорожке, проходившей через большой овраг. Посередине этой дорожки была установлена металлическая плита, подсоединённая к высоковольтной линии. Жертвы падали с плиты в овраг. Таким образом, он помогал им скорее избавиться от жизни. Такими "гуманными" типами я был окружен на работе и в бараке.

Рядом со мной спал примитивный украинский мужик Иван Довбыш из Винницы. Он даже не знал точно, любит ли он или ненавидит Советскую власть. Ему было выгодно служить немцам и бывший комсомолец делал это с большим усердием. Он был осуждён за истязание и убийство своих жертв. Он их засекал до смерти и очень огорчился, что один из них остался жив, но потом сошел с ума. На суде этот, сошедший с ума человек, не хотел идти в зал, увидев своего палача. Однако, он всё же указал на преступника и показал как он его сёк.

Некоторые жильцы пытались вызвать между мной и Довбышем ссору, и им это иногда удавалось. Это их забавляло, а мне – приносило облегчение. Всё, что я говорил Довбышу, имело отношение ко всем, подобным ему выродкам. Как правило, он отвечал шутками, содержащими правду. Он сожалел, что я не попался ему в руки в те времена, когда он носил оружие. Судьба распорядилась иначе, и мы встретились при других обстоятельствах. Здесь мы должны были действовать сообща, помогая друг другу защищаться от опасностей. Он честно выполнял эту обязанность.

Отношение ко мне всех этих типов было, даже в какой-то степени дружелюбным; они уважали мою прямоту, как бы ни было им неприятно это слышать. Нередко, открыв свою тумбочку, я обнаруживал там кусочек сала или что-нибудь еще съедобное, оставленное кем-то из бригады. На работе они меня часто выручали, если я был не в состоянии что-то сделать. Они не обижались на критику, а мои ответы на их вопросы, не вызывали у них сомнения. Рядом с нами жили несколько сот крымских татар, в одном и том же помещении. Они предпочитали жить в тесноте, но без чужих.

Русского языка они не знали и, естественно, разговаривали только по-татарски. Они строго соблюдали свои религиозные обряды и сообща молились. Все они носили при себе холодное оружие. Уголовники избегали встреч с ними. Они каждый вечер устраивали какое-нибудь развлечение в их помещении и, поочередно каждый, что-нибудь рассказывал, а иногда они устраивали пляски. Мы удивлялись, как они после тяжелого, длительного рабочего дня были в состоянии устраивать вечера с плясками под аккомпанемент самодельных мандолин и бубенцов. Они играли, пели и кружились. Иногда в их песнях слышались русские слова: "Она мэнэ любит, она мэнэ ждет".

Я не знал, жалеть ли мне этих, тоскующих по своим близким людям или жалеть тех, кого многие из них выдали немцам или сами безжалостно убивали. Их поведение в лагере заслуживало уважения; они не унижались перед угнетателями и перед другой силой, чего нельзя сказать о других этнических группах.

В начале, так называемой, либерализации и более гуманного отношения к заключенным, нам разрешили свидания с нашими женами. Для этой цели построили маленький домик, с отдельными комнатками, где разрешалось находиться с вечера до выхода утром на работу, в пять часов утра. Вскоре начальство решило, что этот домик может приносить немалые доходы, и превратило его в настоящий дом терпимости. Туда приводили уличных женщин, с которых брали плату. Желающие должны были тайно записываться в очередь у надзирателей и могли посетить этот домик, за установленную плату.

Иногда эти женщины не выходили из домика целыми сутками. За высокую плату, туда также пускали женщин, желающих познакомиться с мужчинами, в надежде, в будущем создать семью. В отличие от домиков, совершенно по-другому это происходило на рабочих объектах. Там проституция была настоящим промыслом и, как монополия, находилась в руках надзорного состава, не терпевшего никакой конкуренции. Они приводили в рабочую зону женщин-проституток и забирали большую часть их заработка. Горе было той женщине, которая пробралась туда без их ведома. Обычно её ловили, быстро судили и сообщали по радио в лагерном бюллетене. Вся лагерная охрана наживалась также за счет продажи, в рабочих зонах, водки, наркотиков и доставки проституток.

Здесь происходило немало убийств, и часто обнаруживали тела участников оргий – мужчин и женщин. На нашем участке также случилось ч.п. К одному из наших заключенных, издалека приехала жена. Она не успела получить разрешение на свидание с мужем и ночью пробралась в рабочую зону, и ждала прихода своего мужа. А он был, в этот день, на другом объекте. Вдруг к женщине бросился армянин, один из наших же заключенных, и при попытке изнасиловать её, ранил ножом. На ее крики прибежали наши мужики. После них надзиратели унесли еле живого армянина в санчасть. Армяне в лагере были так возмущены поведением их сородича, что ночью несколько человек проникли в санчасть и покинули ее только, когда насильник уже не дышал. Жалости к нему никто не испытывал.

Произошел и другой случай. Группа бендеровцев поймала на их участке известного головореза-уголовника и, не задумываясь, четвертовала его старым русским способом. Как они выразились, это было сделано, чтобы неповадно было другим. Наша безопасность была обеспечена таким жестоким способом. Однако человеку, который в жизни своей был далек от таких поступков, связанных с кровопролитием и убийством, было очень тяжело находиться в такой "безопасности". Трудно сказать, какое время года было наиболее тяжелым для нас. Весной, когда таял снег, многие из нас болели. Недостаток витаминов и тяжелый труд подкосили силы многих, даже молодых.

Нам даже не позволяли провожать своих умерших товарищей в последний путь. Про них говорили: "Они уже освободились." Зима нас не щадила, но хуже всего нам было осенью. С начала октября до декабря лили дожди и потом всё было покрыто мокрым снегом. Мы рыли землю в любую погоду и возвращались насквозь промокшие. На ночь мы подкладывали свою мокрую одежду под себя, чтобы хоть немного её подсушить. Это мало помогало и утром натягивали на себя всё мокрое. Бараки не отапливались, от холода люди почти не разговаривали и только помногу курили махорку и густой табачный дым заполнял все пространство. Однажды, возвращаясь с работы под сильным дождём, мы увидели на пустыре дрожащих от холода молодых ребят, только что прибывших этапом с целины. Они были окружены усиленным конвоем. На целину эти ребята ехали добровольно, по комсомольским путевкам, а там они стали насильниками, грабителями и наркоманами.

По дороге сюда, они успели, не без помощи конвоя, продать почти всю свою одежду. Теперь они стояли босыми и передавали друг другу маленький окурочек с махоркой. Когда мы проходили мимо, они умоляли нас бросить им хоть кусочек хлеба и махорочки на завертку. Шагавший рядом со мной русский мужик Гаряев толкнул меня локтем и сказал: "Смотри Абрамыч, наше будущее поколение. Это всё, что после нас останется. Если тебе удастся выбраться из этой страны, не скрывай правды, расскажи всё, что ты здесь видел. Пусть весь свет узнает, какую свободу завоевали нам наши отцы.»

Я тогда не надеялся, что мне доведется когда-нибудь жить в свободном мире. Это было слишком нереально. Я ответил Гаряеву так: "Дорогой мой

друг! Если произойдет чудо и я окажусь на Западе и попытаюсь рассказать обо всём, что мы здесь видели и пережили с вами вместе, разве нормальный человек там, в свободном мире, способен понять это и поверить?" Горяев сердился и ругал всех на свете. Он раздраженно говорил: "Что же они болваны что-ли, или на другой планете живут? Неужели, если ты им расскажешь, они не поверят?" Горяев думал и опасался, что на Западе всякую негативную информацию о Советском Союзе воспримут как пропаганду, направленную против Советского строя.

Пришла зима. Жигулёвские горы покрылись снегом. Сквозь него проглядывали зелёные мохнатые ветви хвойных деревьев. Иногда мне удавалось остановиться, чтобы полюбоваться этой неопишуемой красотой. Для нас зима была несчастьем. Вначале нам повезло; более двух тысяч человек отправили работать на завод по ремонту тракторов. Я оказался в их числе. Какое это счастье-работать в тепле и встречаться с вольными людьми. Они относились к нам, как к свободным людям. Я фрезеровал и вытачивал детали с огромным удовольствием.

Моя высокая квалификация была оценена и я пользовался уважением и даже дружеской симпатией местных работников. У нас были преимущества по сравнению с ними. Мы получали хлеб без очереди и нас кормили обедами каждый день. Им же приходилось тратить много времени, чтобы купить еду. Иногда вольнонаёмные рабочие питались из нашего котла и часто мы отдавали им свои порции. К сожалению, так продолжалось только два месяца. Органы решили, что мы представляем опасность для окружающих и нас убрали с этого объекта. Когда мы узнали об этом, мы стали прощаться с людьми, к которым успели привязаться.

Я никогда не забуду, как ко мне подошла пожилая женщина-кладовщица, обняла меня, поцеловала и перекрестила. Она сказала: "Лёшенька, куда они опять тебя забирают в такие морозы? Неужели у них никакой жалости нету? Храни тебя господь и детей твоих! Я молиться за тебя буду". Я видел слезы в её глазах и сам был так взволнован, что был не в состоянии ответить ей. Я только нежно поцеловал её руку и произнёс сквозь слезы: "Спасибо Вам, Софья Андреевна, спасибо!"

Ничего не поделаешь, ведь кому-то нужно рыть траншеи под основы какого-то нового объекта "Стройки Коммунизма". Не нелепо ли, что коммунизм строят те, кто его люто ненавидит. В том году зима началась поздно, почти в конце января. Нас вывели на пустырь и велели нам построить забор с колючей проволокой. Крещенские морозы дали о себе почувствовать и единственным спасением – была работа. Тяжёлыми кувалдами и клиньями мы долбили мёрзлый грунт. Все старались побыстрее вкопаться поглубже, чтобы спастись от морозного ветра. Но земля была твердой, как гранит. Над траншеей поднимался пар от вспотевших тел.

Однако и в этих условиях люди находили повод для шуток. Кому-то задавали вопрос, зачем он так глубоко роет землю? Отвечали, что он ищет потерянный десять лет назад свой паспорт. Тогда кто-то советует не торопиться, так как впереди ещё пятнадцать лет раскопок. А когда он найдется, на нём будет пометка: "Предоставить право копать землю до конца жизни в ста километрах от областных центров." В наши обязанности входило обогревать стерегущий нас конвой. Мы раздобывали дрова и жгли костры. Иногда нам позволяли погреться у костра.

Только один из нас не подходил к костру и не работал. Его называли Захар-башкир. Он был осужден, как террорист. Дело в том, что во время Октябрьского праздника, он палкой от флага сбил все портреты вождей, вывешенные на главной площади городка. Он получил двадцать пять лет за покушение на членов политбюро. На одной из пересылок уголовники совершили над ним массовое насилие и он лишился рассудка, но был признан "опасным для общества преступником". Мы его жалели и хотели ему помочь, но он к себе никого не подпускал. Мы только удивлялись, как он еще не замёрз.

Однажды, когда нам привезли обед, и мы под открытым небом стояли и ели свою чуть тёплую еду, на горизонте показалась открытая машина. В ней находились несколько офицеров. Один из наших мужиков выскочил и преградил им дорогу. Машина остановилась; из неё вышли несколько молодых офицеров, а за ними высокий старик с красным лицом в

генеральской форме. Мужик закричал: "Глядите на жизнь этих несчастных людей! Смотрите как мучается русский человек! У каждого семья дома голодает и мёрзнет!"

Генерал оглянулся вокруг и сказал, что он видит, что всё здесь в порядке; всех кормят, одевают, дают работу, а семьи живут на государственном обеспечении. Мужик не унимался и продолжал выступать, что он – Григорьев Иуда Георгиевич протестует против того, что с людьми обращаются, как со скотом, а семья его дома голодает и это всё – правда и он готов отвечать за свои слова. Генерал был возмущен, быстро сел в машину и уехал. Люди кричали им вслед: "Чекисты поганые! Будьте вы прокляты!" По радио, как обычно, передавали арии из опер. Особенно нравились слова: "О дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить". А Григорьев кричал: "Никогда они свой позор не искупят, а Русь надо от них спасти!"

Он был по убеждениям монархистом и считал, что без царя в России не будет порядка. Он говорил, что не нужна ему Америка, а родина должна быть родиной, а не лагерной зоной. Страной должны управлять русские, а не кто попало. Я был с ним дружен и он часто шутя говорил: "Идём жидяра Лёшка, помоем друг другу спины, люблю я тебя". Таких, как Григорьев, монархистов, я встречал мало. После окончания строительства Волго – Донского канала к нам прибыли последние этапы из города Калача.

Они рассказали, как один молодой слесарь – сварщик ослеп и смирившись со своей судьбой, отказывался от посторонней помощи и обходился всегда сам. Однажды, когда весь барак собрался на этап, он оделся во всё чистое, взял свою палку и котелок, будто идет в столовую за обедом. Как только он отошел от жилья, он резко повернул налево, в сторону запретной зоны, перешагнул предзона и оказался перед колючим ограждением. Раздался крик: "Стой, стреляю!" Он сделал ещё шаг и тогда раздался выстрел. Он упал на забор из колючей проволоки, прекратив этим свою страдальческую жизнь. Однажды, зимней ночью меня разбудили и две крепкие руки схватили меня за плечи. Я открыл глаза и обомлел – Авраам! Это был Винер, только что прибывший с этапом. Мы оба были счастливы. Разговорам не было конца.

Его привезли из лагеря у.р. 65/4, который на самом деле был каторжным лагерем. заключенные в шахтах добывали камень. Там были вырыты многокилометровые туннели, уходящие вглубь гранитной горы. Камень использовался для строительных целей. Туннели бетонировали и приспособивали для военных целей. Там под землей нормы были большими; вагонетки с добытым камнем тащили заключенные. Только такие крепкие, как Винер, могли какое-то время выдержать и остаться в живых. Теперь на работу мы ходили с ним в одной колонне. Мы виделись с ним ежедневно и оба ждали с нетерпением свидания со своими женами.

Я ему сказал, что МГБ с нами ещё не покончила и в нашей жизни еще всё может случиться. Мы мечтали, что когда-нибудь вместе будем гулять по улицам Иерусалима и вспоминать всё пережитое здесь. Винер по-детски смеялся и говорил: "Ты что, не видишь, как каждый день здесь гибнут люди? А если выдержим, то кто тебе позволит отсюда выехать. А я всё повторял, что в жизни все может случиться. Чудесным образом мои предсказания исполнились и мы оба вспоминаем обо всём, находясь на Святой земле.

Кунеевские лагеря, строившие Куйбышевскую ГЭС и ближайшие объекты, могли служить прекрасным источником для изучения событий, происходивших в России и СССР с самого начала нашего века. Здесь можно было получить сведения из первоисточников о видных в прошлом партийных деятелях, участниках штурма Зимнего, о бывших секретарях областей и краев и о простых крестьянах и рабочих по всей огромной стране. Многие из этих людей уже находились в лагерях по двадцать лет и больше.

Именно от них, как из достоверного источника мне довелось узнать о смутном времени – периоде коллективизации, о пресловутой деятельности "Союза воинствующих безбожников", правду о строительстве Беломор – канала, о гигантских пересылках у бухты Находка, и о Магадане и о многом другом. Большая часть людей не имела представления о другой жизни. Только те, кто побывал в Европе

во время войны, и новые граждане, родившиеся после 1940 года получили представление о другой жизни.

Жестокая диктатура успешно внедрялась во все области жизни. Огромные средства были истрачены на дезинформацию и обработку мозгов. Население страны не имело ни малейшего представления о свободном обществе и о правах человека. Считали, что на Западе никогда не будет порядка. Там свободно говорят всё, что хотят и выбирают – кого хотят. Эти антизападные идеи настойчиво и успешно внедрялись в наши головы органами МГБ. Они превратили народ в послушных рабов.

Осенью 1955 года я сблизился с некоторыми молодыми людьми. Мы разговаривали на разные темы, особенно нас волновало политическое положение в стране. При этом мы не были полностью уверены друг в друге. Вскоре со мной познакомился, видимо по поручению, молодой человек из Дербента. Его звали Мазур Давид. Он немного знал еврейскую историю, но плохо представлял себе положение евреев в мире. Именно этим он очень интересовался. Он был осуждён Оренбургским военным трибуналом вместе с группой военнослужащих из авиачасти за антисоветскую агитацию. К этому времени у него уже был опыт жизни в лагерях. После нескольких встреч я понял, что Давид связан с организованной группой, имевшей программу и устав.

Он хотел узнать, есть ли у меня такие связи. Я в то время не имел никаких связей; меня интересовала только внутрилагерная жизнь. В одной бригаде со мной был литовец, бывший студент Каунасского Политехнического училища – Янушкевичус Пранас, двадцати лет. Он был серьёзным и замкнутым. В свободное время он читал научную литературу по экономике, социологии, философии и др. В дискуссиях он не принимал участия. Зимой 1955 года мы с ним часто работали вместе. Однажды он покритиковал меня за моё поведение.

Он сказал, что мой опыт мог бы пригодиться для более серьёзных дел, чем вести дискуссии с малограмотными людьми. Он советовал мне найти общество, имеющее определённые цели. Пранас не был согласен со мной, что нет такого общества, которое бы вникало в сущность

еврейского вопроса. Он говорил, что аналогичной была ситуация в Литве. Там считали, что можно вести борьбу в одиночку. Только вместе с другими народами, и в первую очередь, с русскими может каждый народ отвоевать свои права. Он сказал, что если я хочу заняться серьёзным делом, то найдутся люди, которые помогут мне в этом. Было ясно, что я должен дать ответ и взять на себя обязанности, которые ограничат мою свободу общения с людьми.

Я понимал, что по ту сторону забора такой свободы не будет. Кроме того я не знал программы этой группы и пока воздержался от ответа.

В Кунеевском управлении лагерей был только один наш политический лагерь. Люди работали на разных объектах, удаленных один от другого. Зимой 1955 года в добавление к тяжелому труду и холоду появился страх за свою жизнь. Возобновились столкновения с организованными бандами уголовников. Они без всякой причины резали наших людей. Этим они демонстрировали свое геройство, особенно под влиянием наркотиков. Всё же мы надеялись выжить и освободиться, хотя наши жизни висели на волоске. Наши авторитеты решили дать серьёзный бой этой преступной шайке. Наш парень работал на материально ответственном участке. Однажды он отказал одному вымогателю из уголовников. Тот в отместку сломал ему руку.

Была объявлена тревога; на заранее намеченное место сбежались рабочие со своими инструментами. Пранас, Мишка – хохол и я захватили свои инструменты и побежали туда же, где намечался "фронт". Перед нами предстала картина, напоминавшая восстание батраков в прошлом веке. Выстроенные в полукруг двести – триста человек держали наперевес лопаты, ломы, железные трубы. На плечах у некоторых были кувалды и кирки. Напротив нас примерно в ста метрах, стояла такая же толпа, состоявшая из отъявленных бандитов и насильно согнанных мужиков. Мы решительно двинулись по направлению к ним. Не знаю как другие, но я думал – куда я иду со своим ломиком? Наш строй молча и дружно продвигался вперед.

Шумная толпа напротив нас уже успела наполовину разбежаться. Неожиданно из этой толпы вышли несколько человек и один из них

поднял на палке белый флаг. Наши бригадиры, шедшие вместе с нами, приказали остановиться. Подошли те, кто нёс белый флаг. Мы их сразу окружили плотным кольцом. Они сделали вид, будто не понимали в чём дело, почему мы собираемся драться с ними и не уважаем воров и их лагерные законы. Вдруг раздался крик – бей! Над головой главара бандитов поднялся полупудовый молот. В последнюю секунду, резким прыжком, один из наших бригадиров, подскочив к рабочему, оттолкнул его. Потом все осуждали поступок бригадира. Даже вольнонаёмные начальники говорили, что одной бандитской головой могло стать меньше.

А бандиты приняли это за нашу слабость и ещё больше стали угрожать нам. Летом 1955 года, большинство заключенных нашего лагеря радовались указу об амнистии для всех заключенных, кто дезертировал или перешел на сторону врага, или сотрудничал с оккупантами, или служил в СС и карательных войсках и т.д. Всех их ожидало немедленное освобождение. Указ не распространялся на осужденных за личное участие в истязаниях и на политзаключенных. Трудно себе представить, что происходило в бараках лагеря. Веселились все, кто освобождался. Люди целовались, плакали, пели и плясали всю ночь.

Мишка – козачок больше не хвастался, что убивал коммунистов, а говорил только о жидах, подчеркивая, что такие, как он, всегда нужны государству. Амнистия также относилась к честным людям, бывшим военнопленным, простым гражданам, оказавшимся на оккупированной территории. Разочаровались те, которые считали себя взятыми “по ошибке”. Они стали ругать власть, что таких верных слуг (и, вероятно, неплохих доносчиков) совсем забыли. Спокойствие сохраняли только те, кто считал всё это закономерным. Нам, конечно, было грустно. Мы объясняли эти события по – своему.

Мы не ожидали жалости от преследователей. Вместе с сотнями ежедневно освобождавшихся людей, уходили самые отъявленные головорезы – участники многочисленных убийств. Они смеялись и злорадствовали над остававшимися в лагере политическими заключенными. Когда в лагере осталось всего тысяча человек, нам приказали собираться с вещами. Нас построили в две колонны. Одну направили в п/я 15/16, а другую в п/я 15/3. Я попрощался с Винером и с

преданным другом Федей. Я был очень этим огорчён. Я позднее получил от Феди только одно письмо, в котором он писал, что бекпокоится о моей судьбе и предложил, в случае необходимости, послать мою семью к нему в деревню, где они будут в безопасности. Федя не забыл, что, когда он прибыл в лагерь из тюрьмы и был совершенно без голоса, я ему давал для лечения немного мёда, принесенного мне моей женой для поддержания здоровья. Мы с ним прошли много испытаний и остались близкими друзьями.

Мы шли несколько километров, нагруженные всем своим имуществом, пока пришли на новое место. Никто не знал, что нас там ожидает. Нас поместили в бараке для четырехсот человек, но мы решили разместиться там все вместе, т.е. пятьсот человек, чтобы никому не пришлось жить вместе с бандитами. В бараке было так тесно, что дышать было нечем. Но никто не жаловался; знали, что надо терпеть. Порядок на новом месте был совсем другим. Здесь пятнадцать тысяч человек постоянно терроризировались небольшой группой бандитов, поддерживаемых администрацией. Мы стояли перед выбором: подчиниться этим порядкам или придерживаться своих прежних правил, несмотря на последствия. Было решено, что будем жить по – старому и не подчинимся порядкам, установленным уголовниками. Мы представляли собой хорошо организованную силу в жилой зоне.

В рабочей зоне мы были разбиты на мелкие группы. Нашим электрикам пришлось отгораживать нас от непрошенных гостей оголенным электрическим проводом. Однажды на наш участок заехал самосвал, в кабине которого сидел нежданный посетитель. Шофер не ответил на вопрос, кто с ним приехал. Поскольку сомнений не было, посетителя вытащили из кабины и десяток людей били его, приговаривая: «Такие гости не должны приходить сюда и выходить отсюда». Потом его бросили в водоотстойную яму и длинными трубами били до тех пор, пока он не перестал двигаться. Для некоторых, это было жуткой забавой.

Страшно подумать до какого зверства люди могли здесь дойти. Такова была действительность в заведениях ГУЛАГ`а. В этом году осенью наш барак ночью пытались облить бензином и сжечь нас всех заживо. Случайно, в последнюю минуту, нам удалось спастись. После этого мы

отказались выходить на работу и тогда власти были вынуждены принять кое – какие меры и отправить по этапу инициаторов поджога.

Моему другу Винеру пришла идея изучить марксистскую теорию и он составил конспект одной из глав книги Маркса. Позднее он обнаружил, что у него украли блокнот с записями. Вскоре после этого, некий Кротов предложил ему присоединиться к тайной организации, располагающей, якобы, большими средствами, получаемыми из-за рубежа. Винер рассказал мне об этом. Это было явно провокационное предложение, что подтвердилось, когда мне удалось выяснить – что представляет собой Кротов. Оказалось, что он – действительно провокатор. Это был бывший майор – кадровик.

Он проворовался, бежал из лагеря и был пойман. Его осудили по статье 58-14 и он, таким образом, оказался в одном с нами лагере. Его ещё раньше пытались убить в Златоустовской тюрьме за доносы, но ему удалось спастись. Стало известно, что он украл "Программу и устав члена организации", чем оказал огромную услугу органам. Эти сведения сообщил мне бывший мичман Черноморского флота Константин Захаров. К концу лета 1955 года я уже был в какой-то мере вовлечен в тайную организацию ГРМ (Группа революционных марксистов). Я воспринимал её как, возможно, серьёзный Центр сопротивления диктаторскому режиму.

Я считал, что во главе всех лагерных ячеек Кунеевского Управления стоял бывший студент Киевского института Доценко Ростислав. Это был блондин с голубыми глазами, невысокого роста. Он носил очки из-за сильной близорукости. Его никогда не видели в чьём-либо обществе. Он постоянно что-то читал и не участвовал в лагерной общественной жизни, как будто это его не касалось. Иногда к нему подходил высокий стройный Суходольский Аркадий. Ростислав неохотно отрывался от чтения и равнодушно общался с ним. В нём не замечалось живости характера, но в целом, он производил впечатление умного человека, сдержанного и решительного.

Я сам с ним никогда не общался. Удивляло, что в тех условиях этот человек сохранял интеллигентность и благородство. Суходольский

Аркадий, бывший офицер, был родом из Сибири, куда его предки переселились из Польши. Он считал себя русским, хотя для него это не являлось важным. Великоросский шовинизм не был ему присущ. Высказывания на эту тему послужили причиной его осуждения на десять лет. Освобождающимся членам организации он давал наставления и помогал им найти контакты с нужными людьми на свободе. В руках Суходольского были сосредоточены обширные связи, к которым я также имел отношение, как член организации.

На мои лагерный и домашний адреса приходили письма из разных районов страны. В них, в скрытом виде содержались полные отчёты о выполненных поручениях и описание экономического положения в районах, где они жили. Одним из лидеров группы был молодой человек, бывший военный по имени Писарев Михаил. Я должен признать, что я был не очень доволен программой ГРМ, но меня привлекала главная цель – свержение кровавого режима, от которого страдали все народы страны и, особенно, евреи. Для достижения этой цели я готов был пожертвовать всем.

При встрече с Суходольским осенью 1955 года, окончательно решился вопрос о моём вступлении в ГРМ и соответствующих моих обязанностях. Я стремился к участию в активном сопротивлении строю. Я был угнетен тем, что вся моя прошлая деятельность оказалась игрушкой по сравнению с тем, что предстояло сделать. Полное и безоговорочное подчинение в определенных рамках и беспрекословное выполнение указаний – было главным условием для членов организации. Когда я почувствовал себя в лагере вольной птицей, эти обязанности легли на меня тяжелой ношей.

Я отвык от дисциплины и подчинения и пользовался “лагерной демократией”. Я сомневался, смогу ли я изменить мой образ жизни, молчать и не реагировать ни на какие события. “Тяжела ты шапка Мономаха”, но я её одел с тревогой и удовлетворением. Меня всё ещё звали Лёшей или Абрамычем, но числился я в другом месте под именем Кузьмич. Я познакомился с программой и уставом. Приведу некоторые пункты оттуда. (Текст программы занимал почти целую тетрадь.)

“При исторически назревших условиях в России, в 1917 году, руками пролетариев был свергнут режим полуфеодалов и отсталой буржуазии. Согласно законам развития, власть должна была перейти к более прогрессивной системе буржуазного характера, которая, после выполнения своей роли, должна была уступить место народной власти с далеко идущими социальными реформами. События в России нарушили эту закономерность, при попытке перейти от феодализма к социалистической системе, не созрев экономически и политически. Переход не оправдался; была извращена сущность самой идеи народного переворота.

Пролетариат, создав эту структуру в сражениях и лишениях, оказался обманутым и его надежда на жизнь без эксплуатации человека человеком, при полной свободе, оказалась напрасной. Пролетариат России не избавился от эксплуатации и не получил свободу, а духовное угнетение не знало подобного примера. Страна превратилась в полицейское государство, с чудовищным аппаратом угнетения. В ещё худшем положении оказалось крестьянство, которое после насильственной коллективизации, фактически перестало быть классовой единицей в обществе. В результате в стране образовался многочисленный пролетариат, состоящий из жителей городов и деревень.

Революция в России оказала огромное влияние на Международное рабочее движение. Превращение России в полицейское государство привело к расколу в рабочем движении. Жестокий террор в Германии и в СССР в тридцатых годах, в одинаковой мере был направлен против рабочего класса и на физическую ликвидацию его лидеров. Эксплоатация трудящихся в СССР намного превосходила эксплуатацию при прежнем режиме в этой стране. Рабочие лишились элементарных прав и своего единственного оружия – права на забастовки. По мере развития промышленности в странах, происходило перемещение обнищавшего крестьянства в города и рабочие поселки. Крестьянам были чужды классовая борьба и рабочая солидарность. Внедрение крестьян в рабочую массу использовалось властью для ослабления её политической и классовой активности. После ликвидации лидеров рабочего движения, власти превратили это движение в контролируемое ими и органами безопасности.

Организация ГРМ констатирует: СССР является полицейским государством с экономической структурой государственного капитализма, опирающегося на привилегированные слои чиновников государственного и партийного аппаратов.

“О национальном вопросе”.

Национальный вопрос в СССР не нашел своего решения и усложнял общественную жизнь в стране. Так называемое “добровольное присоединение” к СССР стран Прибалтики и Молдавии являлось очевидным их захватом и закабалением. Население захваченных территорий враждебно относилось к оккупантам и установленным ими порядкам. Продиктованный новый образ жизни был чужд населению и оно приняло его только под давлением массовых репрессий. Власти поддерживают великоросский шовинизм и, в то же время, национальная дискриминация, якобы преследуется законом и сурово карается. Власти не готовы к решению национального вопроса. Этим занимаются органы насилия.

“ О крестьянском вопросе”.

Сами крестьяне, получив свободу, будут решать вопросы владения землей. Будет восстановлено крестьянское представительство в правительстве страны. Намеченная программа активного развития промышленности привела к ещё большему закабалению трудящихся страны. Рабочие закреплены за предприятиями, как во времена крепостничества. Активно работает аппарат насилия, пополняя лагеря принудительного труда. Назревают условия всенародного сопротивления и свержения враждебного народу режима.

Программа ГРМ предусматривает установление поистине народной власти, т.е. власти, которая освободит народ от жестокой эксплуатации и бесправия, и создаст реальную возможность для самоопределения всех народов страны. ГРМ объединяет все народы страны и призывает их к активному участию в борьбе за свержение кровавого режима, установление демократического строя, при котором чаяния народа будут осуществляться им самим. Закономерно новое революционное движение

в СССР. Рабочие и крестьяне призывались к оказанию помощи новому движению с целью возобновить народную традицию сопротивления насилию. Органы МГБ, по всей вероятности, знали, что происходит, знали, что есть работники, которые не реагировали на то, что происходило в лагерях».

Как член ГРМ, я начал работу по усовершенствованию системы конспирации. Суходольский обратил серьёзное внимание на разработанную систему связи между ячейками и высшими инстанциями. Органам было нелегко разобраться в деятельности ГРМ в лагерях. Как оказалось впоследствии, органами была создана большая оперативная группа из работников областного управления МГБ, с неограниченными полномочиями. По форме и размаху, начатой органами операции, можно судить о значении, которое они придавали выявлению тайной организации. Несмотря на то, что они раньше знали о существовании тайных ячеек в лагерях, им, вероятно, не хватало точных сведений. Они направили на стройку "Верхние шлюзы" своих людей под видом инженерно-технического персонала и служащих. Среди них были женщины с привлекательной внешностью. На участке, где работали Суходольский и Писарев, появился новый работник по техническим нормам, которого Аркадий вскоре использовал для некоторых услуг.

Там же появилась молодая работница, якобы жена одного из начальников. У неё была привлекательная внешность и она предложила Писареву свою "любовь". Очевидно, Писарев получил разрешение на интимную связь с этой дамой. Он воспользовался этим в необыкновенных романтических условиях - внутри проволочного ограждения. Вскоре эта связь перестала быть тайной. Это удивило всех. "Добрые услуги" технического нормировщика Равы (фамилия может быть неточная) были тоже подозрительными. Однако они были очень заманчивыми и от них трудно было отказаться.

Впоследствии, это оказалось большой ошибкой, которую невозможно было исправить. Осенью 1955 года Мазуру Давыду сообщили, что его дело пересмотрено и он подлежит освобождению. Вероятно его освобождение входило в оперативный план органов, для более широкого

выявления деятельности ГРМ. В лагере собрали немного денег для него, чтобы он выглядел сносно. В день освобождения он пришел к воротам рабочей зоны, чтобы поговорить со мной, но это нам не удалось и он, прощаясь, помахал мне рукой. Я долго смотрел ему вслед и радовался за него. Он был честным, преданным нам человеком.

В последней записке, полученной мной от Давыда было сказано: «Я сознательно отдаюсь начатой нами борьбе и готов посвятить этому всю свою жизнь». Немного позже от него начали поступать письма из разных городов, которые ему было поручено посетить. Они поступали из Свердловска, Еревана и других городов. Содержание этих писем было на вид чисто бытовым. В то время в лагерях управления №15 оставалось мало политических заключённых. Их разбросали по разным отделениям и помещали в отдельные бараки. Органам стало проще наблюдать за деятельностью членов ГРМ и каждым их движением.

Умышленное перемещение людей с одного объекта на другой усложнило работу нашей организации. Органы, конечно знали о людях, проводивших нелегальную деятельность, но они не принимали пока никаких мер. О серьёзности, с какой органы относились к делу ГРМ свидетельствует то, (как позже стало известно) что для изучения деятельности группы, из Москвы был прислан уполномоченный ЦК КПСС. Под руководством этого чиновника в апреле 1956 года была проведена операция по изоляции большой группы членов ГРМ, находившихся в лагерях и на воле. Всё сложнее становилась жизнь политического заключённого в лаготделении 15/3. Нас стоновилось всё меньше и кольцо предателей всё теснее сжималось вокруг нас. Выходить в одиночку значило подвергнуться смертельной опасности. Поэтому за хлебом, в столовую, в баню и другие места, мы ходили группами. Некоторые считали, что надо принять условия, которые предложили уголовники.

Молодые люди упорно занимались изготовлением холодного оружия. Обдумывали все возможности для защиты от нападения. Один молодой человек носил под рубашкой безрукавку, сплетенную вручную из металлических колец, непоминавшую старинную кольчугу. Заключенные обзаводились самыми различными орудиями защиты. Некоторые орудия были доставлены неизвестно откуда и кем. Нервное напряжение

доходило до крайней степени. Не хотелось поддаваться уголовной своре, и быть у нее в подчинении. Администрация же не принимала никаких мер по усмирению банд, так как она получала часть их добычи. Наша организация таяла, так как часть людей выбывала в связи с освобождением по «пересмотру дел».

У каждого из нас теплилась надежда выйти на волю и вернуться к семье. Уменьшалась возможность коллективной защиты. Никто не хотел теперь усложнять свою жизнь. Лагерные подонки, почувствовав нашу слабость, всё больше наглели. Они стали неожиданно появляться в построенных нами теплушках и оскорблять нас. Однажды, когда это случилось, один пожилой мужик, указав на дверь, крикнул: «Вон вит селя!» и, для подкрепления своих слов, он вытащил из своего валенка длинный блестящий кинжал. Подонки отрезвели и поняли, что с ними не шутят и быстро ретировались. Всегда спокойный, украинский мужик, по фамилии Кпыца, вынул тряпочку, завернул в неё кинжал и сунул его обратно в валенок. Это была последняя попытка защититься.

Некоторые заключенные не обращали внимание на всё происходившее вокруг. Они спокойно продолжали чтение трудов по экономике Мира и СССР. Они составляли таблицы и диаграммы по добыче и производству материалов и продовольствия во многих странах и сравнивали их с показателями по СССР.

В лагерь 15/15, летом 1955 года прибыл профессор Московского института Мировой экономики, некий Гурвиц, осужденный на семь лет за анекдот про Хрущева. Я сразу познакомился с ним. Он был очень возмущен тем, что его послали, как и всех, на стройку, вручив тяжелый лом, чтобы долбить бетон. Его, не привыкшие к такой работе, руки сразу покрылись волдырями, и он плакал, как дитя. Я рассказал ему о здешнем питании. На день мы получали семьсот граммов хлеба, порцию каши-сечки с куском протухшей рыбы. Мне хотелось пообщаться с ним и я показал ему некоторые материалы по экономике, чтобы он оценил их.

Я рассказал ему, что здесь есть люди, интересующиеся этими вопросами и имеющие собственное мнение о путях решения экономических проблем в стране. Он посмотрел материалы и сказал, что результаты этих

исследований никогда не найдут практического применения. Позже Гурвиц сказал мне, что он восхищен людьми, которые в таких условиях занимаются серьезными для страны проблемами. Он не был согласен с критикой решения экономических проблем в СССР. Он боялся согласиться с тем, что для изменения экономического положения в СССР необходимы: свержение существующей структуры власти и замена её другой, прогрессивной политической и экономической системой.

Гурвиц говорил, вздыхая : «О боже, их сотрут, безжалостно сотрут; жалко этих молодых людей». Его не посвятили в секреты нашей группы, но я понял, что всё, что он услышал, было для него открытием. В жилом бараке, где раньше была страшная теснота, теперь стало просторно и тоскливо. Пустующие нары напоминали о неосуществившихся надеждах на освобождение. Комиссия по пересмотру дел продолжала работу. Однако находились сознательные отказчики. Они наотрез отказывались получать свободу, как подарок от тех, кто незаконно их арестовал и надругался. Например, мужичок, крестьянин из Тамбовщины, провел в лагерях уже третий десяток лет за то, что он когда-то не хотел вступать в колхоз и не хотел отдавать свою землю. Заочное особое совещание (ОСО) осудило его на десять лет.

После возвращения домой, он явился в сельсовет и потребовал вернуть ему незаконно отнятую землю. Его опять осудили на десять лет, а потом просто продлили срок на следующие десять лет. Теперь от него хотели услышать, что он раскаивается. В ответ он говорил, что он потомственный крестьянин и отказываться от полученной по наследству земли не намерен. Он сказал, что, вернувшись домой, он потребует возврата отнятой у него земли и поэтому, без заверения властей о выполнении его требования, он домой не поедет.

Через несколько дней его отправили куда-то в неизвестном нам направлении. Не забуду его спокойное лицо, когда он вернулся с допроса на комиссии и многие спрашивали его, смеясь: «Земля тебе нужна ? Оставайся и ройся в ней здесь днём и ночью, зимой и летом». А он спокойно, не обращая ни на кого внимания, постелил себе и взобрался на верхнюю нару. В действительности, этот мужик представлял здесь интересы всего крестьянства. Это было как раз то,

чего больше всего боялись власти. Они боялись отпустить его домой именно по этой причине.

Был здесь ещё старик – кузнец с Украины. Он был осуждён в связи с религией на десять лет исправительных работ. На шее он носил веревочку с большим серебряным медальоном с изображением Божьей Матери. Ему сообщили, что его освобождают досрочно, то есть за шесть месяцев до окончания срока. Гордый старик ответил, что не желает получать свободу из рук безбожников, что девять с половиной лет он уже проработал, поработает ещё, сколько Бог ему даст.

Удивлённые члены комиссии пытались уговорить старика, но он настаивал на своём, дескать, ему уже шестьдесят девять лет и он от иродов милости не примет. Старик вернулся в барак и лицо его сияло. Он, будто сам себе говорил: «Ишь ты, милости от них... Больше ничего не хотите? От господ Бога милости жду, а не от них-антихристов окаянных. Чуют, что конец их царству подходит, вечного пекла им не миновать». Он улыбался, как будто получил огромное удовольствие от того, что не принял милости от угнетателей и этим доказал, что им не удалось сломить дух простого человека и поставить его на колени. Слава таким гордым людям, предпочтившим муки и лишения, подчинению мучителям.

Поступки этих смелых людей продемонстрировали их высокий моральный уровень, по сравнению с уровнем морали партийных чиновников, превратившихся в жалких доносчиков. Только сильный дух и вера в Бога, а не преданность идеям Ленина-Сталина, придали этим людям такую стойкость. Другой пример поведения человека показал бывший заместитель министра рыбной промышленности Украины. Он, несмотря на унижения, старался быть покорным. Всех, кроме себя, он считал преступниками, антисоветчиками, справедливо осуждёнными. Он удивлялся, что несмотря на его преданность партии, его послали убирать кабинеты лагерного начальства. Правда, он считал, что не всем оказывают такое доверие.

Его мучила мысль-неужели он недостаточно выслужился перед властью или плохо принимал гостей из Центра? Он удивлялся, что он еще сидит, а антисоветчиков освобождают. Он хотел показать начальству, что в

отличие от других, остался верным принципам партии и продолжал изучать «Вопросы Ленинизма». Он говорил, что мы не понимаем значения происходящей классовой борьбы и не оцениваем имеющихся противоречий в обществе. Так со своим знанием теории Марксизма-Ленинизма, он уже несколько лет мается по пересылкам и лагерям, радостно принимая предоставленную ему привилегию подметать кабинеты начальников. Ему говорили, что его способ мышления характерен для хронического сифилитика с неизлечимой формой болезни. Нет, этого человека нельзя приравнять к простому старику-кузнецу, который плюнул в лицо палачам, не желая принимать от них милости. Советско-Китайская дружба, видимо, была очень тесной и включала сотрудничество в области информации о способах угнетения народов.

Однажды лагерь посетила делегация китайских офицеров внутренней службы безопасности. Они были одеты в тёмно-синие мундиры и каракулевые чёрные папахи со звёздочками. Их сопровождали высокие чины войск МВД, которые водили гостей по всем объектам: на кухню, в столовую, в баню, в жарилку, в сушилку и в другие места. У нас в бараке они осматривали нары и проходы между ними, уборную, умывальник и число сосков на нём. Гости внимательно слушали объяснения на русском языке обо всех деталях нашей жизни. Видимо их неблагоприятных сородичей ожидала наша судьба. Бывалые заключенные говорили, что никогда ещё наши лагеря не посещали союзники из Восточных стран. Видимо, только китайцы были удостоены чести, быть посвященными в тайны «перевоспитания» людей. Это возможно включалось в договор о культурном сотрудничестве двух стран.

Накануне 1956 года, поздно вечером 31-го января, ко мне с бутылкой красного вина пришел Суходольский. Мы поздравили друг друга и пожелали взаимных успехов в нашей общей борьбе. Наступление Нового года для всех считается праздником, а для заключенных это был день тяжелого труда на голодный желудок. В новом году продолжалась упорная борьба с гигантским противником и с неизвестными последствиями. Все, кто добровольно включились в эту борьбу, считали это своим священным долгом. Они понимали, что возможны серьёзные последствия. Прошедший год был годом активной деятельности ГРМ. В конце этого года на строительном участке плотины состоялась встреча

ответственных лиц организации лагерного отделения Кунеевского управления с людьми, прибывшими извне.

Меня предупредили, что я, в случае освобождения, получу соответствующую инструкцию. Я не надеялся, что это скоро может произойти и не придавал этому значения. Однако, немного позже, это произошло. Я оказался перед вопросом о моей готовности выполнять добровольно взятые обязательства после моего возвращения домой. Этот день наступил! Четвертого января 1956 года, вечером в наш барак явился человек, который сказал, что меня вызывают к начальнику специальной части для сообщения о результатах пересмотра дел. Я изловчился и заглянул в список, чтобы убедиться, что здесь нет ошибки. Действительно, там значилась моя фамилия. Я побежал в специальную часть, но она оказалась закрытой до завтра. Только завтра утром можно будет туда попасть. Эта ночь была самой длинной в моей жизни. Я сидел в маленькой кладовой и непрерывно курил.

Туда ко мне пришёл Суходольский для уточнения деталей моей работы после освобождения. От него я узнал, что организация ждет от меня действий, о которых я и не подозревал. Суходольский говорил просто и легко, как будто речь шла о передаче коробки сигарет. В действительности задачи, конечно, были совсем не простые. В мои задачи входило: 1. Создать материальную базу для помощи товарищам, которые могут прибыть в этот район и будет необходимо помочь им в устройстве на работу. 2. Создать техническую базу для размножения материалов ГРМ. 3. Позаботиться о приобретении чистых бланков важных документов. 4. Изучить возможности проведения экономической и политической забастовок на промышленных предприятиях данного района.

Сообщались пароли, по которым я должен буду встречаться со связными. Указано, что в течение шести месяцев ко мне никого не направят и я не завяжу новой связи. Суходольский сказал, что ГРМ интересуют экспроприация средств и все сведения об этом будут очень ценными для движения. После шести месяцев от меня ожидается получение отчёта по всем вышеуказанным вопросам. Этот отчёт я должен отправить в определенное место. На прощание мы еще раз повторили то, о чём договорились и расстались. Аркадий произвёл на меня впечатление,

прекрасного молодого человека, не знающего страха в борьбе за свержение тирании в своей стране. Назавтра я бегал целый день в специальную часть и только к вечеру меня принял начальник и сказал, что есть какое-то решение, но только завтра он мне его зачитает.

Шестого января 1956 года мне зачитали решение Верховного суда СССР. Начало этого решения показалось мне таким, как будто меня вызвали для добавки мне срока. Там говорилось, что областной суд был прав и обвинение было доказанным. Однако Верховный суд РСФСР, учитывая прошлую трудовую деятельность Гринвальда и его семейное положение, посчитал возможным сократить меру наказания до пяти лет заключения с применением закона об амнистии от 1953 года и освободить его из под стражи. Я спокойно взял, вручённый мне обходной лист, и не проявляя особого волнения, думал только о том, как бы по-скорее добраться до дома, увидеть семью, оказаться подальше от этих людей, отдохнуть физически и духовно.

По правилам, я должен был сдать свою одежду и получить взамен старую, истрепанную. Мне не хотелось одевать старьё и я пошел на приём к начальнику лагеря. Он и его свита слышали, что я не хочу явиться домой в своём оборванном виде. Начальник режима закричал, что они меня сюда не звали. Я напомнил ему, что его бывшее начальство, по милости которого меня незаконно сюда поместили, давно уже покинуло этот мир. Наконец начальник лагеря распорядился выдать мне новую одежду и сто пятьдесят рублей из его личного фонда.

Я смог оформить документы только во второй половине дня. Можно было переночевать в лагере, но я решил немедленно его покинуть. Это могло мне стоить жизни в первые же часы после освобождения. Шестого января 1956 года, когда яркое морозное солнце уже садилось, я с котомкой через плечо, вышел из проходной лагеря. Сильный мороз обжигал лицо. Мои новые ботинки не защищали меня от холода. Странное чувство владело мной. Я мог идти, куда хочу; останавливаться где хочу и когда хочу. На меня никто не обращал внимания, так как в этих местах таких, как я, было много. Из разговоров с людьми, я узнал когда отправляется автобус в Куйбышев.

Только вчера закончилась сильная метель, которая замела все дороги. Выбраться из Ставрополя-на Волге было почти невозможно и даже опасно. Всего сто километров отделяли меня от дома, от семьи. Я решил, как можно скорее туда добраться. На автобусной остановке я был один. Не было никаких признаков движения транспорта. Ставрополь уже несколько дней был отрезан от соседних районов из-за снежных заносов. Бульдозеры расчищали дорогу в Куйбышев. Вскоре на остановке появилась молодая женщина, которой тоже надо было выбраться из Ставрополя. Она вскоре отказалась от своего намерения и посоветовала мне подождать до утра.

По моей одежде нетрудно было догадаться откуда я, но она предложила мне помочь устроиться на ночлег. Я поблагодарил её за помощь и сказал, что я твёрдо решил попытаться сегодня добраться до дома. В этот момент к остановке подъехал грузовик с цепями на колёсах. В кузове уже сидел человек, в такой же, как у меня одежде. Я отдал водителю четвертак и взобрался в кузов. Женщина на прощание сказала: «Жаль мне вас. Замёрзнете по дороге, пока доберётесь до дома». Уже в первый час езды, было ясно, что путь предстоит тяжелый. Мой попутчик был в валенках и удобно уселся в кузове, а мне пришлось стоять и непрерывно топтать ногами. Морозный ветер обжигал лицо. Предстоял длинный мучительный путь. Машина часто останавливалась, мотор натужно гудел.

Периодичеки мы выскакивали из машины, чтобы сдвинуть её с места, напрягая все свои силы. После нескольких часов такой езды, я должен был снять ботинки и растереть свои совсем окоченевшие ноги. Дорога шла по степи и было жутко от мысли, что вдруг машина встанет, а кругом никаких признаков жизни. Вдруг на обочине дороги мы увидели пожилую пару. Они попросили довести их до ближайшего посёлка. Когда они вместе с нами ехали в кузове и увидели, как я замерзаю, они пожалели меня и предложили выйти вместе с ними и переночевать у них.

Я поблагодарил этих добрых людей, но твёрдо решил ехать дальше, чтобы поскорее добраться до моего дома. Ехать осталось недолго и уже показалась обжитая местность. Наконец мы увидели огни большого города. Это был Кировский район города Куйбышев. С трудом я натянул

ботинки на замерзшие ноги и, как только машина притормозила, я соскочил и подхватил брошенный мне мой вещевой мешок. Пока я думал, как мне попасть на трамвайную остановку, ко мне подошли два пьяных парня и, хлопая меня по плечу, сказали: «Ты молодец! Мы видели как ты работаешь, орудуешь чисто. Давай, что там у тебя, поделим всё пополам.» Они не отставали от меня, пока сами не убедились, что в мешке находились только лагерные пожитки.

Наконец я добрался до трамвайной остановки. Я знал, что мой внешний вид не вызывал доверия, но, что люди в трамвае будут отшатываться от меня, как от прокаженного, я не ожидал. С самого детства я отличался от большинства моих сверстников пламенно- красным цветом волос и обсыпанным веснушками лицом, но не замечал, чтобы меня сторонились. Люди старались отойти подальше от меня, дрожавшего от холода. Мои мысли были только о том, как бы поскорее добраться до тепла; дольше терпеть не было сил. Было уже одиннадцать, когда я сошёл с трамвая на остановке около дома, где жила моя сестра.

Общий коридор был не заперт. Соседи уже спали. Я постучался к сестре и мне открыл дверь её восьмилетний сынишка. Когда он увидел странно одетого дядю, поднял крик. Я тоже кричал, что я – их брат и дядя. Когда они поняли-кто перед ними, они закричали ещё громче, но теперь уже от радости и долго не могли успокоиться. Прибежали соседи и, узнав меня, бросились целовать. Меня раздели, разули, оставив на мне только нижнее бельё. Согревшись, я начал дрожать, как в лихорадке. Меня растирали, как могли, но я продолжал дрожать. Возможно, я никогда не был так близок к смерти, как в тот момент.

Тем временем сестра помчалась к моей жене и с большой осторожностью рассказала ей о моём возвращении. Они обе побежали к жене Винера с этим сообщением и вскоре все они стояли передо мной. Эту встречу описать невозможно – столько было радости. В это время Винер спокойно спал в коридоре гостиницы. Утром он увидел, как из одного из номеров выходит Феоктистов в ранге подполковника. Когда я об этом узнал, я насторожился и сделал для себя определенные выводы.

Утром мне привезли нормальную одежду и я принял человеческий вид. Мы с женой пошли неспеша домой. По дороге встречались знакомые. Они одновременно удивлялись и радовались моему появлению. Некоторые останавливались и высказывали добрые пожелания. Они говорили, что никогда не верили слухам, что я занимался шпионской и диверсионной деятельностью. Чем ближе мы подходили к нашему дому, тем больше знакомых мы встречали. Все хотели поздравить меня лично. С двояким чувством я вошел в свой дом и сам себя спрашивал-как долго мне удастся пожить в моём доме?

Комната, как всегда, была аккуратно убрана; ничего не изменилось, только не было детской кровати. У нас начали собираться соседи, приятели и просто знакомые. Все хотели порадоваться нашему счастью. Этой радостной встречей люди выражали солидарность со мной и презрение к тем, кто правил в стране. Моя четырехлетняя дочка всё спрашивала меня, поеду ли я опять строить на Волге, а если нет, то где буду спать. Весть о моём возвращении была необычной новостью для всего района.

В тот же день к нам пришли кое-кто из моего бывшего начальства с работы и предложили мне вернуться обратно на работу. Наши гости, как обычно, приносили с собой водку. Они возмущались подлым поступком Шпербера, шутя при этом, что он, как еврей оказал мне услугу. Это вызвало общий смех. Теплота и радость, с которой все меня встречали, трогали меня до глубины души. Только близкие родственники-евреи не пришли поздравить меня, они ещё продолжали бояться. Ещё много дней в моем доме собирались наши друзья. Они приносили всякие подарки и даже одежду для меня.

Однако я не мог не думать и не беспокоиться о будущем моей семьи. Я помнил, что по собственной воле стал членом организации, целью которой было свержение ненавистного режима, считавшегося избранным народом. Я стоял перед началом новой жизни с трудными задачами-материально обеспечить семью и выполнить взятые на себя обязательства перед ГРМ. Мое появление на заводе вызвало большой интерес многих людей, от простых рабочих до самого директора. Они впервые увидели возвратившегося «врага народа», как тогда было принято называть таких, как я репрессированных людей.

Не думал я, что меня так дружелюбно встретят рабочие завода и администрация. «Что они только на вас ни придумывали»-говорили мне многие. «Называли вас собаками, сволочами и гадами.» Я знал, что за моим каждым шагом и словом следят и я, к сожалению, болтал иногда лишнее. Один мой близкий друг, партнёр по шахматам, рассказал мне, что его чуть не убили, когда он пытался убедить людей, чтобы они не верили слухам что я шпион. Он говорил, что он хорошо меня знает и, что я порядочный человек.

Через пару дней его вызвали в МГБ, где он «добровольно» подписал бумагу о том, что он о моей жизни ничего не знает и впредь в мою защиту не будет высказываться. В свое время, мое исчезновение вызвало много шума и сопровождалось самыми невероятными слухами. Теперь моё возвращение и многочисленные дружеские встречи были неприятны для органов. Слухи о шпионстве и об использовании передатчика, превратились в шутку и вызывали смех над рассказчиками. Репрессии и злодеяния, видимо, дошли до кульминации, и теперь стрелка покатила в обратном направлении. Люди вслух говорили о многолетнем бесчинстве властей. То, что органы терпели такие высказывания, можно было объяснить их стремлением избежать более глубокого кризиса.

Люди смело говорили обо всём накипевшем на душе в течение многих лет. Рассказывали, что у кого-то брат, а у кого-то отец пропали без вести. Некоторые смельчаки подавали жалобы и писали письма в прокуратуру СССР, в надежде что-нибудь узнать о своих близких. Сами органы были не в состоянии узнать куда делись люди; такие «мелочи» их не интересовали. В первые дни жизни на свободе я должен был заниматься своим устройством, получением паспорта и права на прописку. Когда я стоял перед кабинетом начальника жилищного управления, я увидел входившего туда Персиянова А.Н. Он заметил меня и не проявляя удивления, подошел и тепло поздоровался со мной. Не говоря о прошлом, о котором он прекрасно знал, он спросил меня, не нуждаюсь ли я в помощи и сказал, что готов мне помочь.

А.Н.Персиянова я считал убежденным коммунистом; его убеждения сочетались с человечностью. Видимо партия не смогла уничтожить порядочность в этом человеке. В нашем доме не переставали бывать друзья, а наша добрая соседка-бывшая колхозница Марфа Матвеевна никак не могла на меня нарадоваться и всё говорила: «Теперь у вас всё будет. Господь дал, Алексей Абрамыч вернулся домой. Теперь не хуже людей будете.» Пока наша семья ещё не была в сборе, наш сынишка находился у своей тёти в Минске. Там он закончил первый класс. Случилось так, что его учительница каким-то образом узнала причину переезда моего сына из Куйбышева в Минск. Она стала относиться к нему с особой нежностью и в качестве протеста против репрессий, зависила ему годовые оценки .

Ко мне стали поступать письма из разных мест страны. Моя задача заключалась в том, чтобы отправлять их в в разные лагеря определенным людям. Чтобы не оказаться под чьим-то наблюдением, я перешел на другую работу, где быстро освоился и чувствовал себя старым членом коллектива. Новым моим приятелем стал опытный слесарь высокой квалификации Николаев Василий Павлович. Он был средних лет, крепкого телосложения и с чуткой интеллигентной душой. Мы оба искали приработки, чтобы прокормить наши семьи. Дружба была тесной и бескорыстной.

Вскоре подружились и наши семьи. Его пытались отговорить от дружбы и общей работы с евреем. Один только его взгляд на говорившего, заставлял последнего навсегда замолкать. Однажды мы с Василием были заняты регулировкой скоростей одного агрегата. К нам подошел инженер и, как бы шутя сказал, что с такой работой может справиться только русская голова. Обращаясь ко мне, он посоветовал сначала поучиться у русского мастера. Я ему ответил: «Дорогой товарищ! Не стоит Вам рисковать становиться учителем. Был у нас один великий учитель, хотя и не русский, да весь вышел!». Василий дёрнул меня сзади и тихо сказал: «Зачем Лёшка так горячишься. Меня уже дважды вызывали в «военкомат» и держали там до поздна».

Он знал, что я догадаюсь, что значит слово «военкомат». Позднее мне не раз приходилось слышать от Василия это слово. Наша преданность друг другу выдержала много испытаний и продолжалась до последних дней

моей жизни в СССР. Я не забуду её никогда! Четырнадцатого апреля 1956 года, когда исполнилось три месяца и неделя после моего освобождения из лагеря, я как обычно, возвращался с работы. В нашем большом посёлке жили только строители. Все дома были финские, но ещё не законченные. В них не было санузлов, воды и не были доделаны дорожки к домам.

Весной и осенью жители одевали резиновые сапоги, без которых невозможно было подойти к дому. Когда я остановился, чтобы вымыть в луже сапоги, из дома вышел молодой человек, подошел ко мне и спросил, не я ли Альтер Абрамович. Когда я ответил утвердительно, незнакомец произнёс слова пароля. Я не реагировал на это и спросил в чём вопрос. Он предложил мне войти в дом. (До сих пор не знаю, было это ошибкой или нет). Мой гость чувствовал, что я ему не доверяю. Я ждал «знака» в виде одного рубля с оторванным уголком. Этот уголок находился у меня. Человек рассказал, кем он был прислан и с какой целью. Он назвал клички Мазура, Суходольского и других, а потом сообщил о запланированной встрече активистов лагерного отделения с другими людьми, а также, что я должен обязательно там присутствовать.

Встреча была назначена на шестнадцатое апреля на одном из участков строительства верхних шлюзов. Мой вход туда был заранее обеспечен. Я хотел было кое что уточнить, но промолчал. Вернулась с работы жена. Она заметила, что я нервничаю и ждала объяснений. Гость встал и я пошел проводить его до остановки трамвая. Жену я уговорил остаться дома. Она волновалась и порывалась пойти со мной. Проводы гостя затянулись. Мне стало ясно, что органы обо мне знают многое, но не всё. Я обещал придти на встречу с бывшими товарищами. Я собирался сказать им, что я ничего не знаю и знать ничего не хочу. Моё обещание явиться на встречу спасло меня от ареста в эту ночь.

Вернувшись домой, я не мог унять волнение и просил жену ни о чём меня не спрашивать. Она послушалась и не задавала мне вопросов, только тяжело вздыхала. Я лежал на диване и представлял себе, что через два дня меня опять арестуют и все мучения начнутся снова. Я одетый лежал на диване, когда около полуночи к нам постучались. Я открыл дверь. К моей радости и удивлению, это оказался мой сосед Петя, живший этажом выше. Он был пьян и весь в грязи. Он бросился

меня обнимать и плачущим голосом говорил: «Что они от тебя, Лёшка хотят? Почему тебе спокойно жить не дают?» Больше он говорить был не в состоянии. Мы его привели немного в порядок и отвели домой. На рассвете он опять пришёл и рассказал, что вчера к нему на работу пришел мой «гость».

Петю вызвали в кабинет начальника, где трое мужчин, одетых в гражданское, представились ему, как офицеры Госбезопасности и велели ему следовать за ними к их машине. На ней они приехали к нему домой. Осмотрели квартиру и сказали, что на время он должен будет жить в одной из комнат, а в другой поселятся две девушки. Их нужно будет познакомить со мной. Затем они расспрашивали его обо мне. Они напомнили ему о патриотизме и о его гражданском долге. На следующий день они опять приехали и сказали, что девушек пока не будет. Петя, чтобы решить что ему делать, пошел к ларьку перехватить «капельку». После этого он решил предупредить меня, догадываясь, какой опасности он себя подвергает.

Настоящая причина, заставившая его предупредить меня, была непростой. Его жена Марфа Матвеевна не переставала горевать по своей умершей маленькой дочке, считая, что это божье наказание за грехи её мужа. Ведь он доносил органам кое-что обо мне до первого моего ареста. За время, пока меня не было, они оба заботились о моей семье, чтобы искупить свой грех. Теперь ему представилась возможность окончательно очистить свою совесть. Петя долго не уходил и задавал всё тот же вопрос: «Что они от тебя Абрамыч ещё хотят? Почему они тебе жить не дают?». Я не мог ответить на его вопрос. Я подумал: « Ты обыкновенный и необыкновенный русский человек, простой, чёрствый и такой чувствительный. Ты богом прислан, как ангел-спаситель в человеческом обличьи , которого звали Петр Прокофьевич Аксёнов, и ты меня спас!»

Необходимо было что-то срочно решать и я попросил жену собрать мне лагерные вещи. Я попрощался и собирался поехать предупредить товарищей о дне запланированной встречи. Выходя из дома, я встретил работника одного из гаражей стройки ГЭС. Он сказал мне, что 13 апреля произошли аресты в лагерных отделениях. Было арестовано более двадцати человек. Обыски и аресты провела специальная группа

областного управления МГБ и всех арестованных под конвоем отправили во внутреннюю тюрьму. Я не задавал никаких вопросов и не комментировал события. Я быстро попрощался с человеком.

Всё, что происходило в лагерях, всплыло в моей памяти. Почему я не был до сих пор арестован, я не понимал. Стало быть с минуты на минуту надо ждать ареста. Я решил немедленно отправиться в управление МГБ. Пусть совершится то, что должно совершиться. Подойдя к парадному входу управления, я вошёл не сразу, а обошёл весь занимаемый им квартал и осмотрел это мрачное здание. Я отдалял время входа, зная, что оттуда свободный выход есть только для сотрудников.

Наконец я вошёл и - 65 -

обратился к дежурному офицеру, попросив о встрече с начальником следственного отдела. Пришлось долго ждать, пока молодой лейтенант появился с пропуском. Опять я увидел эти, знакомые мне, чистые, мрачные коридоры, по которым вели меня в кабинет заместителя начальника управления МГБ. Он был новым человеком, присланным недавно из ЦК партии для наведения порядка. Здесь раньше работали люди Бериин. Новый начальник производил впечатление человека гражданского типа. Рассказ о моём прошлом он выслушал внимательно и временами улыбался, вроде осуждая тех, кто создал это дело. Когда я объяснил ему причину моего прихода, он нажал кнопку и появился полковник Трофимов, единственный, оставшийся после разоблачения Бериин, старый сотрудник органов. Он занял пост своего бывшего коллеги, Тимофеева.

Трофимов приветствовал меня, как старого знакомого, хитро улыбаясь. Я рассказал, что вчера ко мне пришёл человек, якобы присланный какой-то нелегальной группой и предложил мне поехать на встречу с людьми из этой группы. Трофимов встал и предложил мне следовать за ним. Мы пришли в кабинет, где за столом сидел майор, которого Трофимов представил под фамилией Стариков. Немного позже в кабинет стали заходить офицеры, знавшие меня по прошлому следствию. Они поздоровались со мной, как со старым знакомым, даже называя меня по имени отчеству. Один из них прямо спросил меня: « Когда же вы,

Грингвальд, перестанете заниматься политикой? Не надоела вам эта опасная игра? Нам про вас всё известно!» Я промолчал, а Трофимов цинично улыбнулся. Он взял лежавшую на столе толстую папку, взглянул не меня и сказал: «Здесь всё есть, товарищ Кузьмич.»

Все посмотрели на меня, а я не реагировал и ничем не выдал себя. Собираясь выйти, Трофимов зло посмотрел на меня и покачал головой. За ним, как по приказу, вышла вся свита низших чинов. Майор Стариков был выпускником юридического училища и начал работать в органах после снятия Берию. В ходе допросов он говорил, что органы теперь не применяют старые методы. Это действительно чувствовалось на деле. Формальный допрос длился недолго. Потом опять появился Трофимов. Он внимательно выслушал объяснения причины моего прихода сюда, который был вызван появлением незнакомца, предложившего мне незаконные действия.

Поэтому я решил поставить в известность об этом органы МГБ. Трофимов достал из папки отпечатанные листы и стал читать декларацию, программу и устав ГРМ. Он читал с удовольствием пункт за пунктом, поглядывая на меня, и не дочитав до конца о национальном и крестьянском вопросах, торжествующе взглянул на меня. Однако мой вид, выражавший безразличие к его чтению, взбесил его и он крикнул: «Это Вы, Гринвальд Альтер Абрамович захотели позаботиться о Советском колхозном крестьянстве? Это Вы задумали вновь по-своему решать давно решенный в СССР национальный вопрос? Ничего себе! Очень много захотели, революционеры этакие. Что вы на это скажете?» А я повторял, что сам пришел к ним и сразу сообщаю при первом же предложении присоединиться к какой-то группе.

Мой приход сюда сегодня говорит о том, что я не причастен к какой-либо незаконной деятельности. Органам было известно о последней моей встрече с Суходольским перед освобождением, но они не знали о полученных мною инструкциях. Органы интересовало кому было поручено приобретение огнестрельного оружия. Об этом я ничего не знал. Я сказал, что получил и переправил в лагеря несколько писем (этого нельзя было скрыть) безобидного содержания. Это было принято по всей системе ГУЛАГа. Я упрямо настаивал на том, что мой приход к

ним по своей собственной инициативе доказывает, что я ни в чём не виноват.

Я очень хотел говорить с ними откровенно, как в 1953 году и сказать им, что я один из той группы, поставившей своей целью свержение преступного режима, но я во-время одумался. Я знал, что этим я ни себе, ни товарищам не помогу. Я твердо решил, что не дам себя использовать для компрометации своих товарищей. Допросы и беседы длились до поздней ночи. Когда Стариков начал подписывать пропуск на выход из здания МГБ, я не поверил своим глазам. Я стал одеваться и офицеры улыбались, глядя на мою лагерную одежду. Я признался им, что на всякий случай приготовился... Они расхохотались, а мне было не до смеха.

Я не был уверен, что попаду домой. Я вернулся после полуночи и хотя все обрадовались моему возвращению, на душе было тревожно. Жена со слезами расспрашивала меня, а я не мог ничего рассказать ей. Прошли мучительные две недели в ожидании и тревоге. Наконец я получил повестку явиться в Управление. Когда я находился там, неожиданно в сопровождении Трофимова вошел высокий, с лысиной, мужчина в гражданской одежде. При его появлении все встали. Трофимов, указывая на меня, сказал-это тот самый Гринвальд.

Высокий мужчина был генерал Кремлев, начальник МГБ области. Он стоял у стола, напротив меня, взял в руки газету, никого не замечая и вдруг крикнул: « Это я пересмотрел ваше дело от 1953 года и был сторонником вашего досрочного освобождения, а вы чем занимаетесь? Снова связались с антисоветчиной!». Я пытался объяснить, что я сразу явился в органы и заявил о появлении незнакомца, предложившего мне незаконную встречу.

Генерал не обратил внимания на мои слова и вышел из кабинета, а за ним вышел Трофимов. Майор Стариков зачитал мне выводы органов о прошлом допросе, где отмечалось недовольство моим нежеланием содействовать выяснению правды и отказом сотрудничать со следствием. Отмечалось также, что я скрываю известные мне факты и намерения некоторых знакомых мне лиц. От меня потребовали ясных ответов о

программе приобретения огнестрельного оружия, документов и о планах бандитских нападений на финансовые учреждения.

Даже при всём желании на эти вопросы я ответить мне не мог. Неожиданно в кабинет привели Суходольского. Обросший, с расстёгнутыми одеждой и обувью, он сел напротив меня. Трофимов сел так, чтобы видеть одновременно оба наши лица, очная ставка нужна была органам только формально. Никакие компрометирующие показания они не получили. Я пытался намекнуть Аркадию, кто был тот человек, кому он доверился. На один из заданных мне вопросов, я ответил, что сам Суходольский никогда не предлагал мне ничего противозаконного. Единственный случай был, когда по его поручению 14 апреля ко мне домой явился высокий мужчина, блондин с рыжеватыми усиками и пригласил меня на встречу с какой-то тайной группой. Я хотел продолжить рассказ, но Трофимов закричал «Хватит! Этого достаточно!».

Однако из рассказанного мною можно было всё понять. Аркадий сказал, что органы бессильны против идейных противников. То что они хотят узнать у него, они не добьются никакими способами. Слегка волнуясь, он сказал, что он тоже человек и тоже хочет жить и получать все блага жизни. Он добавил: « Не думайте, что мне не надоели эти ботинки без шнурков и постоянно валяться по пересылкам со всякой швалью. Но я буду бороться против вас всю мою жизнь, пока на моей родине-России не установится народная власть и люди не станут свободными. Вам не устоять перед нарастающей силой сопротивления. Нас теперь много и, если вы ещё не верите, то скоро убедитесь, что мы победим. Я знаю, что не скоро, а может и никогда мне не придется увидеть свободу. Ну да не на мне одно всё кончается. О тех из нас, кто не доживет до того времени, вспомнят потомки с гордостью и любовью. А вы навсегда будете покрыты позором в истории нашей страны! Довольно с меня. Сегодня мне больше нечего сказать вам!»-сказал он раздраженным голосом. (Я почти дословно цитирую слова Суходольского.)

Окаменевшим взглядом смотрел Трофимов на Аркадия и наконец глазами показал Старикову, чтобы тот вызвал конвой. Когда увели Суходольского, Трофимов пробормотал ему вслед: « Потерянный весь.» Двери закрылись и тут же открылись. Показался человек, увидя которого я вздрогнул. По сей день я с ужасом вспоминаю его. Это был Давыд

Мазур. Он сильно оброс, одет был в лохмотья. Повидимому в дороге уголовники сняли с него одежду «на обмен». Его умные глаза глубоко запали. Я с трудом сдержался, чтобы не заплакать, увидев его. Он слегка кивнул головой. Можно было понять, что он не ожидал увидеть меня здесь. Мазур не знал того, что мне было известно. Меня удивили новые методы ведения следствия, применяемые теперь. Допросы велись без всякого принуждения и давления.

Это было в какой-то степени похоже на демократию, но отличалось тем, что при демократии материал допроса не мог служить основанием для обвинения человека в преступлении. Новые методы были особенно заметны при допросе Давыда. Он сам почти полностью продиктовал весь текст и даже указывал где ставить запятые и точки. Старикову оставалось только исполнять роль секретаря. На вопрос о моей причастности к ГРМ, Давыд заявил, что группа хотела бы сотрудничать со мной, но посчитали, что мой национализм исключает такое сотрудничество. Он сказал, что мои симпатии к членам ГРМ основывались на чувстве солидарности с ними, а не из-за политического единодушия. Мое желание помочь ему исходило из национальных соображений. Кличка была присвоена ему для использования его при необходимости.

Давыд не доверял органам и был осторожен. В его ответах чувствовались решительность и негибкая воля. Он не отрицал и не раскаивался в своей деятельности, а открыто заявлял, что верит в разрушение существующего диктаторского режима. Он говорил, что существующий строй нарушает законы развития общества и в истории государства останется самым смутным периодом. Когда его вывели и в кабинете остались я и Стариков, на несколько минут наступила тишина, а затем Стариков сказал: « Давыд-человек с исключительными свойствами. Кто ещё может так себя поставить? Он, действительно особенный».

Если бы посторонний человек мог наблюдать за ходом допросов, то увидел бы как с одной стороны сидят люди, лишённые всех прав, непохожие на людей по своему изнурённому виду. Было ясно, что они находились длительное время в маленьких, удушливых камерах, в полной изоляции. Напротив них сидели люди с высокими чинами, холёными лицами. Этим людям всё в стране было подчинено, кроме воли

сидящих перед ними, измученных узников, которых они не могут сломить. Можно было понять величие узников и ничтожность их мучителей.

Пока что я вернулся домой, не зная, надолго ли. В стране происходили серьёзные события. Стало общеизвестным содержание речи Хрущева на двадцатом съезде КПСС, развенчавшее культ личности Сталина. Меня, вместе с другими активными рабочими, пригласили на собрание партийного актива, где мы смогли узнать, о чём говорил Хрущева\ на съезде. Текст читал сам директор предприятия и первые его слова были «не для печати». В зале стояла абсолютная тишина и трудно было определить, то ли это из-за важности сообщения, то ли из-за ожидания чрезвычайных сообщений.

Когда говорилось о пытках видных людей, сидевший около меня сварщик Глухов, встал и закричал: «Я ведь давно знал, что он подлец!» Его жена одернула сзади, чтобы он сел и успокоился, и вероятно, была права. Она чувствовала, что ещё не время обо всём говорить вслух. Назавтра Глухова вызвали в органы и он после этого замолчал и даже с близкими людьми перестал здороваться. Его сон был нарушен и кто знал, на какой срок.

Доклад на съезде был далеко не исчерпывающим обвинительным документом против всего аппарата насилия, но этого было достаточно, чтобы вызвать открытое недовольство. Началось серьёзное брожение в народе и эту речь запретили впредь зачитывать. Вместо этой речи зачитывали текст, где говорилось, что неправильное понимание доклада привело к кривотолкам среди части населения, которые граничат с антисоветчиной. Поэтому предлагается прекратить всякое обсуждение содержания доклада, как и другие недозволенные разговоры.

От себя секретари партийных организаций добавляли предупреждение следующего характера: «Предупреждаем всех, что в распоряжении властей имеется достаточно средств, чтобы заставить замолчать клеветников!». Власти считали, что запуганному народу достаточно такого предупреждения. Но теперь оно не давало нужных результатов. Режим угнетения оказался бессильным против массового неповиновения.

В 1956 году органы были серьёзно обеспокоены этим положением. Брожение, которое происходило в городе и распространялось по всей стране, было неслыханным до сих пор явлением. Например, студенты Индустриального института в Куйбышеве провели, без разрешения администрации митинг, на котором постановили обратиться в ЦК партии с требованием отменить изучение Марксизма-Ленинизма в технических учебных заведениях.

Не помогли угрозы и возражения преподавателей и ректора. Письмо было отправлено в ЦК. Рабочие авиационного завода №1 имени Сталина протестовали против снижения заработной платы и повышения норм выработки. Они сами созвали общее заводское собрание, на котором выразили возмущение попыткой снизить заработную плату и потребовали присутствия секретаря Обкома партии, чтобы предъявить ему жалобы о нуждах рабочих. До выполнения их требований, они приостановили работу одного из основных цехов завода.

Немедленно прибыл сам Пузанов первый секретарь Обкома. Он сразу пообещал выполнить требования рабочих и гарантировал, что никто из выступавших не будет репрессирован. Много критики пришлось ему выслушать. Говорили резко и открыто, и даже осмелились потребовать улучшения их быта. Ему предъявили также требования политического характера. Немалое влияние оказали события в Польше и Венгрии.

Выступление одного смелого рабочего стало известно всему городу и примерно звучало так : «Я слесарь, бывший старший лейтенант бронетанковых войск. Я воевал и освободил Венгрию. Я оставался там длительное время и после окончания войны. Я видел, как зажиточно жили венгры, лучше, чем мы, проливавшие кровь за их освобождение. Теперь нас призывают к солидарности с венгерским народом и посылают туда сотни вагонов с продовольствием. А что нам вы даёте нам, честным труженикам, бывшим воинам? Магазины города пустые и дети наши не видят молока. На нашу мизерную зарплату невозможно прокормиться, а теперь нам хотят её ещё урезать. Дайте сперва молоко нашим детям и возможность труженикам жить скромной жизнью. Мы не хуже негров и можем не хуже их поднять свой голос».

В это время были отключены микрофоны и на заводской площади был полный хаос. Это собрание не имело себе равных во всей истории завода. Люди поспешно разошлись, многие от страха, что присутствовали при таком необычном событии. Для успокоения народа были предприняты различные меры. Улучшилось снабжение города продовольствием и не была снижена зарплата. Может быть впервые за своё бесславное существование, органы безопасности проявили слабость и не применили никаких репрессий в отношении инициаторов самовольных выступлений.

Чтобы воспрепятствовать вовлечению молодежи в подобные события, органы прибегли к дешёвой и, к сожалению эффективной, провокации. Основное зло они видели в образованной молодёжи и студенчестве. Они начали натравливать рабочую молодёжь на их образованных сверстников, объясняя это тем, что интеллигенция ведёт себя, подражая во всём Западу. Местная печать также призывала не поддаваться влиянию Запада, позорящему звание Советского человека. Появились молодчики, которые призывали избивать «Стиляг».

Так, одна часть молодёжи была противопоставлена другой. Начались столкновения и драки в разных общественных местах города. Наиболее жестокие драки, подстрекаемые органами, произошли в день проведения городской спартакиады. Они сопровождались человеческими жертвами. Специально людей натравливали друг на друга и они даже забывали о своих повседневных нуждах. Встречаясь в очередях за зарплатой и за продуктами, люди всё больше высказывали своё возмущение.

В этой большой стране, где народ отличается долготерпением, трудно предсказать время будущих перемен. Поэтому я не знал, как ответить простому мужику, коллеге по работе. Он в минуту откровения не выдержал и, сквозь зубы, спросил меня: «Альтер Абрамыч! Сколько ещё? Как долго можно ещё терпеть такое издевательство? Всё нам терпеть да терпеть. Татарское иго терпели, царей терпели, но не сравнить же их с теперешними! Неужто в вечную кабалу народ попал?» Мне отвечать было страшно. Страшно было даже слушать это, а бородатый мужик добавил: « Я, Абрамыч в бога верую и вся надежда, что есть у русского народа-это на бога».

Суд над двадцатью шестью членами ГРМ (число может быть не совсем точное) был назначен на 24 июля 1956 года. Я и Винер получили повестки явиться в качестве свидетелей по делу об антигосударственной деятельности организованной группы. Наши показания на следствии должны были касаться только посреднической деятельности. Я решил на суд не являться, не считаясь с последствиями. Я чувствовал, что не сумею на суде скрыть, что я являюсь членом этой группы и хочу присоединиться к ним, на скамье подсудимых.

Это было бы глупым и безрассудным поступком, которого никто от меня не ожидает. Но я знал, что поступлю именно так. Мой товарищ и задушевный друг Василий Павлович почувствовал моё волнение и посоветовал мне выпить стаканчик-другой, чтобы всё волнение прошло. Я учёл этот совет и стал с тех пор попивать, как говорят, слегка. Я заходил в грязные пивнушки один, без друзей и сидел под взглядами определенных типов, всё время следивших за мной. Часами я сидел там, не произнося ни слова. Я думал только об ожидавшем меня испытании, а часто не думал вовсе ни о чём. Водка мало помогала мне да и закуска оказалась несвежей.

На работе у меня поднялась температура. Когда меня повезли в поликлинику, я был уже без сознания. Меня поместили в стационар завода «Металлург», в отдельную палату. На следующий день меня навестили лечащий врач и заведующая стационаром. Это была высокая седая еврейка. Она очень хотела со мной побеседовать о моих домашних делах и ещё о чём то. Все её попытки были безуспешными, я ни на что не реагировал. Я почти не приходил в сознание. Однажды ночью, когда я проснулся, в палате горел свет, около меня сидела медицинская сестра. Молодая светловолосая, она наклонилась надо мной и вытерла пот с моего лица.

Потом она ласково взяла мою руку в свои тонкие нежные руки и сказала: «Скажи дорогой, что они от тебя хотят? Ведь ты такой больной». Я был такой слабый, что мог отвечать только жестом, что я не знаю. Она сказала, что о моём здоровье каждый день сообщают каким-то людям, которые приходят сюда и интересуются всем, что касается меня:

моим поведением и людьми, посещающими меня. «Для чего всё это им нужно? Что ты такое натворил?». Она продолжала спрашивать, а я только качал головой, что не знаю. Она вновь повторяла «Ты, дорогой, ведь такой больной!» Пересилив слабость, я спросил её-как я сплю.

Она поняла и сказала, что я сплю беспокойно; во сне разговариваю и тогда, когда теряю сознание - слышно слово «мама». Она опять наклонилась ко мне и плачущим голосом сказала: «Не беспокойся, дорогой, я тебя не выдам. За моим отцом тоже следили, а потом забрали и он больше не вернулся. Вот там за станцией «Сортировочная» в том лагере он умер и нам отказали в выдаче его тела, чтобы по-человечески его похоронить». Она вытерла пот с моего лица, а заодно и свои слёзы. «Зови меня Катей»-сказала она и вышла. Вскоре она вернулась. В руках у неё были бумаги-копии докладных записок главного врача стационара. Она прочитала их мне. В них подробно говорилось о состоянии моего здоровья с описанием даже мелочей. Всё время Катя старалась успокоить меня, легла рядом, подложила руку мне под голову, стараясь приподнять её, дала выпить лекарство, приговаривая: «Пей, дорогой, тебе станет легче, пей.»

Она говорила что-то ещё, но я уже не слышал её, так как вновь был в забытьи. Катю я больше не видел, но её лицо и нежный голос остались в моей памяти. В этот день был установлен диагноз-брюшной тиф. Меня отправили в инфекционное отделение больницы. Там никого ко мне не допускали, а примерно, после двух недель, когда казалось, что болезнь отступила, вновь поднялась высокая температура с признаками возобновления тифа. Мой лечащий врач-женщина средних лет (не хочу называть её имя), была на редкость добросовестной и искренне старалась мне помочь. Я вдруг почувствовал острое желание открыть перед кем-нибудь свою душу.

Перед кем, если не перед человеком, который изо всех сил старается спасти мою жизнь. Из книги Э.Войнич-«Овод» я хорошо знал каким может быть результат исповеди. Я был охвачен предсмертным чувством, мне необходимо было рассказать о том, что я до сих пор никому не говорил и освободиться от тяжести. Около меня сидела врач и долго держала мою руку, слушая пульс. Она слушала меня, как священник на исповеди и на мои последние слова, что теперь мне кажется, что я

умираю, она обычным своим тоном сказала: « Вы не умрёте, нельзя вам умереть, этого ещё не хватало!» .

В тот же день около моей кровати собрались на консилиум врачи. Меня осмотрели лучшие медики больницы. Возможно, мой врач представила меня, как ответственного работника Райкома или КГБ. Другим такое внимание не уделяли. Прошло ещё немного времени, когда можно было быть уверенным, что я не умру. Я явно начал поправляться. Как обычно, зашла моя врач и теперь ее лицо выражало удовлетворение. Она радостно сказала: «Ну вот, вы выжили!» . Эти слова были сказаны так, что я понял, что в мире много добрых людей. Помолчав, она сказала: «Вот теперь я могу спокойно воспользоваться своей курортной путёвкой». Два месяца я пролежал в больнице и органы перестали интересоваться мной.

В это время проходил суд над несколькими членами ГРМ. Вся группа подсудимых отличалась высокой моральной стойкостью, в отличие от бывших лидеров партийного и государственного аппаратов. Они унижались и искали снисхождения у преступников, таких же, как они, и из кожи вон лезли, чтобы доказать верность своему главарю. В отличие от них, члены ГРМ стояли с поднятыми головами, молодые борцы против антинародной диктатуры. Они все, как один, смело заявили, что их цель - свержение ненавистного народу режима. Для оправдания моей неявки в суд, жена отнесла туда мой больничный лист.

Винер был на суде и подтвердил там, что получал письма и передачи для Суходольского. Такую же роль должен был играть и я. От Винера позднее я узнал некоторые подробности происходившего на суде. Во время ожидания начала суда, к Винеру подошел Трофимов, одетый в гражданское и сказал: «Гринвальд засимулировал? Ну, ну!». Для разоблачающих показаний, на суд была приглашена та самая красавица, которая играла роль любовницы Писарева. Не думаю, что кроме заученной лжи, она могла сообщить что-либо важное, что суд мог бы принять во внимание.

Это всё характерно для Советского суда, руководствующегося указаниями органов МГБ. Для защиты подсудимых, суд предоставил

восемь защитников. Все, как один, подсудимые, встали и заявили об отказе от услуг защитников. Последние стали их уговаривать, что защита послужит им на пользу, но подсудимые настояли на своём. Защитники вынуждены были собрать свои бумаги и покинуть зал суда. Часть подсудимых заявили, что будут сами защищаться, а некоторые сказали, что вообще не будут отвечать на вопросы. На первый вопрос, заданный Давыду Мазуру, согласен ли он с составом суда, он ответил вопросом, адресованным председателю Пузанову о его социальном происхождении.

Когда председатель отклонил этот вопрос, в зале раздался дружный хохот. Пузанов, своим внешним видом и чрезмерным объёмом тела, напоминал Советскую газетную карикатуру на рабовладельца. Он знал Винера по прошлому делу. Тогда он приговорил Винера к десяти годам заключения, как опасного преступника. А теперь он спросил Винера-за что он был раньше осуждён. Винер только и ждал этого вопроса. В своём ответе он начал с того, что раньше ему нравилось поведение великого вождя народов всего мира, родного отца и учителя всех трудящихся Иосифа Виссарионовича Сталина.

Пузанов пытался остановить Винера, но тот упрямо продолжал говорить о том, что теперь он после лагеря перевоспитался и уже понимает, что великий вождь делал хорошо и что –плохо. И совсем серьёзно он успел добавить: «Вы, гражданин Пузанов, тогда засудили меня только на десять лет и ещё какие-то пять с конфискацией имущества и я остался доволен». Пузанов крикнул: «Довольно Вам!» , а Винер добавил, что он свидетель и должен дать суду полный ответ. На скамье подсудимых долго не прекращался смех. Это также свидетельствовало о происходивших изменениях и потере абсолютной власти МГБ. Мне неизвестно, сколько длилось судебное разбирательство, но позже я узнал, что все они были осуждены на двадцать пять лет. Первую часть этого срока они должны были отбывать в условиях закрытой тюрьмы.

Когда я вернулся из больницы домой, я был изолирован от людей невидимой стеной. До 1957 года я не чувствовал особой слежки за собой, но когда вновь началась репатриация бывших польских граждан на родину, ко мне опять стали приходить подозрительные люди, евреи, которые просили как-нибудь помочь им устроить выезд в Польшу. А на

работе стали вызывать в «военкомат» одного пожилого человека, вполне порядочного. Я решил его спросить, связаны ли со мной его отлучки с работы. Он не ответил мне ничего и продолжал автогеном сваривать медные трубки автомобильного радиатора. Я стоял, дожидаясь ответа. Наконец он сказал: «Коль знаешь, зачем спрашивать?» «Надеюсь на твою совесть, Сергей Степанович», - сказал я и хотел на этом закончить разговор, но он сам вдруг начал: «Я тебя, Абрамыч, за плохого не знаю, зря брехать не стану и не буду выдавать никого, ни за какие деньги!».

Он прервал работу и продолжал: «На других ты, Абрамыч, дюже не надейся; паршивый нынче народишко пошёл. Строниться, браток, нужно своих близких, более, чем чужих. У тебя ведь семья, дети, вот с ними-то и живи!». Махнув рукой, он добавил: «Без нас, придет время когда-то и расхлебнётся вся эта заваруха, а там, куда кривая выведет, авось тогда на святой Руси для порядочных людей место появится. Ступай Абрамыч!» Он добавил настойчиво: «Нельзя тебе стоять около меня, нехорошо.» Честный старик не мог понять мою беспредельную привязанность к моему народу, моё доверие к его выходцам, которое граничило с наивностью и не изменилось, даже после того, как я еле-еле спасся от смертельной опасности, в которую был ввергнут не без участия людей из моего народа.

Предостережение старика было направлено именно на это. Остерегаться близких больше, чем чужих- было чистосердечным советом, который я не в силах был принять. Я не мог отказаться от убеждения, которому был верен с самых юных лет. Я считал, что зло яляется ничтожной величиной по сравнению с добротой и другими прекрасными качествами нашего народа. Это убеждение было унаследовано мной от моей благородной матери. Для неё национальная принадлежность и религиозная вера были гордостью. В таком духе она старалась воспитать и своих детей. Она читала им по вечерам о геройских поступках еврейских женщин при защите веры, непогрешимой чистоты и человечности. Разве кто-либо в состоянии поколебать эти убеждения?

Я не мог всё это рассказать старику, тем более, что по его просьбе я к нему не подходил, а вызовы его в «военкомат» меня больше не волновали. Постепенно я освободился от постоянного страха перед наступающей ночью, хотя никто не мог гарантировать, что опять не

вернется бесчинство властей. Нужно было подумать о будущем моей семьи. Я решил попытаться счастья и, как бывший польский гражданин, подал документы на выезд из СССР. Одновременно подал документы на выезд Винер Авраам. Спустя полтора месяца он получил разрешение на выезд, а я после трех месяцев получил отказ. Угасла наша надежда выбраться из этого кошмара и стать свободными людьми.

Сдаваться я не собирался, это ведь была единственная соломинка, за которую я уцепился и отпустить её, означало-утонуть. На все мои письменные обращения в Москву, приходили отказы. При одном очередном вызове в ОВИР, капитан Курбатова зачитала мне решение об окончательном отказе в моей просьбе и предложила расписаться на документе. Я хотел прочесть, что написано в документе, но она выхватила его из моих рук и крикнула: «Нет. Нельзя!». Разъярённая Курбатова подала мне чистый лист бумаги и предложила подписаться о том, что мне устно сообщили об отказе. Я написал, что никогда не соглашусь с этим негуманным решением, лишаящим меня моего законного права вернуться на мою родину.

Я хотел представить ей документ от польских властей, ходатайствующих о моём скорейшем возвращении в Польшу. Она кинула документы мне обратно, заявив, что ей никакие бумаги не нужны, так как всё решено окончательно. Осталось только опустить руки и перестать надеяться когда-либо стать свободным человеком. Потеря последней надежды отразилась на моём моральном состоянии. Я отключился от всех, общался только со своим другом Василием Николаевым. Чтобы содержать семью, я много работал. Кругом шла жизнь, велись всякие разговоры и пьянки, в которых я вольно или невольно участвовал. Это помогало мне забыться. Впервые в жизни я почувствовал полную опустошенность, потерял цель в жизни; наступила депрессия.

Так продолжалось до конца зимы 1959 года. Седьмого марта меня с работы вызвали в ОВИР и та же самая Курбатова мне зачитала решение о том, что мне разрешен выезд в Польшу. Я старался скрыть своё радостное волнение и спокойно отвечал на вопросы. Нам было дано семь дней на сборы и к тринадцатому марта мы были готовы к выезду. Собираться нам помогали добрые люди. Окружавшие нас люди радовались за нас и говорили: «Ну вот! Наконец кончатся все ваши

муки. » Вся наша семья была счастлива, мы не могли скрыть свою радость.

Однако оказалось, что не время ещё радоваться. Совершилось злодейство! В ночь перед выездом в наш дом явился милиционер и предложил нам утром явиться сло всеми документами в управление МВД, к полковнику Алексееву. Бессонная ночь казалась бесконечной. В доме было пусто и мы лежали без сна, дожидаясь утра, которое не предвещало нам ничего хорошего. Начальник управления Алексеев встретил нас довольно любезно, спросил, как идет у нас подготовка к выезду. Я подал ему наши билеты на поезд, который отправлялся в тот же день. Рассматривая билеты, он начал говорить, что он должен нам сообщить неприятную новость. По указанию из Москвы он должен отобрать у нас документы на выезд и помочь в обратном устройстве на месте. « Прошу Ваши длокументы! ».

Жена заплакала. « Зачем вы всё это сделали? Что вы от нас ещё хотите? ». Алексеев молчал, а у меня кружилась голова; я боялся, что упаду, но овладел собой, вынул документы и положил их перед Алексеевым. Я сказал: « Вы совершили издевательский поступок против моей семьи, но на сей раз я намерен защищаться всеми возможными способами. Не остановлюсь, пока не найду справедливости даже ценой моей жизни. А теперь , я еду в Москву. ». Он сказал., что он сам удивлён и представит мою жалобу в высшие инстанции, а мне ехать в Москву не надо. Домой я не вернулся, а поехал в аэропорт «Смушляевка» и мне удалось сразу вылететь в Москву.

В Польском посольстве оценили всё, как чрезвычайное событие и я был принят членом смешанной комиссии по репатриации Собецуком. Он оказался в курсе моего дела с самого начала и был удивлён не фактом изъятия документов, а получением разрешения на выезд. По его словам моё дело рассматривалось несколько раз и было вынесено окончательное решение-отказать. Меня это, конечно, не обрадовало, но было очень загадочным, и осталось загадкой по сей день. Собецук был порядочным человеком и обещал срочно заняться моим делом, а пока выдал мне от имени посольства направление в гостиницу «Останкино».

В гостинице меня поселили в номере на двоих. Одно место было уже занято. Войдя в комнату, я увидел, что половина её была занята чемоданами заграничного производства. Я спросил у ответственной по этажу женщины: « Я не ошибся номером? Ведь советских не поселяют с иностранцами.» Она ответила, что всё правильно и я могу спокойно располагаться. Это показалось мне странным и подозрительным. Я открыл шкаф и увидел, что он был переполнен импортной одеждой. Вскоре в комнату вошел высокий, красивый, элегантно одетый молодой человек, лет двадцати пяти. Он с улыбкой протянул мне руку и сказал: «Я Канада».

Мы пробовали говорить с помощью жестов, так как он знал только отдельные русские слова, а я английского не знал совсем. Я вышел в коридор и та же женщина меня успокоила и сказала, что этот канадец с советским паспортом хочет вернуться в свою Канаду, но он ее никогда не увидит. Кое-как нам удалось кое-что узнать друг о друге. Канадец был грустным и смешным одновременно, что свойственно людям из свободного мира. Он всё повторял: « Я хочу в Канаду.» С ним произошла такая история. Он был сыном украинских эмигрантов, прибывших в Канаду в 1919 году из Ростова-на-Дону. Они поселились в отдалённых районах и жили не хуже зажиточных канадцев. В пятидесятых годах глава семьи поверил пропаганде о счастливой жизни на родной Украине и решил вернуться в родные края. Его не удивило, что им разрешили въезд в СССР. Они распродали всё имущество и собрали солидную сумму денег. После благополучного прибытия в Москву, они очень скоро поняли что сделали ошибку.

Любезные тамошники спрашивали их, не собираюся ли они открыть магазин одежды, а привезённую канадскую валюту предложили им поменять на советские рубли. Поместили их в красивый номер в гостинице. Питались они в ресторане и ждали отправки в Ростов- на – Дону, где надеялись остаться жить. Всё оказалось не так, как ожидали. Всю их семью отправили в братскую Таджикскую республику. Через два месяца они вернулись в Москву и потребовали, чтобы их направили в Ростовскую область или вернули в Канаду. Два месяца прожила семья из шести человек в гостинице и советские рубли, полученные при обмене Канадских долларов, все растаяли.

Убедившись, что борьба за возвращение в Канаду безнадежна, они согласились ехать в Тамбовскую область. Против этого возражал их старший сын, у которого в Канаде осталась невеста, которую он не хотел звать жить в СССР. Как он выразился, из-за ошибки отца он не хотел попасть в ад раньше времени. Его поддержало Канадское посольство в его требовании разрешить ему вернуться в Канаду. Для этой цели он остался в Москве и мы вместе стали ходить в приёмную Министерства внутренних дел РСФСР на улице Огарёва б. Так боролся этот молодой человек за возвращение ему свободы. В течение сорока-пятидесяти дней он день за днём являлся в приёмную Министерства к дежурному офицеру, чтобы попасть на приём к ответственному работнику.

Ему предлагали ждать то переводчика, то другого чиновника, но они не появлялись. Терпению этого человека не было границ; он продолжал сносить все издевательства. Он часто вынимал из кармана свой "счастливый" Советский паспорт, который получил, когда приехал и говорил: "Я Канада, я хочу Канада!" Мы сочувствовали друг другу, и каждый из нас видел у другого больше шансов для успеха. Я также целыми днями пропадал в Польском посольстве или в приёмной на улице Огарёва, где мне обещали приём каким-то чиновником. В одно из моих посещений мне пришлось быть свидетелем необыкновенного для того времени события.

В приёмную вошел высокий пожилой человек крепкого телосложения с рябоватым лицом, подошел к дежурному офицеру и попросил устроить ему прием у министра. Офицер, согласно правилам, спросил по какому вопросу он пришел. Человек громко ответил, что он желает выехать в США к своему брату, проживающему в Чикаго и при этом хочет отказаться от Советского гражданства. Офицер осмотрел его с головы до ног и попросил повторить просьбу. Человек без колебаний повторил всё и вручил офицеру письменное заявление.

Посетители, сидевшие в зале ожидания, насторожились. Такая смелость этого человека удивила всех. Все сделали вид будто бы ничего не слышали, но в действительности внимательно прислушивались. Офицер встал и сказал, что он должен доложить начальству и что он скоро вернется. Он вскоре вернулся и вежливо расспросил у человека о его личных данных, в том числе, у кого он остановился в Москве. Человек

подробно ответил на все вопросы. Я слышал, что он житель города Владимира. Ему предложили явиться завтра утром и пообещали, что его примет ответственный чиновник. Однако назавтра и в последующие дни этого человека больше никто не видел. Причина была ясна.

Мои надежды на положительный результат таяли с каждым днём. Я получал одни и те же ответы: "Ещё ничего не известно." Шли дни похожие один на другой и чтобы заполнить свободное время, я начал глгать по улицам столицы. Я побывал в Кремле, который частично открыли для публики, ходил в музеи и любовался прекрасными творениями рук человеческих. Вечером, проходя мимо Главпочтамта, я решил дать телеграмму своей сестре в город Лодзь следующего содержания: "Нахожусь в Москве, добиваюсь возвращения домой. В учреждениях есть негуманные люди, препятствующие осуществлению моего законного права. Надеюсь, справедливость возьмёт верх и мы скоро встретимся." Девушка прочла текст и сказала, что не может принять телеграмму такого содержания. Я настаивал и объяснил ей, что за текст отвечаю я, а не она. Она ушла с моим бланком и вернулась вместе с мужчиной в гражданском. Он записал все мои данные и Московский адрес, где я находился и дал указание принять телеграмму.

К моему удивлению, сестра получила телеграмму с полным текстом. Вероятно телеграмма сдвинула моё дело с мертвой точки. Когда назавтра утром я, как обычно явился в приёмную министерства, дежурный предложил мне подождать и вскоре пригласил меня в кабинет, где за столом сидел полковник. Улыбаясь, он спросил: "Гринвальд это Вы?" и поздоровался со мной за руку, а затем предложил мне присесть. Он начал с того, что с моим делом произошло небольшое недоразумение. Местными работниками что-то было неправильно понято. Теперь поезжайте домой в Куйбышев, а мы вышлем туда сегодня ваши документы. Теперь Вы поедете к себе на Родину и, надеюсь, у Вас больше не будет неприятных воспоминаний о нашей встрече.

Я благодарил его за хорошее сообщение и сказал, что у меня никогда не будет плохих воспоминаний о русских людях, которые оказали мне столько помощи в моей беде. Ехать в Куйбышев я побоялся и решил ждать свою семью в Москве. Когда я встретился с "моим" канадцем и кое-как объяснил ему что произошло, он подпрыгнул от радости,

побежал и принёс шампанское. Хотя мы с трудом понимали друг друга, но как старые друзья обнялись. Теперь он повторял: "Ты будит висоль чиловик." Я понял, о чем он говорил. Дальнейшая судьба этого канадца мне неизвестна.

Я сразу сообщил приятную новость моей семье и они четыре дня ходили в ОВИР за получением отобранных документов, пока "сумели" расшифровать полученное указание из Москвы. Мой друг Николаев и сосед Петя помогли жене собираться и сесть в поезд, прибытия которого я ожидал в Москве. Хотя я ещё находился на территории, подчиняющейся органам МГБ, я чувствовал себя независимым и радости не было границ. Хотелось рассказывать всем, как в постоянной и долгой борьбе маленький упрямый человек смог добиться своего у неизмеримо более сильного противника. На Казанском вокзале я встретил свою семью и мы сразу отправились на Белорусский вокзал и поехали в Минск, где мы остановились, чтобы попрощаться с мамой и другими родными.

Мы не захотели переночевать у них, несмотря на усталость детей и выехали в Брест, поближе к границе. Я начинал верить, что путь к свободе постепенно уменьшается. В одном из окошек зала ожидания мы сдали документы, а спустя некоторое время получили их обратно с печатью, без которой нельзя пройти пограничный контроль. После долгого ожидания мы получили документы за двадцать минут до отхода поезда. Возможно, что это было случайно, но минуты ожидания, когда мы оставались в зале одни, были мучительными. Это было последним мучением в стране, которая раньше помогла мне спастись от смерти и чей народ я так полюбил. Мы прошли пограничный контроль документов. Холодные, злые глаза чекистов провожали нас до самой посадки в вагон.

Наконец то я живым возвращаюсь домой тем же путём, которым двадцать лет тому назад я прошел пешком, но не по дороге, а полями, обочинами, стремясь скорее добраться до границы, спасаясь от преследования. Тогда хотелось побыстрее увидеть красную звёздочку на фуражках пограничников. Не думал я тогда, что одетые в такую же самую форму солдаты, с винтовками наперевес с примкнутыми штыками

поведут меня на каторжный труд, как и многие миллионы других людей, названных преступниками за инакомыслие.

Тогда я был полностью предан той красиво звучащей идее равенства и братства.

Теперь хотелось кричать: "Позор вам вечный за превращение в прах миллионов наивных людей, поверивших вам!" Я не был таким умным, как другие, которые разочаровались в действительности значительно раньше меня, как только столкнулись с ней. Надо мной властям пришлось долго и упорно работать. Только тогда, когда острые клыки почти вплотную коснулись меня, я разгадал, что это не "бабушка и волк". Только тогда мне стало стыдно перед теми, кто пытался раскрыть мне глаза на мои заблуждения.

Наконец мы остановились на границе. Советские пограничники "обрабатывали" вагоны разными инструментами и затем мы быстро оказались на территории Польши. От радости и счастья мы все стали обниматься и целоваться. Мы не думали о том, что нам предстоит ещё пережить. Мы почувствовали себя в другом мире с появлением польских пограничников и железнодорожников. Мы услышали человеческую речь и нормальные взгляды. Всё, что было новым по сравнению с привычным нам, вызывало приятные чувства. Мы прибыли в специально оборудованный лагерь вблизи города Бяло-Подляска.

Я не надеялся, что поляки, наконец, перестали быть антисемитами, но когда я услышал от старшего офицера слова-"Что, так много Гитлер оставил ещё в живых?"-я вздрогнул и взглянул на своих детей. Однако это мало кого задело, так как целью всех прибывших была не Польша, а Израиль. Об этом свободно говорили и это казалось странным. Тем не менее там был рай по сравнению с СССР. Мы были удивлены тем, что в стране со столь малыми возможностями по сравнению с СССР, жизненный уровень был намного выше. Я имел чёткое представление о том, что происходило в Польше, и в частности, в городе Лодзи во время немецкой оккупации.

Но когда я приехал туда и увидел всё своими глазами, я был потрясён. Улицы района, где я жил, были мертвыми, хотя население по количеству не уменьшилось. Я не мог ходить по улицам, топтать землю, пропитанную кровью моих родных и товарищей. Всё это происходило, как известно, не без активного участия поляков. Но невозможно было не пойти к тому дому, к тем воротам, где в последний раз моя мама поцеловала меня и сказала: "Дитя моё, ведь ты ещё мальчишка, а уходишь в свет взрослым." Я пошел на то место, где стоял каменный двухэтажный дом. Всё заросло дикой травой. Я по еврейскому обычаю одел головной убор и произнёс молитву "кадиш" по усопшим. В эти минуты я благодарил Господа Бога, что он не создал меня поляком и я не должен нести тяжесть позора. Вдали показался мужчина, направлявшийся ко мне. Он спросил, почему я здесь стою.

Пришлось сказать ему, какую накопленную горечь я ношу в душе. Он ответил: "Да, ваши понесли самые большие жертвы в этой войне". Для этого безобидного человека мы были попросту "ваши", то есть чужие, временные жители. После тысячелетнего совместного труда и жизни, а также выполнения гражданского долга, наши корни не прижились на этой земле. Этот человек был прав и удивляться было нечему.

Наш народ жил иллюзией. Люди думали, что они граждане и всеми силами старались это доказать. На равных с поляками участвовали в защите этой страны, трудились для её процветания, участвовали в разных политических движениях. И всё же прав был тот человек, называя нас "ваши". Нас всегда здесь считали чужими и не хотели, чтобы мы присутствовали на этой земле. Ради этой цели и чтобы поживиться оставшимся от нас имуществом, которое оккупанты готовы были отдать им за "добрые услуги", они в большинстве своём с усердием участвовали вместе со своим злейшим врагом в злодеяниях против своих беззащитных сограждан, своих соседей, сослуживцев, товарищей по школьной скамье и работе. Мы поняли, что нам надо поскорее покинуть эту страну и не жить здесь ни мне ни моим детям чтобы быть полноценными гражданами в собственной свободной стране. Для достижения этой цели я много выстрадал и она теперь казалась близкой и достижимой.

Как специалист по металлообработке я пошел работать на большой станкостроительный завод. Там меня, еврея, да ещё вновьприбывшего из СССР, встретили недружелюбно. Я почувствовал ненависть ко всему русскому и к самим русским. Прошло немного времени и на заводе стало известно моё прошлое, а также о репрессиях, которым я подвергался в СССР, как политзаключённый. Сразу отношение ко мне радикально изменилось, включая администрацию. Все вдруг окружили меня вниманием, желая помочь. Для меня делались исключения из правил, что было недоступно другим. Моя квалификация вызвала ко мне уважение.

Мне не по душе была эта приторная, сладкая любовь, так как я понимал, что её причиной является ненависть к русским. Администрация оказывала мне всевозможную помощь, иногда даже незаконную. Меня уговаривали не уезжать из страны, где никто не посмеет оскорбить меня. Другой разговор я услышал от токаря Матусяк. Он подошел ко мне и сказал: " Пана Гринвальд! Не верьте всем им. Они при удобном случае сами Вас не убьют, а подожгут других сделать это. Уезжайте отсюда, и чем поскорее. Те, кто Вам говорят, что они спасали евреев, сами их убивали. Я родился здесь и во время оккупации хотел помочь своим друзьям-евреям, но не смог. Я не участвовал в грабежах и в уничтожении евреев. Мои руки чисты, как и моя совесть. К сожалению здесь мало людей, кто может сказать о себе то же самое. Испоганился наш народ и навсегда нам нести наш позор.

Уезжайте отсюда! Езжайте в Израиль, пожалейте детей своих, здесь у них не будет будущего. Я вам не враг, говорю вам откровенно". Я поблагодарил пана Матусяку за его откровенность и доброжелательность. Я обещал последовать его совету, и при первой возможности, выехать в Израиль. Польские власти не препятствовали деятельности еврейских религиозных и культурных обществ. Они не запрещали антикоммунистические собрания в рамках этих обществ. Пустая казна Польши пополнялась значительными суммами иностранной валюты, присылаемой в адрес еврейских обществ из разных стран Запада.

Во главе этих обществ находились представители власти. Они ненавидели всё, что напоминало о существовании государства Израиль

или Джойнте, хотя находились на их содержании. Эти присяжные партийцы, позднее и сами рады были получить визу в США, подписав декларацию, что не были преступниками, где слово коммунист было синонимом преступника, вора или проститутки. У них не было проблем с их совестью. Я встретил одного знакомого ещё с довоенных времен. Раньше он был портным, а теперь ходил в военном мундире в чине майора и был обвешан орденами. Он находился в отставке с 1956 года, но по праздникам ему разрешалось носить парадный костюм с наградами. Я его спросил во скольких сражениях он участвовал и за что получил столько наград.

Не смущаясь, он ответил, что служил на "внутреннем фронте". Я инстинктивно отшатнулся от него, а стоявший рядом человек громко сказал, что те, кто сражались на фронте, потом поехали сражаться за независимость своего народа в Израиль. На вопрос этого "офицера", вступлю ли я в партию, я показал ему книгу, название которой было "Экзодус". Он кричал от злости и мне пришлось напомнить ему русскую поговорку: "Не плюй в колодец, пригодится воды напиться". Теперь Давыд Шарфгарц не плюёт больше на Израиль. Поляки выгнали его и он теперь живёт в Израиле и получает пенсию по старости от сионистского государства, которое он так оплёвывал.

При оформлении выезда из СССР моя жена побоялась отказаться от гражданства СССР и теперь она с детьми должна была получить разрешение Советского консула для выезда из Польши. Я ездил с женой на приём к консулу СССР в Варшаве. В консульстве нас спросили: "Куда намереваетесь ехать?" Мы ответили: "В Израиль." Опять вопрос: "Почему?" Ответили: "Потому, что мы евреи." Следующий вопрос: "Вы хотите воевать против нас в Израильской армии?" Я ответил, что мои намерения не совпадают с Вашими высказываниями, и что я собираюсь поселиться со своей семьей в сельской местности, чтобы обрабатывать землю и сеять хлеб. В ответ было сказано, что этот хлеб будут есть израильские солдаты, которые будут воевать против нас. Это были глупые, абсурдные предположения о том, что у маленького еврейского государства могут быть враждебные намерения против Советского народа, тем более, что за тридевять земель будет трудно напасть и воевать с таким великим государством, как Россия. Нам отказали.

Два года продолжались мытарства, пока какими-то путями удалось наконец отправить семью в Израиль, но без меня. Когда я ещё жил в Польше, я объехал многие маленькие местечки, которые раньше были преимущественно еврейскими. Евреи там жили, трудились, учились и учили других, торговали, праздновали и бедствовали. Многие сотни лет там были их синагоги и кладбища. Теперь там нет жизни и кругом царит мёртвая тишина. Когда я заехал в старинное живописное местечко на реке Варта, откуда происходили мои прадеды, я узнал, что там жили две мои старые учительницы. Когда я обратился к встретившейся мне старушке и заговорил с ней, она поняла, что я не поляк и не местный. Она сказала: "Смотрите, как мертво вокруг, евреев нет, Варта высохла и теперь только бог знает, что ещё нас ожидает за наши грехи". Такие высказывания я часто слышал, но я не менял своего решения уехать, так как вернуть прошлое невозможно.

Я нашел свою учительницу-старушку и с глубокой признательностью поцеловал её руку и вручил большой букет цветов. Она осторожно сняла мои темные очки и воскликнула: "Гринвальдек! Мой Гринвальдек! Ты жив? Смотрите, это он на самом деле." Она целовала меня, плакала и приговаривала: "Смотрите, он меня искал; это такая честь для меня". Эта встреча была для меня дороже всего на свете. Долго я сидел в доме, на самом берегу реки среди местных учителей, которым она меня представила, очень растроганная. Я вспомнил, как она меня защищала от молодого ксёндза, антисемита, который хотел отсадить от меня польских детей и посадить меня на последнюю парту, подальше от них. А вот пани Квашевска всякий раз пересаживала меня обратно. Теперь дети этого местечка не знают, что такое еврей. Я не мог удержаться и тихо сказал, что их родители слишком хорошо знали, кто здесь еврей. Наступило молчание и никто его не нарушал. Пани Квашевска и я были очень взволнованы этой встречей.

Спустя некоторое время появилось описание этой встречи в одном из литературных Польских изданий. Моей учительницей в первом классе была пани Спеваковска. Её я застал на лавочке около её домика. Она была уже глубокой старушкой, и когда я ей представился, она спросила: чей я сын, Авраама или Моше. Когда она узнала, что я сын Авраама, она заплакала и не могла ничего больше сказать. Я рассказал ей, что приехал, чтобы повидаться с ней и поблагодарить её-мою первую учительницу. Она хотела что-то сказать, но не смогла и продолжала

плакать. В это время зазвонила старинная колокольня, созывая прихожан к вечерней молитве.

Я проводил её до входа в старинный и сказочно красивый костёл. Прощаясь, она перекрестилась сама и перекрестила меня, когда я уходил. Спустя почти год после выезда моей жены с детьми, мне также выдали разрешение на выезд. Посольство Израиля заказало мне билет на самолёт, на ближайший рейс до Вены. Провожала меня одна старушка, соседка, которая жила в Лодзе с 1918 года. Она была очень религиозной и благословила меня, приговаривая, что господь меня одарил счастьем и я достигну своей цели и приду на Святую землю, где избранный богом народ вновь строит своё государство. "Езжай, езжай, дорогой, не будешь больше скитальцем и быть тебе счастливым." Этими словами она меня провожала и тепло просталась со мной в аэропорту.

В самолёте я посмотрел вниз на заснеженные горы, где проходит Польско-Чешская граница. Мне хотелось произнести благодарственную молитву, что я уже по другую сторону границы. Шёпотом я много раз произнес известные всем евреям слова: "Слушай Израиль. Боже наш! Боже единый!" Через короткий промежуток времени я был уже в Вене. Передо мной открылся новый мир, который ничем не мог меня удивить. Я имел о нём полное представление. В центре города я услышал в мой адрес оскорбительные слова от украинца, который пьяным голосом проговорил: "Прочь в Палестину." Я не хотел оставаться в Вене ни одного лишнего дня, но только через пять дней я приземлился в городе Лод вблизи Тель-Авива.

Я не целовал землю, не хотел привлекать к себе внимание окружающих, но мысленно клялся, что на этой земле мне никогда не будет плохо и я больше никогда не буду жить в галуте. Мои близкие ничего не знали о моём прибытии, так как почта бастовала. Это было моё первое знакомство с Израильской демократией. Утром следующего дня на небольшой открытой машине меня отвезли в район города Хайфа, где жила моя семья. Это был большой посёлок из асбестовых бараков. Дома никого не было, двери были закрыты. Я открыл окно и влез в квартиру. Осмотрев жильё, я прилег на кровать и почувствовал себя в своём доме.

Я улыбался сам себе от мысли, что я нахожусь дома и мне теперь "море по колено", мне теперь не нужно никого бояться и не страшны никакие трудности в дальнейшей жизни. Не успел я освоиться, как к бараку подошла гурьба детей во главе с моей дочкой, которая громко кричала: "У меня тоже есть папа." Мне было ещё трудно поверить, что после многих мучений я впервые почувствовал, что твёрдо стою на земле моей Родины, что я свободный человек и гражданин. Легко и странно чувствует себя человек, когда вдруг исчезают причины для страха и все ограничения. Однако всё, что пройдено и теперь уже позади, забыть невозможно, оно будет сопровождать меня всю оставшуюся жизнь.

Я не испытывал трудностей абсорбции, я просто их не видел потому, что не хотел их видеть и понимать, несмотря на отрицательные явления, с которыми вскоре столкнулся по прибытии в страну. Я закрывал глаза, не желая отравлять свою радость мелкими причинами. В стране было недостаточно квалифицированной рабочей силы и на третий день прибытия я уже работал. Вновь куски чёрного металла превращались в моих руках в детали. Я получал от этого удовлетворение и некоторое материальное обеспечение.

Гораздо труднее было привыкнуть к новым климатическим условиям. Мне говорили, что лето в стране длится "всего" девять месяцев и я удивлялся тому, что выходцы из Европы ещё остались живы и переносят этот климат. Моя первая весна оказалась на редкость жаркой. Наш асбестовый барак нагревался так, что невозможно было в нём находиться, а снаружи дул горячий ветер и можно было видеть раскалённый воздух. Спрятаться от жары было негде. Нам объяснили, что это был хамсин. Мне стало не по себе от мысли, что девять месяцев нужно терпеть такую жару и что я физически не перенесу этого. Мне вспомнились мечты моего старого деда, который имел совершенно другое представление о климате на обетованной земле, как и обо всём остальном. Для него, как для простого еврея, было свято изречение, в котором говорилось: "Если тебя я забуду, Иерусалим, да отсохнет моя правая рука."

Эти слова были для него не просто поговоркой, а содержанием всей его жизни. Бывало, когда он при ненастной погоде сидел в кресле, оперев свой подбородок на тросточку, и с трудом пытался размять свои старые кости, он мечтал о том, что если бы он был в стране своих предков в

Эрец-Исраэле, то отогрел бы свои косточки. При этом он со вздохом говорил: "Кто знает, может быть богом суждено мне дожить до этого времени?" С этой мечтой он прожил всю свою долгую жизнь до глубокой старости, не расставаясь с ней никогда. Но увы, только щепотку светлого, мелкого песка из святой земли, которую он припас и бережно хранил, я высыпал на его могилу и это означало его связь с землей предков.

Когда я уже находился в Израиле, меня сместило представление моего дедушки. И в то же время я думал, что мой дед принял бы жару за счастье, лишь бы оказаться на этой земле. Я стал радоваться тому, что моим детям здесь хорошо и их не пугают хамсины. О себе я перестал беспокоиться. Понадобилось три-четыре года, пока я привык немного к климату и понял, что в конце концов, мой дед был прав.

Большим событием для нас был призыв нашего сына в армию. Он был зачислен в бронетанковые части. Мы были этому очень рады. На границах государства в этот период происходили столкновения, да и внутри страны часто совершался арабский террор против мирного населения. Теперь мой сын и все его сверстники должны были охранять границы государства и жизнь его граждан. Было это накануне шестидневной войны. Со всех сторон к нашим границам подтягивались огромные враждебные силы. На душе у всех было тревожно. Трудно было быть оптимистом и верить в то, что наш маленький народ сможет противостоять всей этой громадной силе. Никто не говорил вслух, но все задавали себе вопрос, придёт ли кто-нибудь нам на помощь? Была только одна надежда- на самих себя, на наших детей, на наше желание жить. Народ был призван к оружию, оно было повсюду, на улицах, в магазинах, в автобусах. Проводы близких на сборные пункты не сопровождалось плачем и игрой на гармошках, как это было в России. В эти дни моя жена, бывшая комсомолка, написала сыну, служившему в армии обороны Израиля письмо следующего содержания.

« Дорогой сынок! Твоя служба протекает в грозное время для нашего народа и тебе это видно лучше, чем нам. Нам выпала такая доля, что дети должны быть призваны для защиты своей Родины. К сожалению мы, твои родители, ничем тебе помочь не можем . Хотим напомнить тебе мудрую русскую поговорку: "Смелого пуля боится, смелого штык не берёт". Мы надеемся, что это тяжелое испытание закончится победой и с

божьей помощью ты вернёшься домой к любящим тебя родителям и всем родным.”

В первый день войны, мы получили от сына открытку: “Дорогие родители! Дорогая мама! Я читал твоё заботливое письмо и почувствовал, как сильно вы беспокоитесь. Здесь у нас у всех хорошее настроение и высокий боевой дух. Никто из нас не думает об опасности. Ты, дорогая мама, стараешься меня успокоить и поддержать. Спасибо тебе, дорогая. Не сомневайся, я выполню свой долг с честью и не опозорю вас. Я гражданин своей страны и служу в армии обороны Израиля, которая сделает всё, чтобы защитить свой народ. Будьте, мои дорогие, спокойны и уверены в том, что всё кончится победой и мы скоро увидимся.” Его часть с боями дошла до южной точки Синайского полуострова и мы две недели ничего не знали о сыне. Однажды вечером к нам в дом прибежали дети с криком: “Яков приехал! Яков идёт!” и действительно, вслед за ними вошел наш сын.

Он был весь обвешан военным снаряжением и покрыт пылью. В это время у нас находился гость из-за границы. Он сказал: “Теперь я понял, как этот маленький народ победил столь многочисленных врагов.” Через три дня мы провожали своего сына обратно в часть. Собравшиеся на площади юноши выглядели нарядными. Их заботливые мамы успели постирать и выгладить их мундиры.. Здесь собрались и совсем ещё молоденькие бойцы. Все они были не старше девятнадцати лет. Я подумал о том, что некоторым из них пришлось смотреть смерти в глаза во время боёв с врагами, жаждущими нас уничтожить.

Возникал и самый гоёкий вопрос-сколько юношей не вернулись домой? Война-это страшное зло. Горе сопровождало наш народ веками. В результате сложившихся обстоятельств он разучился воевать и при возникновении угрозы обращался за помощью к другим странам или привлекал наёмников для защиты своего очага. Как будто разгадав мою мысль, сын пальцем указал мне на одного солдата. Тот был маленького роста и выглядел совсем ещё мальчишкой. Про него, сказал мой сын, говорят, что если он из танкового орудия не поражает цель первым снарядом, он плачет. Около этого мальчишки-солдата стояла молодая женщина, которая неуклюже держала в руках оружие своего сына, а он в это время наслаждался мороженым.

В этот момент я вспомнил, что веками наши матери отличались высокой мудростью и учили детей терпеть оскорбления, унижения и избегать столкновений с детьми других национальностей, которые для забавы могли разбить голову еврейскому мальчику или взрослому человеку. Но ничего не помогало. Евреев били все и везде на протяжении веков. Теперь я видел, как еврейские матери провожают на фронт своих сыновей без плача, как выполнение своего долга. Произошли психологические изменения, изменился образ мышления. Завоевание независимости возбудило у нашего народа потерянное качество- способность защищаться.

Теперь защита Родины-это высокая честь и слова эти значат не то, что значили на чужом языке. В России служба в армии, как правило, сопровождалась принуждением и зачастую напрасными жертвами. Подошли автобусы. Раздалась команда молодого офицера, присутствовавшие услышали лязг оружия и увидели, как молодые бойцы ловко вскакивали в автобусы и удобно усаживались. С этого момента наступала полная боевая готовность. В окнах автобусов мы видели серьезные лица юношей, отправлявшихся на жаркий Синайский полуостров охранять страну и безопасность жизни её граждан. Родители с гордостью смотрели вслед своим сыновьям.

Alter (Lyosha), Esther, Yakov, Ida

Письмо другу в богатую, далёкую страну за океаном.

Дорогой друг! Я рад, что ты отозвался и твоя жизнь благополучна. Тяжелый отрезок времени мы прошли с тобой вместе, испытывая на каждом шагу смертельную опасность днем и ночью. По разным причинам мы оказались в когтях у мучителей, которые использовали наши истощённые мускулы на стройке первой крупной ГЭС на Волге. Наши взгляды и надежды в то время совпадали. Главное, что нас объединило и сроднило, было то, что мы одного рода, одного происхождения, жили в одинаковых, угнетавших нас условиях. Наши мечты совпадали. Мы выстояли физически благодаря глубокой вере в то, что мы окажемся в нашей стране, внесём нашу лепту в её возрождение и страна эта будет нам настоящей Родиной. Теперь я пишу тебе из той конечной точки, к которой мы оба так стремились.

Я предполагаю, что ты счастлив и доволен своими материальными условиями. Моя жизнь сложилась по моему плану несколько иначе. Живу я в скромной квартире, не имею собственного предприятия, получаю скромную зарплату за тяжелый физический труд в условиях непривычного для меня климата. Но, как видишь, счастье можно понимать по-разному. Моё счастье выражается в том, что сбылись мои мечты и каждый день я наслаждаюсь жизнью в своей стране-Израиле. Каждый день я вижу детей моего народа и слышу их громкую речь на нашем возрождённом древнем языке. Они поют и смеются, им чужды всякие комплексы и трусость, обычно свойственные детям в галуте на протяжении многих веков.

Каждый день я с наслаждением смотрю как строятся новые дома и дороги. Разве мог я получить столько удовольствий даже в самой лучшей и самой богатой стране галута? Я не собираюсь давать советы-какой избрать путь и образ жизни и в выборе места, где устроить свою жизнь. Однако, мне жаль каждого ребенка из нашего народа, который вырастет не на нашей родине. Он будет оторван от своих корней, без родного языка, не зная древнейшей и богатейшей истории своего народа. Конечно, дети не участвуют в выборе страны проживания, сделанном родителями. Но кто может предсказать, будет ли в выбранной стране благополучной жизнь гонимых отовсюду людей, рождённых евреями.

Горький опыт показал, что ни богатство, ни талант, ни положение в обществе не спасли евреев от почти полного истребления в недавнем прошлом. Вот почему я с сожалением смотрю на тех, кто стремится к богатству. Ты, мой друг, избрал именно этот путь. Я выбрал то, что ни за какие богатства не приобрести. Я думаю, что ты в глубине души завидуешь мне в том, что я живу в гуще своего народа, хотя не без трудностей, напряжения и опасности для жизни. Я от души желаю тебе, чтобы ты был и дальше счастлив. А мы остаёмся в нашей бедной стране, всегда готовые помочь нашим братьям, оказавшимся в беде. Это основная наша задача и основная наша обязанность. Прошу тебя, ответь мне, вспомни наши откровенные разговоры, когда мы были на «исправлении» в лагере п/я 15/15, и были истощёнными физически, но сильными духовно. Мы мечтали о Родине и о свободе, что тогда казалось утопией.

Твой друг Альтер.(Ответа не было).

Эти записи были сделаны в 1960-1963 годах. Все приведённые здесь имена, даты и названия объектов являются подлинными, как и описанные события.